МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСИТЕТ (МГОУ)

На правах рукописи

Семин Глеб Алексеевич

Чиновничество Московской губернии в начале XX в.: социальный аспект

Специальность 07.00.02 – «Отечественная история»

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
НАУМОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ

Москва - 2016

Оглавление

Введение 4
Глава 1. Общее устройство московских органов власти. 38
§ 1 Роль и функции должности генерал-губернатора в структуре местных органов власти Московской губернии 41
§ 2 Должность губернатора в системе губернской власти Московской губернии 59
§ 3 Устройство управления Московского генерал-губернатора и губернатора.. 75
§ 4 Функции и структура Губернского правления Московской губернии 83
§ 5 Устройство губернских присутствий 93
§ 6 Должность обер-полицмейстера и градоначальника в Московской губернии 97
Глава 2. Служебная карьера московских чиновников 104
§ 1 Поступление на службу 104
§ 2 Производство в чины и перемещение по карьерной лестнице 125
§ 3 Ответственность и наказания чиновников Московской губернии в начале XXв. 141
§ 4 Медали чиновников Московской губернии. 155
§ 5 Ордена чиновников Московской губернии. 162
Глава 3. Социальный состав чиновников отдельных ведомств Московской губернии 184
§ 1 Сословный состав управления московского генерал-губернатора 184
§ 2 Полицейские чиновники и органы губернской полиции 186
§ 3 Органы Министерства финансов: московская казенная палата и казначейства 201
§ 4 Медицинские чиновники Московской губернии. 219
Глава 4. Образование, семейное положение, возраст и вероисповедание чиновников Московской губернии 238
§ 1 Образование чиновников Московской губернии в начале XXв. 238
§ 2 Семейное положение чиновников Московской губернии в начале XX в. .. 252
§ 3 Вероисповедание чиновников Московской губернии 256
§ 4 Возраст чиновников Московской губернии 258
Глава 5. Материальное положение и пенсии чиновников Московской губернии 261

§ 1 Жалование чиновников Московской губернии 261
§ 2 Собственность и имущественные отношения чиновников Московской губернии 273
§ 3 Пенсионное обеспечение чиновников Московской губернии 278
Заключение 293
Список источников и литературы 298
Приложения 310

Введение

Актуальность темы исследования.

Актуальность исследования находится в русле новейших тенденций развития исторической науки, которые характеризуются ростом интереса к изучению социальной истории.

Неотъемлемой частью любого государства являются чиновники, они обеспечивают работу государственных органов, являясь одновременно многочисленным социальным слоем. Качество работы государственного аппарата определяется квалификацией кадров, их образованием и подготовкой. Формирование этого слоя и его социальный состав являются прямым следствием политики государства, поэтому изучение чиновничества в социальном аспекте дает представление о направлении развития общества и о его взаимоотношении с властью.

В Российской империи существовал обширный слой чиновничества. Изучать бурные события истории России начала XX в. нельзя без понимания того, из каких людей в социальном отношении состоял этот слой в крупнейшей губернии империи. Образование, личные профессиональные качества, возраст и материальное положение оказывают решающее влияние на деятельность государственных органов на местом уровне.

Научная актуальность изучения чиновничества местных учреждений обуславливается общественной значимостью проблемы. Сегодня перед Российской Федерацией стоит серьёзная задача модернизации аппарата управления, привлечения квалифицированных кадров, борьбы с коррупцией и должностными преступлениями. Наиболее ярко недостатки функционирования государственных органов проявляются в работе низовых служащих, которые непосредственно соприкасаются с населением. Анализ исторического опыта развития института государственной службы в Московской губернии начала XX в. необходим для совершенствования системы государственного управления в современной России.

Особенно остро задача по преобразованию местных органов власти стоит перед Москвой и Московской областью.

Для определения **объекта исследования** важно разобраться со значением термина «чиновник». Его происхождение связано со словом «чин». Чиновником в России до 1917 называли государственных служащих, имевший определенный классный чин по Табели о рангах. В широком смысле государственные служащие, не имевшие чинов, также назывались чиновниками[1] (канцелярскими служителями). Если формально подходить к определению, то под чиновником можно понимать и военного, так как он тоже имел военный чин. Исследователи подходили к этому вопросу по-разному. Е.Карнович в своей статье «Русские чиновники в былое и настоящее время»[2] обращается к этому вопросу. Автор конца XIX в. считал, что слову «чиновник» придается неправильное значение, указывая на то, что «чиновниками» называют только «невысоких» представителей гражданской службы, «важные лица» именуются «сановниками» и заключает, что «было бы совершенно правильно подразумевать каждого представителя правительственной власти, несмотря на различие занимаемой им иерархической степени»[3]. Также Е. Карнович в определении термина указывает на корень «чин», означающее дело, порядок. «Так что собственно слово чиновник означает и деятеля и упорядчика»[4].

С.М. Троицкий наряду с термином «чиновник» употребляет термин «бюрократ», который он понимает, как «особый слой лиц, специализирующихся на управлении государством и обладающих рядом привилегий»[5].

---

[1] Большой энциклопедический словарь. М., 2000.

[2] Карнович. Е. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1897. 292 с.

[3] Там же. С. 4.

[4] Там же. С. 5.

[5] Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 5.

П.А. Зайончковский определял чиновников как «лиц, состоящих на государственной службе и имеющих классный чин»[6]. Также он относил к чиновникам и канцелярских служителей, указывая, что они занимают аналогичное положение в правительственном аппарате и впоследствии могут получить классный чин. Кроме того, историк рассматривает данный термин в широком смысле, т.е. к чиновникам он относит всех лиц, которые выполняют «те или иные государственные задания»[7]. С таким подходом к чиновникам можно отнести членов земств, органов государственного общественного управления, волостных старост и др. Историк Н.П. Ерошкин подошёл к данному вопросу с другой точки зрения. За основу он брал не чин, а должность, т.е. «штат гражданских или военных должностных лиц, входящих в состав государственных учреждений»[8]. Однако такой подход совершенно не учитывал сверхштатных чиновников, писцов и служителей. Л.Е. Шепелев под чиновниками объединял всех государственных служащих: «К тем, кто занимал административно-распорядительные должности, добавились инженеры, учителя, библиотекари и музейные работники, врачи и другие. Как и прочие чиновники, они числились в штатах учреждений, получали чины и награды, носили мундиры, им назначались пенсии»[9]. Б.Н. Миронов под чиновниками понимает только лиц причастных к управлению[10], что ближе к современному понятию государственного служащего.

В современном языке слово «чиновник» уже не является юридической категорией, отсюда столько различных трактовок данного термина. Ближайшей

---

[6] Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 3.

[7] Там же.

[8] Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. С. 4.

[9] Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. XVIII - начало XX в. СПб., 2001. С. 115.

[10] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 2003. С. 162.

аналогией в современном понимании является государственный служащий - по российскому праву гражданин РФ, исполняющий в порядке, установленном федеральным законом обязанности по государственной должности государственной службы за денежное вознаграждение, выплачиваемое за счет средств федерального бюджета или бюджета соответствующего субъекта РФ[11]. При этом данные слова вовсе не являются тождественными в юридическом смысле. Современная система государственной службы включает в себя гражданскую, военную и правоохранительную[12]. В Российской империи правоохранительные органы относились к гражданской службе, но, кроме того, существовала придворная служба, которая не приравнивалась к гражданской. 3 апреля 1809 г. был издан указ о непризнании прав действительной службы за почётными придворными должностями[13]. Дореволюционный юрист и историк Н.М. Коркунов понимал гражданскую службу как «особое публично-правовое отношение служащего к государству, основанное на подчинении и имеющее своим содержанием обязательную деятельность, совершаемую от лица государства и направленную к осуществлению определенной задачи государственной деятельности»[14]. В современном праве под гражданской службой понимается «профессиональная служебная деятельность граждан на должностях федеральной государственной гражданской службы по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов и лиц, занимающих государственные должности»[15]. Т. е. служба в современном праве относится к государственным органам – системы взаимосвязанных и

[11] Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2003.

[12] О государственной гражданской службе российской федерации от 27.07.2004 ФЗ (ред. от 08.06.2015) // Консультант Плюс. Законодательство.

[13] Карнович. Е. Указ. соч. С. 85.

[14] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1 - 2. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1909. С. 400.

[15] Там же.

взаимодействующих звеньев, действующих от имени государства[16]. Н.М. Коркунов считал, что должностное лицо само по себе является органом государственной власти, который «обязан верностью монарху и подчинением, стоящему между ним и монархом начальству»[17].

Так как «учет исторического, т.е. меняющегося, содержания терминов, слов источников - одно из необходимых условий научного историзма в понимании и оценке общественных явлений», то следует придерживаться более близкого понимания термина для конкретной эпохи, «необходимо учитывать развитие его содержания в зависимости от условий, времени, места»[18].

Исходя из вышеперечисленного, можно выделить ряд сущностных признаков чиновника. Первый из них - нахождение на классной государственной должности с правами государственной службы. После определения на такую должность, на человека начинал действовать комплекс юридических норм о государственной службе. Устанавливалась юридическая связь лица и государства. Человек получал дополнительные права и обязанности, мог пользоваться привилегиями, которые давала должность.

Вторым признаком чиновника можно назвать – наличие гражданского чина. Чин соотносился с Табелью о рангах, сообщая человеку определенный социальный и юридический статус. Чин причислял лицо к определенной социальной группе. Канцелярские служители не имели чина, но они тоже являлюсь частью чиновоного сообщества, так как какнцелярский служитель мог в дальнейшем получить чин.

---

[16] Кутафин О.Е. Основы государства и права. М.: Юристъ, 2000. С. 19.

[17] Коркунов Н.М. Указ. соч. Т. 1. С. 403.

[18] Смоленский Н.И. Теория и методология истории. М.: Издательский центр «Академия», 2007. С. 243, 249.

Под чиновником в настоящей работе понимаются лица, имеющие чин и состоящие на классных должностях гражданской службы, и должностях, дающих права государственной службы.

Объектом исследования являются чиновники Московской губернии в начале XX в. Кроме того, объектом исследования являются канцелярские служители, которые не имели чинов, но являлись нижней ступенью, с которой начиналась карьера чиновника.

Из-за обширности московского чиновничества охватить всех служащих в одной работе не представляется возможным, поэтому для подробной статистики использовались представители чиновничества отдельных ведомств Московской губернии. Управление генерал-губернатора - высший бюрократический орган Московской губернии. Важнешими функциями любых местных органов власти являются правоохранительная деятельность и поддержание порядка, сбор налогов и управление финансами, здравоохранение. Поддержанием правопорядка в Московской губернии занималось полицейское управление, финансовой стороной ведала казенная палата, к которой также относились податные инспекторы. Здравоохранением занимались чиновники медицинского отделения губернского правления и врачи, которые тоже часто являлись чиновниками. Следует отметить, что врачи представляют немалый интерес еще и потому, что они представляли собой слой чиновничества, который формировался исключительно на основе образовательного ценза, тогда как в других ведомствах до 1906 г. существенную роль играл сословный ценз, поэтому анализ социального состава врачей может дать представление о социальной структуре, к которой все остальное чиновничество только стремилось. Еще одна причина, которая побудила нас в качестве объекта взять врачей, это необходимость рассмотрения данной социальной группый как части чиновного сообщества. Этот вопрос игнорируется в работах большинства исследователей. Врачи рассматриваются в отрыве от чиновного мира, что, на наш взгляд, не позволяет полностью раскрыть сущность данной социальной группы. При этом опыт интеграции медиков в

чиновное сообщество является очень полезным и актуальным для современных российских реалий.

На основании вышеизложенного для подробной статистики были выбраны следующие учреждения: управление генерал-губернатора, казенная палата и казначейства, полицейское управление и врачи как часть чиновного сообщества.

Предмет исследования - социальный состав, имущественное положение, образование, вероисповедание, возраст, семейное положение и порядок прохождения службы чиновников Московской губернии в начале XX в.

Хронологические рамки исследования охватывают начало XX в. В целом период исследования определяется рамками с 1897 по 1913 гг. Большая часть формулярных списков, использованных в работе, относится к 1900 и 1913 гг., при отсутствии списков за эти годы привлекались формуляры ближайших лет. Во многом это определяется источниками, но эти даты являются важными ещё и потому, что в 1897 г. прошла первая всеобщая перепись населения Российской империи, а в 1896 г. был принят устав о гражданской службе, а 1913 — это последний год перед началом Первой мировой войны.

Территориальные рамки - исследования охватывает Московскую губернию в границах на начало XX в.

Степень изученности темы.

История государственного аппарата и чиновников как его неотъемлемой части давно стали объектом научного анализа. До 1917 г. эти проблемы рассматривали историки государственной школы. Например, А.Д. Градовский рассмотрел всю структуру государственных органов Российской империи, опираясь на отечественные и зарубежные юридические источники[19]. Существенный вклад в изучение государственного аппарата внёс известный

[19] Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Т. 1 – 3. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1875 – 1883.

историк и правовед Н.И. Лазаревский. В работе «Лекции по русскому государственному праву» [20] он разбирал функционирование местных и центральных органов власти. Н.И. Лазаревский рассмотрел основы конституционного устройства России[21]. Повышенное внимание историк уделял государственной службе, на основе юридических источников автор анализирует её основные аспкты, такие как поступление на службу, производство в чины, получение наград и др. Н.И. Лазаревский сравнивал устройство государственной службы в России и других государствах[22]. К анализу всех проблем историк подходил критически, указывая на неэффективность работы учреждений и несовершенство законодательства.

Широкий спектр вопросов в фундаментальном труде «Русское государственное право»[23] рассмотрел Н.М. Коркунов, он проанализировал административную юстицию и ответственность должностных лиц.

Вопросы чинопроизводства, история создания и эволюции Табели о рангах изучались В.А. Евреиновым[24]. Крупное исследование истории становления губернаторской власти в России провел И.А. Блинов в своем историко-юридическом очерке «Губернаторы»[25]. Эта одна из первых работ, которая подробно разбирает развитие института губернаторства, начиная от 1775 г. и заканчивая концом XIX в. Кроме конкретно-исторических вопросов, автор рассмотрел и такие общие вопросы, как централизация и децентрализация государства, роль надзорных органов. И.А. Блинов приходит к выводу, что

---

[20] Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1 – 2. СПб.: Типография Акционерного Общества «Слово», 1908 – 1910.

[21] Там же. Т. 1. СПб.: Типография Акционерного Общества «Слово», 1908. 487 с.

[22] Там же. Т. 2. СПб.: Типография Акционерного Общества «Слово», 1910. 282 с.

[23] Коркунов Н.М. Указ. соч.

[24] Евреинов В.А. Гражданское чинопроизводство в России. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1888. 146 с.

[25] Блинов И.А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб.: Типо-литография К. Л. Пентковского, 1905. 366 с.

общество давно созрело для расширения самоуправления на местах, а губернаторская власть перестала удовлетворять потребностям государства и нуждается в проведении серьезных реформ[26].

Кроме того, проблема губернаторской власти в дореволюционной России получила освещение в работах К. Соколова[27] и В.М. Гессена[28]. Существенный вклад в изучение местного губернского управления внёс И.М. Страховский в серии статей «Губернское устройство»[29].

Проблема чиновничества была актуальна в начале XX в., поэтому к этому времени относится большое количество очерков и публицистических работ, связанных с деятельностью государственных служащих как особого социального слоя. К значимым можно отнести работы П. Берлина, Е. Карновича, С.Д. Ольшевского, Б. Бразоленко, В.В. Ивановского, Э.Н. Берендтса[30]. Критические исследования посвящались важным темам, таким как коррупция среди чиновников. Например, П. Берлин рассмотрел истоки и причины мздоимства в современную ему эпоху[31]. Рассматривая эту проблему, Е. Карнович выдвигал предположение о связи взяточничества и материального положения служащих[32].

---

[26] Там же. С. 354.

[27] Соколов К. Очерк истории и современного значения генерал-губернатора // Вестник права. 1903. Кн. 7, 8.

[28] Гессен В.М. Губернаторы как орган надзора. СПб.: Литография Трофимова, 1907. 37 с.

[29] Страховский И.М. Губернское устройство // Журнал министерства юстиции. 1913. № 7, 8, 9.

[30] Берлин П. Русское взяточничество, как социально-историческое явление // Современный мир. 1910. № 8. С. 45-56; Карнович Е. Указ. соч.; Ольшевский С.Д. Бюрократия. М.: Издательство В.М. Сабанина, 1906. 80 с.; Бразоленко Б. Очерк развития бюрократии в России // Вестник знания. 1903. № 8; Ивановский В.В. Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Русская мысль. 1903. № 8. С. 7-15; Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1913. 290 с.

[31] Берлин П. Указ. соч. С. 45-56.

[32] Карнович Е. Указ. соч.

Работы дореволюционных историков основываются на богатой источниковой базе. В них был проанализирован большой объём нормативно-правовых документов. Негативной чертой этих исследований является тот факт, что авторы часто делают выводы, исходя из личных взглядов и пристрастий. Кроме того, дореволюционным историкам не были доступны источники, связанные с фактической деятельностью чиновников. В то же время, историография конца XIX – начала XX в. заложила основы изучения государственного аппарата и государственной службы Российской империи.

В советские годы государственный аппарат изучали Н.П. Ерошкин и П.А. Зайончковский. Они использовали большой комплекс источников, которого дореволюционные историки были лишены (делопроизводственные документы). Н.П. Ерошкин в своем большом труде «История государственных учреждений дореволюционной России» проанализировал развитие всего государственного аппарата в Российской империи, касаясь и вопросов служащих, но, не разбирая их подробно[33]. Фактически это была первая советская крупная работа о государственных установлений дореволюционной России. Н.П. Ерошкин первым из советских историков выполнил анализ структуры губернских и уездных учреждений Российской империи. Он сделал вывод о снижении роли губернского правления по сравнению с канцелярией губернатора[34].

П.А. Зайончковский в работе «Правительственный аппарат самодержавной России» [35], во многом последовав за Н.И. Лазаревским, подробно проанализировал различные аспекты государственной службы и социального состава чиновничества. Фактически труд П.А. Зайончковского стал одним из первых крупных исследований, основанных на привлечении массовых

[33] Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства Просвещения РСФСР, 1960. 396 с.

[34] Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 223.

[35] Зайончковский П.А. Указ. соч.

источников. Историк занимался анализом формулярных списков, выделяя возраст, имущественное положение, образование и происхождение. П.А. Зайончковский также показал социальные процессы, происходившие в среде чиновников в XIX в., в динамике. В своей работе он предложил новые методические приёмы по изучению формулярных списков.

Интерес представляют источниковедческие работы по изучению массовых источников. Подробно этот вопрос анализировался Б.Г. Литваком в работе «Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в.»[36]. Автор подробно рассматривает понятие массового источника. Серьезной работой является кандидатская диссертация М.Ф. Румянцевой «Массовые источники по истории чиновничества местных государственных учреждений России. 1762-1802 гг.»[37]. В ней подробно изучаются методы, применяемые при анализе формулярных списков. Другая важная работа о приемах изучения формулярных списков - статья И.Н. Киселева и С.В. Мироненко «О чем рассказали формулярные списки»[38]. Авторы обозначили перспективу обработки статистических данных с помощью ЭВМ (компьютеров), при этом особое внимание уделяется специфике изучения формулярных списков, выборке нужных источников и т.д. Стоит заметить, что материалы работы более чем за 20 лет уже устарели и нуждаются в новом описании с учетом современных технологий. В настоящее время большая часть работы, которую приходилось проделывать авторам, может быть оптимизирована и автоматизирована благодаря специальным программам по созданию баз данных.

---

[36] Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М.: Наука, 1976. 292 с.

[37] Румянцева М. Ф. Массовые источники по истории чиновничества местных государственных учреждений России, 1762-1802 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

[38] Киселев И.Н., Мироненко С.В. О чем рассказали формулярные списки // Число и мысль. Сб. статей. 1986. Вып. 9. С. 6-31.

В постсоветский период появились работы, основанные на материалах местных архивов, особое внимание начало уделяться таким направлениям в исторической науке, как история повседневности, социальная история. Появился большой комплекс работ, основанных на подобных материалах. Крупное исследование в этой области было проведено Б.Н. Мироновым[39]. Автор сделал вывод о формировании в Российской империи к началу XX в. слоя профессиональных чиновников, живущих на жалование.

Л.Е. Шепелев, труды которого одновременно относятся к советской[40] и современной историографии[41], провел крупное исследование, которое охватывает огромный комплекс вопросов, связанных с чиновничеством[42].

Большое количество источниковедческих аспектов осветил в своих работах В.А. Иванов[43]. В частности, он затрагивает такие важные для настоящей работы

---

[39] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 538 с.

[40] Шепелев Л.Е. Отмененные историей чины, звания, титулы в Российской империи. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1977. 152 с.

[41] Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. М.: Наука, 1991. 224 с.

[42] Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. XVIII - начало XX в. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. 520 с.

[43] Иванов В.А. Губернское чиновничество 50-60 гг. XIX в. в России. Калуга: КГПИ, 1994. 229 с., 1994; Иванов В.А. Источники для выяснения численности и состава служащих местных правительственных учреждений России в предреформенное время (1850-е годы) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сборник статей. М.: ИРИ РАН, 1998. С. 239-260; Иванов В.А. Источники о штатах присутственных мест Московской губернии середины XIX в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сборник статей. М.: ИРИ РАН, 2009. С. 169-192; Иванов В.А. Социальный облик местного чиновничества России в середине XIX в. // Федерализм: Теория. Практика. История. № 1. 2009. С. 79 – 92; Иванов В.А. Местное чиновничество предреформенной России. // Преподавание истории в школе: Научно-теоретический и методический журнал. № 4. 2010. С. 15 – 19; Иванов В.А. Кадровый состав государственного аппарата провинциальной России в середине XIX в. и его особенности (по

вопросы, как достоверность формулярных списков, репрезентативность массива источников, автор останавливается не только на делопроизводственных документах, но и на мемуарах, и газетной периодике. В частности, автор провел большую работу по анализу достоверности адрес-каленадрей как источника для установления численности чиновников. Работа В.А. Иванова восходит к труду П.А. Зайончковского с тем отличием, что В.А. Иванов концентрируется не на чиновничестве всей России, а на отдельных губерниях. Он опирался на материалы Московской и Калужской губерний середины XIX в.

На местных материалах выходило значительное количество изданий справочного характера, содержащих большое количество биографических материалов. Особенный интерес представляют работы В.Н. Балязина «Московские градоначальники»[44] и «Императорские наместники первопрестольной»[45]. Несмотря на то, что данные работы относятся к научно-популярным, в них собран огромный фактический материал, прослеживаются биографии руководителей Москвы за 200 лет. В начале XX в. автор в первую очередь рассматривает биографии генерал-губернаторов, а личностей губернаторов и градоначальников практически не касался.

Фундаментальной является работа Л.М. Лысенко, в которой, проанализировав социальный состав губернаторов с 1708 по 1917 гг., автор прошел к выводам о том, что роль военных среди губернаторов снижалась, росла профессионализация и снижалась доля лиц дворянского происхождения. По мнению Л.М. Лысенко, это не отражалось на качестве управления губернией из-за того, что сама система губернаторской власти нуждалась в реформировании[46].

материалам Калужской губернии). // История государства и права: Федеральный журнал: Научно-правовое издание. № 20. 2011. С. 33 – 35.

[44] Балязин В.Н. Московские градоначальники. М.: ТЕРРА, 1997. 432 с.

[45] Балязин В.Н. Императорские наместники первопрестольной. М.: Тверская,13, 2000. 494 с.

[46] Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII - начало XX века). М.: Прометей, 2001. С. 237.

Автором был собран огромный фактический материл: данные на более чем 2000 губернаторов и около 200 генерал-губернаторов, данные обобщены в многочисленных таблицах и диаграммах.

Крупная работа «Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи»[47] была предпринята в 2001 г. коллективом авторов под общей редакцией В.В. Черкесова. В исследовании был рассмотрен процесс зарождения генерал-губернаторства, начиная от реформ Петра I и кончая упразднением должности в 1917 г. Работа основана на большом количестве новых источников, особенно ценным для нашего исследования является биографические справки о генерал-губернаторах. Значительное место в работе отводится анализу юридических источников. В работе подробно рассматривается деятельность генерал-губернаторов в эпоху перовой русской революции, особое внимание уделяется репрессивной функции должности генерал-губернатора. Данный подход носит тенденциозный характер, такие оценочные суждения, имеющие ярко-выраженную негативную окраску, как «решительный и беспощадный», «разгром декабрьских выступлений», «одно карательное распоряжение за другим», «пролив потоки крови»[48] плохо сказываются на объективности работы, тем не менее, в исследовании анализируется большое количество юридических источников, хотя и без подкрепления другими видами источников.

Стоит отметить работу Л.В. Климовой, в которой автор обращается к теме разграничения полномочий между губернатором и генерал-губернатором и

[47] Черкесов В.В. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: В 2 т. Т. 1. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. 452 с.

[48] Там же. С. 256.

приходит к выводу, что значительную роль в определении полномочий этих двух должностей играл личностный фактор[49].

Большое количество работ посвящено высшей бюрократии России начала XX в., они представляют для нас интерес с точки зрения методов исследования. Особенно стоит отметететить исследования С.В. Куликова и Д.И. Раскина[50]. В работа Б.Б. Дубенцова и С.В. Куликова «Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в. (Итоги и перспективы изучения)»[51]. Авторы обозначили перспективы развития исследований в области изучения чиновничества, указали на необходимость более подробного анализа формулярных списков и генеалогического фактора, данный тезис не теряет своей актуальности и для провинциального чиновничества.

Нельзя не упомянуть о крупной монографии Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой «Сословное общество Российской империи» [52]. Авторы проследили эволюцию правового статуса всех основных сословий Российской империи, а также выявили роль государственной власти, которая влияла на процесс складывания сословного общества.

---

[49] Климова Л.В. Проблемы взаимодействия местных органов власти в Москве во второй половине XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2015. № 3. С. 116-124

[50] Раскин Д.И. Специализация высшей российской бюрократии XIX- начала XX в.: образование, профессиональный опыт, продвижение по службе // Из глубины времен. 1994. Вып. 3. С. 29-42; Куликов С.В. Социальный облик высшей бюрократии России накануне февральской революции // Из глубины времен. 1995. Вып. 5. С. 3-46

[51] Дубенцов Б.Б., Куликов С.В. Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в. (Итоги и перспективы изучения) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XX - XX веков. СПб.: Алетейя, 1999. С. 63-86.

[52] Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.

В 2012 г. вышла коллективная монография «Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государтсва»[53], 2 глава которой, написанная Я.В. Соловьевым, посвящена региональным органам управления. Этому же автору принадлежат работы, посвященные чиновничьему аппарату Министертсва финансов[54].

Кроме того, в последнее время были защищены диссертации, основанные на местных материалах различных губерний. Это работы Л.В. Мерзляковой, Г.В. Павловой, Ю.Б. Павлюка, А.А. Бутусовой, В.Е. Слотина, Т.А. Поскачей[55].

При этом наличие большого количества общих работ оставляет без внимания местную специфику отдельных губерний. Исследователей в основном привлекает XIX в., тогда как начало XX в. остается без должного внимания. В этот период произошли такие значительные для отечественной истории события, как первая русская революция 1905 г., за которой последовал ряд преобразований, отразившихся и на государственной службе. Неизученной до сих пор остается тема московских чиновников в начале XX в.

---

[53] Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства. М.: РОССПЭН, 2012. 407 с.

[54] Соловьев Я.В. Бюрократический аппарат Министерства финансов в пореформенную реформу // Вопросы истории. 2007. № 7. С.9-25.

[55] Мерзлякова Л.В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (Опыт социально-политической характеристики): дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997. 228 с.; Павлюк Ю.Б. Российское чиновничество в системе местного управления в первой половине XIX века: На материалах Московской и Тверской губерний: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 240 с.; Павлова Г.В. Воронежская губернская администрация (губернское правление и канцелярия губернатора) в 60-х гг. XIX - начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004. 270 с.; Бутусова А.А. Провинциальное чиновничество России в 1861-1917 гг. (на примере Курской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006. 183 с.; Поскачей Т.А. Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII - первой половине XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2006. 261 с.; Слотин Е.В. Провинциальное училищное чиновничество России в XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2010. 243 с.

Цель диссертационного исследования – комплексно изучить московское чиновничество начала XX в. в социальном аспекте.

Для достижения поставленной цели нами решались следующие исследовательские задачи.

1. Проанализировать общую структуру губернских учреждений Московской губернии.
2. Рассмотреть правовые основы функционирования государственной службы в Российской империи на примере чиновников Московской губернии.
3. Изучить социальный состав чиновничества Московской губернии.
4. Проанализировать семейное положение, возраст и вероисповедание чиновников Московской губернии.
5. Проанализировать уровень образования чиновников Московской губернии.
6. Определить имущественное положение чиновников Московской губернии.
7. Рассмотреть основные социальные гарантии, которые получали чиновники Московской губернии после службы.

Источниковая база.

Для изучения темы диссертации привлекались различные виды источников. В работе были привлечены неопубликованные источники из фондов ЦГАМ. ЦХД до 1917 г (Центральный исторический архив города Москвы). Были использованы материалы фондов:

1. Фонд 1. Московское врачебное управление. В этом фонде удалось найти личные дела врачей Московской губернии. Некоторые документы, оказавшиеся полезными для нашей работы, связаны с непосредственной деятельностью врачебного управления. Например, дело об освидетельствовании здоровья больных чиновников

представляет немалый интерес для понимания практики выплаты пенсий[56].

2. Фонд 16. Управление московского генерал-губернатора, был одним из основных для исследования. В нём для нас представляли интерес дела о переводе чиновников с одной должности на другую, об определении на службу, о производстве в чины, о благонадежности, прошения и жалобы разных лиц, о сборе сведений о лицах, предоставленных к наградам и наградные списки. Некоторые дела содержат информацию касательно одного служащего, в других находятся документы о нескольких чиновниках. В дополнение к этому, в данном фонде содержатся дела о службе чиновников управления генерал-губернатора: общие и формулярные списки. Следует обратить внимание, что часто дела, в названиях которых присутствует словосочетание «формулярные списки» могут содержать краткие списки или просто перечень лиц, числящихся в учреждении.

3. Фонд 17. Канцелярия московского губернатора, представляет немалый интерес для нашей работы. В нём содержатся формуляры служащих, дела о назначении пособий, пенсий, наградные списки, переписка по поводу назначений и др. Особенно важными делами из этого фонда являются формулярные списки чинов полиции. Наиболее крупное дело в описи называется «Формулярные списки чиновников канцелярии Московского губернатора», в нём содержится большое количество списков чинов уездной полиции, название дела на обложке: «Формулярные списки о службе чиновников Московской губернии за 1903-1904 гг.»[57].

4. Фонд 51. Московская казенная палата. Он содержит внутреннюю переписку казенной палаты и казначейств, материалы ревизий податной

[56] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2482.

[57] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101. Д. 254.

инспекции, дела о назначении на должности. Можно выделить документы, представляющие наибольший интерес: «Дело об учреждении казначейства в г. Сергиев Посад»[58] и «Дела об учреждении нового административного деления г. Москвы на новые участки»[59] оба дела относятся к 1909 г. По этим документам можно проследить за увеличением штатов учреждений министерства финансов в Московской губернии в начале XX в. Стоит отметить хорошую проработку этого фонда в архиве ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. В описях формулярные списки расположены в хронологическом порядке, наиболее крупные коллекции списков относятся к 1900-1901 гг., работа с формулярами за 1913 г. затруднена: списки казначейств за 1911-1913 гг. не находятся в одном деле, а разбросаны по нескольким делам за разные годы. Фонд казенной палаты дал наибольшее количество формулярных списков чиновников Московской губернии для статистики.

5. Фонд 54. Московское губернское правление содержит документы о перемещении, увольнении служащих, о выдаче жалования, дела о предании должностных лиц ответственности за различные преступления. Особенно стоит выделить списки служащих полиции с общим количеством дисциплинарных взысканий, которое имел каждый из них[60]. Кроме того, в фонде губернского правления за начало XX в. содержится небольшое количество дел с формулярными списками полицейских. Из-за общего небольшого числа сохранившихся списков за 1911-1913 гг. материалы этого фонда представляют особую ценность для работы.

6. В фонде 179 – Московской городской думы и управы находится большое количество дел о лицах, состоящих на службе в общественных

[58] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 5. Д. 181.

[59] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 5. Д. 184.

[60] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 54. Оп. 179. Д. 1052.

учреждениях. Нас в первую очередь интересовали служащие, пользующиеся правами государственной службы. В этом фонде были выявлены материалы о награждении, поступлении на службу. Также в нем удалось найти формулярные списки врачей московских больниц.

7. В работе использовались дела из фонда 508– Московский почтамт ведомства главного управления почт и телеграфов Министерства внутренних дел. В ходе исследования было проанализировано не менее 170 дел.

В комплексе архивных дел можно выделить следующие источники. Делопроизводственные документы, т.е. созданные в результате делопроизводства – деятельности аппарата управления учреждений, организаций и предприятий, связанной с процессом создания документов. Процесс включает в себя перемещение документов в информационных целях в связи с рассмотрением, утверждением, исполнением, а также организацию их хранения[61]. Важными являются такие документы, как всеподданнейшие отчеты губернаторов, переписка внутри одного ведомства, между разными ведомствами, прошения о поступлении на службу, инструкции и циркуляры. Особенно важную роль играет переписка об определении на должность, о награждении, о представлении к чинам, о служебных заслугах и пр.

Прошение – это обращение какого-либо лица к уполномоченным государственным органам. Это могли быть прошения о принятии на службу, прошение самого чиновника или его жены о исходатайствовании пенсии, заявления с жалобами на работу тех или иных служащих. Хоть к ним и не стоит относится, как к полностью достоверным источникам, из них можно почерпнуть важные сведения о повседневной деятельности чиновников. Важной является реакция государственного органа на прошение: имело ли оно дальнейший ход,

[61] Коваленко И.Д. Источниковедение истории СССР. М.: Высшая школа, 1981. С. 261.

удовлетворены ли просьбы обращавшегося лица или оно было «оставлено без последствий».

К переписке относятся предписания, распоряжения, запросы, рапорты и другие. Среди внутренних нормативных актов отдельных ведомств можно выделить циркуляры, которые могли разъяснять действие той или иной нормы законодательства. Все эти документы лучше, «чем какие-либо другие источники, позволяют увидеть весь механизм работы чиновничье-бюрократического аппарата Российской империи»[62]. Особый вид источников представляют ревизии. Они могли содержать самые разнообразные сведения о состоянии того или иного учреждения. Например, ревизии могут показать количество неоконченных дел в определенном учреждении. В ходе ревизии могли открыться злоупотребления или нарушения служебного распорядка.

Особый интерес для настоящей работы представляют массовые источники, т.е. «документы, которые отражают единичный факт или явление, сами по себе имеющие ограниченный интерес, но в совокупности, позволяющие выяснить ту или иную закономерность. По форме своей эти документы представляют определенный формуляр или зачатки его» [63]. Термин массовая документация собирательный, он объединяет ряд разновидностей источников.

Основным массовым источником для исследования являются формулярные списки служащих государственных учреждений Московской губернии. Они представляют собой особый делопроизводственный документ, который фиксировал личные данные служащего. Документ представлял собой таблицу, разделенную на графы. В первой графе указывалось имя фамилия и отчество, возраст, чин, полученные награды, содержание. Во второй графе ставилось происхождение, иногда графа оставалась незаполненной, иногда в ней указывалась информация, которая не позволяет причислить чиновника ни к

[62] Там же. С. 183.

[63] Литвак Б.Г. Указ. соч. С. 6-7.

одному крупному сословию, например, сын пробирщика, но обычно такая важная информация, как чин и происхождение указывались с достаточной точностью, так как эта информация непосредственно влияла на продвижение чиновника по службе. Иногда недостоверной является информация о возрасте. Сравнение формуляров чиновников Московской казенной палаты показали, что неточности в указании возраста являются распространённым недостатком. Сравнив списки за 1900 и 1901 гг., обнаружилось, что у некоторых служащих возраст расходится на 2-3 года. Однако данные погрешности не являются критичными для исследования, так как для систематизации результатов было принято решение распределить чиновников на группы по 5 лет. К тому же ошибки выявлены в менее 10% списков. Что касается сословий и имущественного положения, жалования и образования, то тут не было выявлено расхождений, что позволяет говорить об относительной точности данной информации. Другой проблемой формулярных списков является отсутствие некоторой информации. Информация о собственности не всегда присутствует в полном объеме, так у одного и того же чиновника в 1900 г. могла стоять собственность, а в 1913 она отсутствовала. На эту проблему обращал внимание П.А. Зайончковский, который, рассмотрев формулярные списки И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте – министров и крупнейших «банковских дельцов», заметил, что за ними не числится недвижимого имущества[64].

Несмотря на то, что заполнение данного источника можно считать типовым, существовали различия. В информации о жене не всегда указывалось происхождение, хотя вероисповедание имеется всегда, в некоторых списках имеется возраст либо дата рождения жены служащего, в некоторых данная информация отсутствовала. Часто отсутствует информация об образовании, но последняя проблема была решена П.А. Зайончковским, который предположил, что образование не указывалась в том случае, когда чиновник получил домашнее образование. Еще одна проблема заключается в трудности установления даты

[64] Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 12.

дела. На обложке списка в большинстве случаев имеется дата, но при этом списки часто дописывались, дополнялись и исправлялись. На основе дел московского архива можно сделать вывод, что особенно это явление распространилось с преобладанием печатных списков. Ближе к 1913 году, в документе стали ставить типовой штамп, куда необходимо было вписать чин. Встречаются штампы о получении медали. Такие штампы о памятных медалях позволяют более точно датировать формуляр. Так, например, во многих списках за 1911 год были обнаружены штампы о получении медали в честь 300-летия дома Романовых, учрежденной в 1913 г. В данном случае датой можно считать условно 1913 г. и, если никакая информация в списке не была исправлена, мы можем сделать вывод, что она была актуальна не только для 1911, но и для 1913. В некоторых случаях дописки позднего времени можно выявлять по цвету чернил. Например, если в списке, датированном 1910 г. мы видим дописки разными чернилами разных дат и годов, а в самом списке имеются исправления этими же чернилами, то мы можем проследить актуальную информацию, соотнеся чернила и даты. Разумеется, данный метод не является надежным на 100%, но все-таки даёт возможность обозначить примерные временные рамки создания документа. Достаточно точной является информация о переводе из одного ведомства в другое, так как она тоже была важна для последующей службы.

Всего было выявлено более 1000 формулярных списков, из них 946 было обработано и приобщено к статистике. Из списков медицинских чинов министерства просвещения удалось почерпнуть сведения о 115 врачах[65]. Кроме этого, было просмотрено большое количество наградных списков, прошений и прочих источников.

Кроме формулярных списков существовали и некоторые другие виды списков: краткие списки, именные списки, кондуитный список (у врачей и фармацевтов), наградные списки. Краткие списки чаще всего не содержали

[65] Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел. 1906 г. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1906.

информацию о происхождении, в них фиксировалась информация только о последних должностях, повышениях и наградах, но все же они могут предоставить некоторую информацию о собственности, чине, возрасте, содержании и образовании, но их использование для статистики затруднительно без дополнительных источников. К примеру, информацию из кратких списков некоторых служащих управления Московского генерал-губернатора удалось дополнить данными из других источников. Именные списки также содержали краткую информацию, но отличие заключалось в том, что в них обычно чиновники шли друг за другом за определенный год. Наградные списки содержат только даты о поступлении в службу, в должность, в ведомство, информацию о чине, должности, о последней награде и о том, к какой награде данный чиновник представляется.

Среди опубликованных источников можно выделить законодательные документы, содержащие положения, согласно которым функционировали местные органы власти. Это указы, законы, штаты и другие нормативные акты. Среди них особое значение имел устав о гражданской службе 1896 г. и указ 1906 г. о снятии ограничений с бывших податных сословий. Основная часть использованных в работе законодательных источников содержится в «Своде законов Российской империи»[66]. В своде содержатся законы, связанные с общими государственными установлениями, законы о местных органах управления, устав о государственной службе, устав врачебный, устав учебный и уложение о наказаниях. Особенность Свода состоит в том, что он издавался один раз за большой промежуток времени, поэтому не все нормы соответствуют изучаемому периоду. Указы, не вошедшие в Свод и штаты государственных учреждений, содержатся в «Полном собрании законов Российской империи».

В «Полном собрании законов Российской империи» публиковались такие важные для диссертации источники, как штатные расписания. В штатных

[66] Свод законов Российской империи (далее СЗРИ). Т. 1, 2, 3, 11, 13, 15. СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912.

расписаниях фиксировался класс должности, разряд пенсии и полагавшееся по этой должности жалование. В своде законов иногда имеются ссылки на штатные расписания, иногда они отсутствуют. Кроме того, в полном собрании публиковались уставы различных учреждений, например, больниц или учебных заведений, где указывалось, кого стоит принимать в качестве служащих, пользовались ли они правами государственной службы, какой класс положен их должности и др. Законы в полном собрании в отличие от статей свода располагаются в порядке их принятия, из-за чего поиск нужного акта часто затруднён. Принятие штатного расписания ведомства часто затягивалось. От введения того или иного учреждения до утверждения его штатных расписаний могли пройти многие годы.

Важным источником для диссертации являются воспоминания. Наиболее ценными можно считать воспоминания московской губернатора В.Ф. Джунковского с 1905 по 1909 г.[67], товарища министра внутренних дел, и командир Отдельного корпуса жандармов с 1913 по 1915 г. Часть воспоминаний была написана в период с 1921 по 1923 г. Несмотря на то, что мемуары созданы значительно позже описываемых событий, автор с большой точностью передавал факты. Это стало возможным благодаря обширному личному архиву, где находились дневники, письма, копии официальных документов, вырезки из газет, театральные афиши и др. В.Ф. Джунковский стремится быть документально точным, не претендуя на анализ событий. Основная часть опубликованных воспоминаний относится к 1905-1915 гг. и посвящена непосредственно Москве[68]. Особенно ценной информацией по истории московского чиновничества являются характеристики отдельных должностных лиц, описания учреждений, случаев из служебной практики губернатора, органов полиции и пр.

---

[67] Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1-2. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1997.

[68] Пушкарева И., Перегудова З. В.Ф. Джунковский и его воспоминания // В.Ф. Джунковский. Воспоминания. Т. 1. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1997. С. 8.

Другим крупным мемуарным источником можно считать воспоминания графа С.Ю. Витте. В настоящей работе использовалось издание 2003 г. «Из архива С.Ю. Витте»[69]. С.Ю. Витте, будучи опытным политическим деятелем, даёт характеристику многим представителям высшей московской бюрократии: великому князю Сергею Александровичу, А.Г. Булыгину, Ф.В. Дубасову и др. Некоторых из них мемуарист знал лично, кого-то, только по слухам, поэтому к таким оценкам следует относится критически. Также в диссертации используются воспоминания товарища министра внутренних дел (с 1906 г.) С.Е. Крыжановского[70], он давал сведения об устройстве государственных учреждений, характеризует некоторых деятелей высшей московской бюрократии. Следует обратить внимание, что оценки С.Е. Крыжановского и С.Ю. Витте часто противоречат друг другу. Например, первый главную роль в подавлении московского восстания 1905 г. оставлял за министром внутренних дел П.Н. Дурнаво[71], а С.Ю. Витте – за московским генерал-губернатором Ф.В. Дубасовым[72]. Также в диссертации использовались воспоминания городского секретаря Н.И. Астрова[73], министра народного просвещения И.И. Толстого[74], А.А. Поливанова (с 1906 начальник Главного штаба, с 1915 – 1916 гг. – военный министр)[75], начальника московского охранного отделения А.П. Мартынова[76],

---

[69] Витте. С.Ю. Из архива С.Ю. Витте. Т. 1-2. СПб.: Дм. Буланин, 2003. С. 663.

[70] Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин: Петрополис, 1938.

[71] Там же. С. 74.

[72] Витте. С.Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 77.

[73] Астров Н.И. Воспоминания. Париж: YMCA Press, 1940. 360 с.

[74] Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. – 24 апреля 1906 г. М.: "Греко-латинский кабинет" Ю. А. Шичалина, 1997. 334 с.

[75] Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907-1916. М.: Высший военный редакционный совет, 1924. 240 с.

[76] Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов: Воспоминания // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 512 с.

министра иностранных дел (1906-1910) А.П. Извольского[77], великого князя Александра Михайловича[78], государственного и общественного деятеля Л.М. Савелова[79] и анонимных авторов-чиновников[80].

Еще одну группу источников составляли официальные справочные издания, такие как списки чиновников отдельных ведомств и адрес-календари[81]. Эти издания дополняют данные формулярных списков о социальном составе, возрасте, образовании и наградах чиновников Московской губернии. Сложно установить общую численность всех московских чиновников, не только из-за разности подходов к понятию термина «чиновник», но и из-за отсутствия

---

[77] Извольский А.П. Воспоминания. М.: Издательство «Петроград», 1924. 192 с.

[78] Великий Князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М.: Полигон, 2009. 382 с.

[79] Савелов Л.М. Воспоминания / Под ред. О.Н. Наумова. М.: Старая Басманная, 2015. 488 с.

[80] Из записной книжки чиновника-Москвича // Русский архив. 1905. Кн. 1. С. 70-85; Из деревни // Русская старина. Т. 128. 1906. № 11. 473-492.

[81] Адрес-Календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1900 год. СПб.: Сенатская типография, 1900. 1062 с.; Адрес-Календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1903 год. СПб.: Сенатская типография, 1903. 1072 с.; Адрес-Календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1904 год. СПб.: Сенатская типография, 1904. 1066 с.; Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1900 год. М.: Товарищество типо-литографии Владимир Чичерин, 1900. 589 с.; Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1913 год. М.: Городская типография, 1913. 589 с.; Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1914 год. М.: Городская типография, 1914. 1013 с.; Памятная книжка Московской губернии на 1900 год. М.: Губернская типография, 1899. 769 с.; Памятная книжка Московской губернии на 1904 год. М.: Губернская типография, 1903. 64 с.; Памятная книжка Московской губернии на 1908 год. М.: Губернская типография, 1907. 618 с.; Памятная книжка Московской губернии на 1909 год. М.: Губернская типография, 1908. 158 с.; Памятная книжка Московской губернии на 1912 год. М.: Губернская типография, 1911. 454 с.; Памятная книжка Московской губернии на 1914 год. М.: Губернская типография, 1913. 246 с.

комплексных сведений по этому вопросу, при этом не составляет особого труда установить численность отдельного ведомства губернии, это можно сделать по памятным книжкам и общим спискам различных ведомств, которые ежегодно издавались официальными учреждениями.

В работе использовалась московская периодическая печать. Газета «Московские губернские ведомости» и газета «Московский листок». В этих изданиях можно найти информацию по истории чиновничества: участие губернской администрации в официальных мероприятиях, взгляд общественности на деятельность чиновников и др.

Таким образом, собранный массив источников можно считать достаточным для проведения исследования.

Методологическая основа исследования.

Методологической основой диссертационного исследования являются принципы историзма, научности и объективности. Применялись системно-структурный, описательный, статистический и сравнительный методы. При изучении юридических документов использовались формально-юридический и сравнительно-правовой методы. В работе был использован метод индукции, на основе конкретных примеров и статистических данных, основанных на материалах Московской губернии, прослеживались общие процессы в истории Российской империи. Кроме того, проводился сравнительный анализ юридических норм и реальной практики правоприменения. Теоретической основой работы являлась концепция П.А. Зайончковского, по которой изучение социального состава чиновничества строится на основе анализа большого количества формулярных списков.

Методика изучения формулярного списка включала в себя: определение возраста, класса должности, класса чина, происхождения, собственности, образования, возраста, семейного положения, наград, получаемого содержания, учитывалось участие в боевых действиях и некоторые этапы прохождения

службы и др. Из этой информации формировалась база данных. Все чиновники разделялись по ведомствам и по хронологии. Деление по хронологии осуществлялось на две группы (списки до 1906 г. и списки после 1906 г.). Используя базу данных, составлялись статистические таблицы с корреляциями различных социальных показателей и классов чинов, классов должностей.

Лица с отсутствием сведений об образовании считались получившими домашнее образование. Среди групп по образованию было решено выделить группы с начальным, средним, высшим, неоконченным средним и неоконченным высшим образованием, также в отдельную категорию были вынесены лица с домашним образованием. В случае отсутствия сведений о возрасте на конкретную дату, возраст высчитывался на 1 января определенного года.

Важным вопросом, с которым пришлось столкнуться в ходе исследования, является проблема распределения военных учебных заведений на категории (начальные, средние, высшие и т.д.). Высшими военными учебными заведениями были академии. Более низкую ступень занимают пажеский корпус, военные училища (Николаевское, Михайловское и др.) и юнкерские училища. В «Своде военных постановлений» формулировка по поводу этих учебных заведений достаточно неопределенная: цель военных училищ «доставлять молодым людям, получившим общее образование, военно-воспитательную, строевую и научную подготовку, необходимую для службы в войсках»[82]. Пажеский корпус давал «как общее и военное, так и соответствующее их предназначению воспитание»[83]. Аналогичные формулировки мы встречаем и у других военных учебных заведений. Обратившись к опыту других исследователей, можно увидеть, что выпускники Пажеского корпуса чаще всего причисляются к категории с высшим образованием. Например, Л.М. Лысенко пишет: «В 1837 сведения об образовании имеются у трети губернаторов, и у всех оно высшее. 5 губернаторов закончили

[82] Свод военных постановлений 1869 года. Кн. 15. СПб.: Государственная типография, 1907. С. 150.

[83] Там же С. 121.

университет… По одному – Горный кадетский корпус и Пажеский корпус»[84]. Также в работе Л.М. Лысенко из таблицы № 6 следует, что за 1895 г. высшее военное образование имели 45,5% губернаторов. В тексте автор указывает, что из 95 начальников губерний 45 «получили военное образование (около половины из них закончили Николаевскую академию Генерального штаба)», остальные, видимо, закончили военные училища[85]. Из Пажеского корпуса по 1 разряду выпускались подпоручиками и корнетами, из военных училищ – с такими же чинами. Чины подпоручика и корнета приравнивались к губернскому секретарю в гражданской службе, а чин губернского секретаря при поступлении на службу получал человек, окончивший университет по 2 разряду[86]. Соответственно, учитывая практику Л.М. Лысенко, а также формально-юридический подход, мы будем считать выпускников Пажеского корпуса, военных училищ, юнкерских училищ как имеющих высшее образование. Лиц, окончивших кадетский корпус, как получивших среднее образование.

В ходе исследования учитывались награды: ордена и медали. Этот параметр часто отсутствует во многих работах, но при этом, он является одним из важнейших для изучения состава государственных служащих. Ордена и медали были не только элементом статуса и отражением служебных успехов, но и средством, позволяющим определить примерный срок службы чиновника. Особенно это относится к медалям, так как многие из них выпускались специально к памятным датам или приурочивались к определенным событиям. Как уже упоминалось выше, возраст в формулярных списках фиксируется неточно, так как для организации службы, он играл второстепенное значение, а награды, медали и ордена всегда записывались с особой тщательностью. Наличие или отсутствие медалей прослеживается по массе перекрестных источников. Например, данные формулярных списков можно сравнить с данными наградных,

[84] Лысенко Л.М. Указ. соч. С. 195.

[85] Там же. С. 192-195.

[86] СЗРИ. Т. 3. С. 10.

личных и др. списков. Следует отметить, что наградные списки в фондах архива ЦГАМ. ЦХД до 1917 г встречаются намного чаще, чем формулярные списки. Изучение возрастных показателей чиновников по наградным спискам и по наградам вообще представляется нам перспективным направлением и менее трудоемким, но нуждающимся в дополнительной разработке. Однако в этом исследовании мы будем придерживаться двух методов изучения возраста по формулярным спискам.

Кроме того, была разработана оригинальная методика использования программы Microsoft Access при изучении формулярных списков. Данная программа предназначена для создания баз данных, но в возможность её применения в практических исторических исследованиях пока не была показана на практике. В настоящей работе возможности данной программы использовались для подсчёта данных формулярных списков и для создания статистических выкладок. Она помогает значительно сократить трудозатраты на исследование больших массивов источников. В результате создания базы данных, можно получить гибкую и функциональную систему фактического материала. С помощью данной программы можно легко создавать корреляции различных параметров и тем самым получать дополнительные сведения. При использовании ручного подсчета вероятность ошибки значительно выше, к тому жн в случае необходимости проведения повторного исследования каких-либо параметров, придётся прибегать к повторному подсчету, тогда как, сформировав базу данных, этих проблем удаётся избежать.

Научная новизна.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые на материалах Московской губернии предпринята попытка комплексного анализа чиновничества в социальном аспекте в начале XX в. В ходе исследования в научный оборот был введен большой массив неопубликованных источников, в частности данные, собранные на основе более 1000 формулярных списков. Были составлены статистические таблицы по разным областям социальной жизни чиновничества

Московской губернии: социальному составу, образованию, имущественному и семейному положению, возрасту, наградам и др. Для статистики впервые были привлечены личные дела чиновников уездного уровня. В ходе исследования были опробованы новые методы анализа истории чиновничества. В частности, метод анализа эволюции социальной группы по анализу межсословных браков.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Противоречивость государственной службы Российской империи в начале XX в. заключалось в сохранении на зконодательном уровне ограничений на поступление в гражданскую службу некоторых слоев населения и одновременном стремлении привлечь в среду чиновничества высококвалифицированные кадры. Эти противоречия усугублялись потребностью в расширении штатов. В Московской губернии была распространена практика приема по вольному найму лиц, которым законом запрещалось поступать на госуарственную службу,.

2. Государство старалось привлечь на службу в первую очередь дворян, но обширность чиновничества Московской губернии не позволяла замещать все должности представителями благородного сословия. Указ 1906 г. привел к снижению количества дворян в государственных органах Московской губернии. Доля дворян в казенной палате и казначействах с 1900 по 1913 гг. упала с 27% до 11%.

3. В Московской губернии был зафиксирован рост профессионализации чиновников. Развитие капитализма в Российской империи в начале XX в. требовало повышения уровня квалификации чиновников. Появление новых должностей, таких как податные инспекторы, обусловило необходимость привлечения на службу людей с высшим образованием.

4. Общая демократизация государственной службы и формирование кадрового состава на основе образовательного ценза способствовали привлечению на государственную службу более широких слоев населения.

5. Чиновничество формировалось как отдельный социальный слой, внутри которого через межсословные браки постепенно разрушались социальные

барьеры. Материальное положение чиновников обуславливало его полную зависимость от содержания, так как большинство служащих не имело альтернативных источников дохода. Среди чиновников Московской губернии в начале XX в. собственностью владело только 14%, земельной собственностью – 5%. Эти тенденции усиливались за счет притока молодых служащих. С 1900 по 1913 г. средний возраст чиновничества Московской губернии снизился.

Теоретическая значимость исследования.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что данные исследования расширяют область знания о социальной структуре общества Российской империи в начале XX в. Выводы, приведенные в диссертации, позволяют более глубоко осмыслить проблемы развития местных органов власти и вопросы формирования российского чиновничества.

Практическая значимость исследования.

Результаты и данные, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при создании учебных курсов, обобщающих трудов по отечественной истории и смежных дисциплин.

Апробация исследования.

Исследование построено на большом массиве архивных материалов, базируется на систематизации и анализе исторических источников, использовалось большое количество базовых и специальных методов.

Основные положения и результаты диссертационного исследования опубликованы в пяти статьях[87] и обсуждались на IX региональной научной

[87] Семин Г.А. Чиновники Московской казенной палаты в начале XXв.: социальный аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2014. № 5. С. 113-119; Семин Г.А. Чиновники московской уездной полиции в начале XX века. Социальный аспект // Преподавание истории в школе. 2015. № 7. С. 23-27, 35; Семин Г.А. Врачи как часть чиновного сообщества Московской губернии в начале XX

студенческой конференции «Студенческая молодежь и общественные науки» в 2014 г.[88]

Структура работы

Структура работы обусловлена целью, предметом и задачами исследования. Она состоит из введения, пяти глав, заключения и приложений, в которых собраны таблицы со статистическими данными, полученными в ходе исследования.

в.: социальный аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2015. № 5. С. 148-155; Семин Г.А. Социальный облик податных инспекторов Московской губернии в начале XX в. // Наше отечество. Страницы истории. М.: Московский государственный областной университет, 2016. С. 32 – 38; Семин Г.А. Медали чиновников Московской губернии как источник по социальной истории начала XX в. // Гербоведение. Т. 5. М.: Старая Басманная, 2016. С. 197 - 205.

[88] Семин Г.А. Чиновничество Московской губернии в начале XX в.: социальный аспект // Студенческая молодежь и общественные науки. Материалы IX регионаотной научной студенческой конференции. Коломна: МГОСГИ, 2015. С. 18 – 21.

Глава 1. Общее устройство московских органов власти

В начале XX в. Российская империя оставалась самодержавной монархией, о чем гласила 4 статья Свода законов: «Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть». Несмотря на потрясения 1905 г. и манифест 17 октября, страна сохранила форму правления, прибавив к законодательной власти ещё два органа: Государственную Думу и Государственный совет. По форме государственного устройство Российская империя ближе к огромному унитарному государству[89], в котором вся власть замыкалась в центре. Н.И. Лазаревский представлял систему Российской империи как «линии, которые сходятся на монархе»[90].

Главными единицами административно-территориального деления являлись губернии, которые включали уезды и города[91]. К началу XX в. в России было 78 губерний, 18 областей, 4 градоначальства, включая Петербургское (в 1906 г. появилось и Московское), 10 генерал-губернаторств – Московское и остальные 9 на окраинах[92].

Москва находилась в ином положении, являясь второй столицей, она являлась городом, занимавшим важное место в империи. Министр иностранных дел А.П. Извольский в своих воспоминаниях писал, что Москва всегда воспринималась дворянством «как настоящая столица страны»[93]. В этом смысле было очень много различий между Москвой и самой губернией. Это отразилось на социальном составе верхушки московской бюрократии: администрации

---

[89] Вид формы административного устройства государства, при которой местные органы и части государства не имеют политической самостоятельности, а все управление происходит из центра (исключение составляло Великое Княжество Финляндское, которое во внутренних делах имело свои особые установления Свод законов Российской империи. СПб., 1912. С.1)

[90] Лазаревский Н.И. Указ. соч. Т. 2 С. 2.

[91] СЗРИ. Т. 2. С. 2.

[92] Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 223.

[93] Извольский А.П. Указ. соч. С. 101.

губернатора и генерал-губернатора, высшие органы полиции, казённая палата - всё это находится в ярком контрасте с уездными учреждениями по социальному составу, наградам, имущественному положению[94]. Из этого можно вынести тезис, что Москва была второй столицей, но губерния была провинцией.

Эмоциональный контраст между Москвой и Санкт-Петербургом выразил губернатор Московской губернии В.Ф. Джунковский при переводе его на должность товарища министра внутренних дел. «Мне было ужасно жаль расставаться с Московской губернией и Москвой, где … я чувствовал себя хозяином, чувствовал свой авторитет среди крестьян и рабочих» и менять это на «нелегкую, полную интриг петербургскую жизнь, окунуться в удушливую чиновничью атмосферу северной столицы»[95].

Существовавшая в начале XX в. структура административного деления, берёт начало от двух основополагающих преобразований: губернской реформы Екатерины II 1775 г. и министерской реформы Александра I 1802 г. «Екатерина сумела создать новое административно-территориальное деление страны и органично вписать в него стройную и цельную систему местных губернских и уездных учреждений, многие из которых намного пережили её саму»[96]. Когда первоначальный замысел сделать наместника ключевой фигурой не удался, Екатерина перешла к системе управления по модели: центр-генерал-губернатор (наместник) – губернатор[97].

Все министерства имели на местах подчиненные органы. Например, к Министерству внутренних дел относилась вся основная власть: генерал-губернатор и губернатор, полицейские органы, управление почт и телеграфов и др. Министерство финансов руководило всеми финансовыми органами империи. На местном уровне это были казенные палаты и казначейства. К министерству

---

[94] Данные вопросы будут рассмотрены подробно в следующих главах настоящей работы.

[95] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 97.

[96] Лысенко Л.М. Указ. соч. С. 240.

[97] Там же. С. 241.

юстиции относились органы пенитенциарной системы. Служащие строго подчинялись ведомственному начальству. Современник Э.Н. Берендтс писал, что, таким образом, получался «настоящий калейдоскоп чиновного люда, отдельные группы которого проникнуты возрастающим в силе корпоративным духом и своими ведомственными интересами»[98]. Некоторые министерства ставили сугубо ведомственных интересов выше интересов государства. Я.В. Соловьев отмечал, что это видно на примере Министерства финансов, которое сильно сопротивлялось выделению из его состава торгово-промышленного ведомства в 90-х гг. XIX в.[99]

Л.М. Лысенко дает критичную оценку министерской системы: «Разрозненная министерская система, не объединенная в России в Совет министров, вела к фрагментации, разобщенности губернской администрации, потере губернатором возможности полностью влиять на всю ситуацию во вверенной ему губернии»[100].

Министерство внутренних дел являлось крупнейшим, оно заведовало полицией, городским хозяйством, народным продовольствием, делами земств, дворянства, медицинской и ветеринарной частями, делами иностранных исповеданий, почтами, телеграфами и некоторыми другими сферами[101]. Основным являлся Департамент общих дел, который ведал губернской администрацией, туда приходило и оттуда уходило большинство бумаг, относящихся к личному составу служащих.

В каждом министерстве царили свои порядки, особенно это ощущалось при переходе из одного ведомства в другое. Так описал свои впечатления от перехода из Министерства внутренних дел в Министерство юстиции С.Е. Крыжановский: «После привольной жизни в Министерстве внутренних дел с его широкими

[98] Э.Н. Берендтс. Указ. соч. С. 274.

[99] Соловьев Я.В. Указ. соч. С. 245.

[100] Лысенко Л.М. Указ. соч. С. 125.

[101] СЗРИ. Т. 1. С. 182

интересами, ведомство юстиции… с его мелочной, формальной казуистикой, показалось мне убийственно скучным»[102]. Местным чиновники также подстраивались к этим порядкам: «Было как-то дико видеть почтенных представителей Судебных Палат и таковых Прокуроров, людей, которых, по условиям прежней своей судебной службы в глухой провинции, я привык так высоко ставить, которые стремились, под тем или иным предлогом проникнуть к Директору Департамента, мальчику по сравнению с ними, и вели заискивающие сладкие речи, без всякой даже практической цели»[103].

Главным лицом в Московской губернии был генерал-губернатор, которого так и именуют в Своде законов «главный начальник губерний», а губернатора - «начальником». Деятельность генерал-губернатора во многом выходит за рамки Московской губернии. По мнению Л.В. Климовой «политические полномочия генерал-губернатора простирались на всю территорию московского генерал-губернаторства, мелкие же административно-хозяйственные функции, в основном, на Москву»[104].

§ 1 Роль и функции должности генерал-губернатора в структуре местных органов власти Московской губернии

В Российской империи существовало два вида губерний, управляемых по общему и особому учреждению, хотя Москва и относилась к первым, но законом допускалось в таких губерниях особое положение[105], при котором над губернатором стоит еще одно должностное лицо – генерал-губернатор. Должность генерал-губернатора вовсе не была аналогом современной должности мэра или губернатора, как это часто смешивают. Это была некая промежуточная инстанция между местными органами и центральной властью. Так И.М. Страховский высказывал мнение, что должность генерал-губернатора

[102] Крыжановский С.Е. Указ. соч. С. 28.

[103] Там же. С. 28-29.

[104] Климова Л.В. Указ. соч. С. 117

[105] СЗРИ. Т. 2. С. 18.

задумывалась для осуществления «высшего надзора за местным управлением и поддержанием политической связи между центром и местами»[106], а губернатор осуществлял непосредственное управление. Никакие постановления и решения не принимались в обход генерал-губернатора без «предварительного истребования» его соображений и заключений[107], т.е. любое дело могло попасть на стол к министру только через генерал-губернатора. Губернские органы подавали представления главному начальнику, а уездные – рапорты и донесения. Еще один взгляд на должность генерал-губернатора принадлежит графу С.Г. Строганову: «Генерал-губернатор должен только смотреть, чтобы все шло законно, чтобы суды и люди исполняли в точности требования закона… Показывать власть свою он должен только тогда, когда заметит нарушение закона»[108].

При этом в качестве надзорного органа должность генерал-губернатора не могла быть очень эффективна. Еще И. Блинов отмечал, что ведомственный надзор (когда надзорный орган является иерархическим начальством администратора, имеющим право исправлять и направлять деятельность своих подчиненных) создает «сложные запутанные отношения», которые одинаково плохо сказываются и на деятельности самого надзорного органа и на управляемых им учреждениях[109].

Большая часть текущей работы проделывалось канцелярией. О деятельности генерал-губернатора может свидетельствовать внутренний документооборот и резолюции, сделанные рукой великого князя Сергея Александровича, который занимал должность московского генерал-губернатора

---

[106] Страховский И.М. Губернское устройство // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 7. С. 52-53.

[107] Там же. С. 243.

[108] Московские генерал-губернатора, граф С.Г. Строганов и П.А. Тучков. 1864. Из записной книжки чиновника-Москвича // Русский архив. Кн. 1. М., 1905. С. 75.

[109] Блинов И. Указ. соч. С. 20-21.

с 1891 по 1905 г. На циркуляре о наградах, в котором излагались рекомендации по награждению и нормы наград для различных ведомств, стоит резолюция «к сведению и сообщению»[110], остальная работа по уведомлению губернатора и полицмейстера уже ложилась на служащих канцелярии. Относительно взысканий, налагаемых на чиновников, в канцелярию генерал-губернатора приходили журнальные постановления тюремного отделения губернского правления, сам генерал-губернатор подтверждал или отклонял решение своей резолюцией «утверждаю», затем утвержденное решение отправлялось губернатору для приведения его в исполнение[111]. Таким образом, административные функции, которые мог выполнять и губернатор, требовали постоянной дополнительной переписки с генерал-губернатором. Разберем этот момент на примере награждений. На основании норм канцелярия губернатора собирала сведения относительно лиц, которых можно было наградить, так составлялся наградной список, который через генерал-губернатора передавался на уровень министерства, после чего государь жаловал награды, Министерство внутренних дел сообщало список награжденных лиц в канцелярию генерал-губернатора, которая в свою очередь через канцелярию губернатора оповещала людей или взыскивала с них плату за награды. При этом о результатах министерство оповещалось только через канцелярию генерал-губернатора[112]. Очевидно, что лишняя инстанция не могла ускорить ход бумаг, вникать в каждый отдельный случай для исполнения надзорной функции генерал-губернатор не мог.

Л.М. Лысенко указывает, что генерал-губернатор тоже «занимался непосредственным управлением, дублируя функции губернатора и превращая последнего в полностью зависимый от него институт»[113]. Но это утверждение

[110] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г Ф.16. Оп. 200. Д. 11. Л. 1.

[111] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 200. Д. 46. Л. 1.

[112] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 200. Д. 20. Т. 2.

[113] Лысенко Л.М. Указ. соч. С. 127.

стоит рассматривать с учетом различных факторов: обстановки в регионе, личностей губернатора и генерал-губернатора и самого региона. Например, великий князь Сергей Александрович явно обладал большей властью, чем состоящий при нем губернатор А.Г. Булыгин. На соотношение обязанностей влияла политическая обстановка: в условиях революции 1905 г. генерал-губернатор больше занимался подавлением революционных выступлений. Анализируя взаимодействия генерал-губернаторов и губернаторов во второй половине XIX в., Л.В. Климова приходит к выводу, что отношения между двумя должностными лицами были не определены, а у центральной власти отсутствовало четкое представление о том, «почему необходимо наличие в губернии этих двух институтов власти одновременно»[114].

Важнейшей функцией генерал-губернатора стал политический контроль за обстановкой в губернии. В законе достаточно откровенно излагается суть должности генерал-губернатора: «главные блюстители неприкосновенности верховных прав Самодержавия, пользы Государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям управления в вверенном им крае»[115]. Подтверждается это утверждение и в работах некоторых исследователей, например, Л.М. Лысенко указывала, что «при Николае II укрепился взгляд на генерал-губернаторскую власть как на власть чрезвычайную и сугубо политическую»[116]. Некоторые исследователи приходят к выводу, что в Московской губернии должность генерал-губернатора сохранилась только как своеобразная дань традиции: «Только Московское генерал-губернаторство, несомненно, выпало из этого ряда. Оно существовало в самом сердце России практически на территории одной губернии в силу политической традиции, обусловленной особым статусом «первопрестольной» как второй столицы

[114] Климова Л.В. Указ. соч. С. 121.

[115] СЗРИ. Т. 2. С. 21.

[116] Лысенко Л.М. Указ. соч. С. 105.

державы»[117]. При этом, стоит заметить, что в годы революции 1905 г. как раз и проявилась должность московского генерал-губернатора как кризисного управляющего - люди, занимавшие эту должность, играли ключевую роль в подавлении выступлений в Москве, которая стала центральным местом проявления революционного движения[118]. Авторы коллективной работы «Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи» видят особую возрастающую репрессивную роль генерал-губернатора в революционный период: «Именно в процессе подавления революционной «смуты» наиболее эффективно проявились политико-правовые особенности и… достижения генерал-губернаторской власти начала XX столетия»[119]. При этом авторы, характеризуя эту деятельность во время московского восстания 1905 г., используют яркие эмоциональные образы, что плохо вяжется с характеристикой должности генерал-губернатора как института.

Избирались и назначались эти лица непосредственно царем и не удивительно, что долгое время в Московской губернии эту должность занимал Великий князь Сергей Александрович. В.А. Кононов отмечает, что особенность, связанная с приближенностью генерал-губернаторов к особе императора была заложена еще в период царствования Екатерины II[120]. Но в случае с московским генерал-губернатором, как это ни парадоксально, Сергей Александрович мог больше влиять на царя, так как Николай II прислушивался к мнению своего дяди, который к тому же был женат на сестре императрицы. Так на это постоянно в своих воспоминаниях указывает С.Ю. Витте: «Сергей Александрович… до самой своей смерти был одним из самых близких и влиятельных лиц при государе императоре»[121].

---

[117] В.В. Черкесов. Указ. соч. С. 246.

[118] Витте. С.Ю. Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. С. 663.

[119] В.В. Черкесов. Указ. соч. С. 251.

[120] Кононов В.А. Указ. соч. С. 44.

[121] Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 452.

На генерал-губернатора возлагалось большое количество разнообразных функций. Он был обязан следить за «общим благосостоянием и внутренней безопасностью», расшифровывая данную формулировку закон дает еще более туманный перечень обязанностей: воспитание юношества в чувствах «преданности к Престолу и Отечеству», чтобы «каждый, во всех сословиях, снискал себе пропитание трудом честным и полезным», много внимания уделяется нравственности дворянства, мотивированию молодых дворян к государственной службе, но есть и более понятные функции, такие как действия в условиях чрезвычайных ситуаций: эпидемий, голода, пожаров, природных катаклизмов и др.; решение продовольственных вопросов. Генерал-губернатор занимался проблемами местного хозяйства: ходом торговли и промышленности, поощрение частных предприятий и сельского хозяйства[122]. Возлагались на генерал-губернатора и функции надзора за учреждениями местного управления, он должен был «останавливать зло в самом начале», предотвращая всевозможные злоупотребления и поощряя «достойных, усердных и полезных чиновников»[123]. Московский генерал-губернатор доносил обо всем, что касалось полицейской части и о «предметах особенной важности» напрямую царю[124].

Московский губернатор, а перед этим адъютант Сергея Александровича В.Ф. Джунковский в своих воспоминаниях описал примерный распорядок великого князя на должности генерал-губернатора: «Утром были обычные приемы и доклады до завтрака, в час завтракали, после чего великий князь выезжал в город, возвращаясь домой к дневному чаю к 4-5 часам, занимался затем у себя до обеда, в 8 часов обедали. За обедом часто бывали гости, после чего одни играли в карты, другие читали или работали что-нибудь»[125]. К сожалению, В.Ф. Джунковский не упоминает, что именно происходило на этих выездах, но из

[122] СЗРИ. Т. 2. С. 19-20.

[123] Там же. С. 20.

[124] Там же С. 22.

[125] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 40.

описанного видно, что генерал-губернатор мог быть занят делами в утренние часы, а также между дневным чаем и обедом. При этом такой распорядок имел место в 1905 г., в период нарастания революционной обстановки в Москве, когда верхушка власти должна была работать в режиме чрезвычайной ситуации, так как от администрации требовалось немедленное принятие решений по охранению правопорядка.

В изучаемый период генерал-губернаторы постепенно теряют свою роль во внутренних делах. Этот процесс проявился особенно явно после введения элементов конституционного правления весной 1906 г. «Генерал-губернаторы теряли значительную долю своего статуса должностных лиц, непосредственно сносящихся с монархом, а в отношениях с министром внутренних дел П.А. Столыпина приблизились к «простым губернаторам»[126]. Когда должность московского генерал-губернатора осталась незамещенной после отставки С. К. Гершельмана в 1909 г., назначение чиновников в генерал-губернаторское управление переходило к Министру внутренних дел, а выдача расходных кредитов – губернатору.

Московский генерал-губернатор являлся и главнокомандующим Военного округа, а потому он имел военный чин, а не гражданский. При нем находились адъютанты, которые также имели военные чины.

Таким образом, московский генерал-губернатор в период до революции 1905 г. еще выполнял функции, связанные с административным управлением губернией. Эта должность являлась промежуточной инстанцией между министерской властью и губернатором. Многое зависело непосредственно от статуса того лица, которое занимало эту должность. В начале XX в. именно великий князь Сергей Александрович пользовался наибольшим доверием государя. Но уже тогда должность генерал-губернатора носила больше политический характер, чем административный. При этом формально «главный

[126] Черкесов В.В. Указ. соч. С. 247.

начальник губернии» продолжал решать вопросы о наградах, чинопроизводстве, установлении благонадежности и др., но фактически этими вопросами занималась канцелярия. Только в редких делопроизводственных документах можно заметить личную активность и влияние самого генерал-губернатора на разрешение административных вопросов. Чаще всего эти дела касались вопросов служащих управления генерал-губернатора и лиц, приближенных к особе великого князя.

При этом авторитет личности генерал-губернатора мог помочь ему отменять даже министерские решения в пределах своей власти. Министр народного просвещения (21 мая 1905 – 24 апреля 1906 г.) И.И. Толстой пишет, что генерал-губернатор «Дубасов не стеснялся вести открытую борьбу с министрами, когда ему почему-либо не нравились их распоряжения в применении к Москве». Министр приводит случаи, когда генерал-губернатор отменял решение министерства о родительских собраниях в Московской губернии: «Не сочувствуя родительским собраниям вообще и опасаясь их в политическом отношении, московский генерал-губернатор, пользуясь своею почти неограниченной властью, просто воспретил применение этого пункта…»[127].

После 1905 г. роль генерал-губернатора в непосредственном управлении губернией начинает падать и возрастает его значение как «кризисного менеджера». Тут опять огромную роль играла личность самого «главного начальника», поэтому большую эффективность в условиях подавления революционных выступлений проявили люди с большим военным опытом. После преодоления революционной ситуация и политической нестабильности в регионе надобность в должности генерал-губернатора отпала.

Некоторые исследователи в качестве доказательства «искусственности сохранения института генерал-губернаторской власти» в Москве приводят «факт

[127] Толстой И.И. Указ. соч. С. 101.

многократного и длительного «незамещения»»[128] этой должности. Данный тезис верен только частично. Во-первых, нельзя говорить об «искусственности», под которой авторы, судя по всему, подразумевают отсутствие реальной необходимости, так как во время революционных выступлений генерал-губернатор сыграл вполне определенную роль и искусственной её назвать нельзя. Во-вторых, частое «незамещение» можно объяснить несколькими факторами: растерянностью власти и невозможностью найти кандидатуру, соответствующую задачам, которые стояли перед генерал-губернаторами в этот период. Относительно периода до 1905 г. данный тезис можно признать верным, хотя генерал-губернатор и осуществлял надзорные функции, но при этом он создавал дополнительную бюрократическую волокиту, а его участие в некоторых инициативах до сих пор признается спорным (например, поддержка Сергеем Александровичем «зубатовщины»).

Как уже упоминалось выше, полномочия генерал-губернатора сильно зависели от человека, который занимал эту должность, поэтому подробнее остановимся на биографиях московских генерал-губернаторов.

На 1 января 1900 г. Сергею Александровичу было 42 г., образование его формально можно отнести к категории «домашнее», но вероятно, что оно не соответствовало аналогичному образованию у большинства чиновников, его уровень можно прировнять к высшему. Оно сочетало военные и гражданские науки, включая право, политэкономию, историю России и литературу[129]. Образ жизни он вел характерный для большинства великосветских офицеров Преображенского полка. Занимая должность генерал-губернатора, великий князь Сергей имел военный чин генерал-адъютанта, а к 1900 г. – генерал-лейтенанта. На протяжении своей карьеры основной его деятельностью было командование военными формированиями в армии, соответственно он не имел опыта административной работы в гражданских учреждениях. Отсутствие

[128] Черкесов В.В. Указ. соч. С. 258.

[129] Балязин В.Н. Московские градоначальники. М., 1997. С. 388.

управленческого опыта стало отчасти причиной Ходынской трагедии в 1896, сошедшей с рук Московскому генерал-губернатору. Другой представитель царской семьи, Александр Михайлович, охарактеризовал с точки зрения профессиональных качеств «князя Ходынского» как «посредственного офицера, невежественного в вопросах внутреннего управления»[130]. Нельзя не согласиться с этим мнением, даже делая оговорку на то, что князь Александр Михайлович всегда очень превозносил свою ветвь Романовых и сваливал все негативные последствия на «Александровичей». С.Ю. Витте оценивал Сергея Александровича как «благородного и честного человека», но при этом ограниченного и неопытного в государственных делах. С.Ю. пишет, что вследствие «упрямого характера» и проведения в Москве реакционных полицейских мер, которые озлобляли «все слои» общества, положение генерал-губернатора Сергея Александровича в Москве в 1905 г. стало «совсем невозможным»[131]. Когда Сергей Александрович был губернатором, ему приходилось встречаться с С.Ю. Витте, который после этих встреч охарактеризовал взгляды московского генерал-губернатора как «узкоконсервативные, а с другой стороны… с оттенком религиозного ханжества»[132]. 1 января 1905 г. великий князь был освобожден от должности Московского генерал-губернатора и оставлен в должности командующего Московским военным округом, при этом фактически влияя на управление городом[133]. В правительственных сферах находили неудобным оставлять его на этом посту[134], так как Сергей Александрович был «упрямый, дерзкий… он бравировал своими недостатками, точно бросая в лицо всем вызов и давая, таким образом, врагам богатую пищу для клеветы и злословия»[135]. Впрочем, как

[130] Великий Князь Александр Михайлович. Указ. соч. С. 163.

[131] Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. С. 663.

[132] Там же. Т. 1. К.н. 1. С. 172.

[133] Балязин В.Н. Указ. соч. С. 402.

[134] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 28.

[135] Великий Князь Александр Михайлович Указ. Соч. С. 164.

указывает В.Ф. Джунковский, генерал-губернатор сам тяготился должностью генерал-губернатора. Это продолжалось до его гибели 4 февраля 1905 в результате покушения эсеров.

После убийства Великого князя Сергея Александровича произошла череда смен генерал-губернаторов. С 14 апреля по 15 июля 1905 этот пост занимает Александр Александрович Козлов. С.Ю. Витте писал об этом человеке как о «порядочном и всеми уважаемом в Москве»[136], образование А.А. Козлов получил в Пажеском корпусе[137], имел опыт работы в полиции, так как в 80-х гг. XIX в. служил обер-полицмейстером Петербурга (1881), с 1882 г – полицмейстером Москвы. Также А.А. Козлов был командиром отдельного корпуса жандармов с марта по июль 1882[138]. Возраста он был преклонного – 68 лет. Происходил из дворянской семьи. Сестра Козлова вышла замуж за Н.Н. Сущева, управляющего канцелярией Министерства юстиции, обер-прокурора (1863-1872), а также учредителя железнодорожных и промышленных обществ. Один из братьев А.А. Козлова был адъютантом и ближайшим другом цесаревича Александра Александровича, будущего императора Александра III[139]. В.Ф. Джунковский вслед за Витте указывает, что Козлов «пользовался очень большой симпатией среди всех слоев московского населения, не исключая и рабочих, и простого люда, а также учащейся молодежи»[140]. Также Джунковский пишет о Козлове, что в другое время он «мог принести много пользы», также из-за возраста у него не хватало энергии и не было любви к делу. Тем не менее, он работал добросовестно «из чувства долга»[141]. Неизвестно, как бы проявил себя этот генерал-губернатор, оставаясь на своем посту дольше, но уже 15 июля 1905 г. А.А. Козлов был

[136] Витте С.Ю. Указ соч. Т. 2. С. 200.

[137] Список генералам по старшинству на 1913. СПб. 1913. С. 9.

[138] Балязин В.Н. Указ. соч. С. 407.

[139] Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 276.

[140] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 48.

[141] Там же. С. 61.

отставлен от должности. Причиной отставки Козлова стали политические противоречия с центральным правительством по поводу проведения съезда земцев, а поводом стало убийство московского градоначальника П.П. Шувалова (28 июня 1905). «Убийцей оказался слушатель Петербургского учительского института, который был задержан в Москве» и несколько дней тому назад бежал из Пречистенского полицейского дома, что свидетельствует о том, что отставка произошла не без оснований, хотя и фактически Козлов никак не мог повлиять на работу полиции за свое короткое генерал-губернаторство.

После Козлова должность генерал-губернатора занял Петр Павлович Дурново, ему было 70 лет, он происходил из потомственных дворян. Его отец, П.А. Дурново, был гофмейстером и тайным советником, мать (урожденная А.П. Волконская) – статс-дамой[142]. Вообще П.П. Дурново был связан родственными узами со многими крупнейшими дворянскими родами, жена его, Мария Васильевна, была урожденная Кочубей, жена его сына – урожденная Волконская, бабка по отцу – Демидова, дочь была женой П.П. Скоропадского[143]. В момент назначения на должность московского генерал-губернатора П.П. Дурнаво имел чин генерал-адъютанта. В целом его биография похожа на биографию Козлова[144], но при этом он имел богатый административный опыт на должности харьковского, а затем московского губернатора и директора Департамента уделов. П.П. Дурново окончил Пажеский корпус, затем – военную академию[145], в 1853 г. поступил в лейб-гвардии Кавалергардский полк корнетом с прикомандированием в Николаевскую Академию Генерального Штаба. Имел боевой опыт, участвовал в Крымской войне, за защиту Свеаборгской крепости во

[142] Кононов А.А. «Захватчики, именующие себя «народ». Несколько документов из фонда П.П. Дурново. // Звезда. № 11. СПб., 1994. С. 163 – 164.

[143] Там же. С. 157.

[144] Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 409.

[145] Кононов А.А. «Захватчики, именующие себя «народ». Несколько документов из фонда П.П. Дурново. С. 156.

время её бомбардирования 29 сентября 1855 г. был удостоен ордена св. Анны 4 ст.[146] Дурново был «весьма богатый» человек, занимавший пост председателя петербургской думы, как его характеризовал С.Ю. Витте «смесь либерализма и дворянского «моему нраву не препятствуй», совершенно не способный к какому бы то ни было серьезному делу»[147], любил говорить, спорить, но никаким делом серьезно заниматься не мог[148]. Также Витте писал, что «он (Дурново) совсем в Москве запутался, ничего не знал, что там делается, в конце концов, так растерялся, что выходил в генерал-адъютантском мундире на площадь для переговоров с революционной толпой с красными флагами и снимал… военную шапку»[149]. В.Ф. Джунковский описал период пребывания на посту генерал-губернатора как «анекдотичный и печальный»[150]. В.Ф. Джунковский сходится в своих оценках с Витте, он пишет о неспособности Дурново занимать серьезную должность, повышенное внимание внешней стороне дела, отмечает также «хвастовство» и «самодурство» генерал-губернатора[151]. О несостоятельности П.П. Дурново также свидетельствует его быстрая отставка 24 ноября 1905 г.

Решительных мер требовали даже такие либеральные сановники, как С.Ю. Витте, который активно ходатайствовал перед Николаем II о назначении на пост московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова. «Необходимо немедленно назначить в Москву решительного и твердого человека, иначе я не ручаюсь, что Москва не попадет во власть революционеров и не наступит анархия, что это необходимо сделать немедленно»[152]. Осенью царь дал согласие на назначение генерал-губернатором адмирала Федора Васильевича Дубасова. После его назначения на должность генерал-губернатора происходит изменение курса в

---

[146] Черкесов В.В. Указ. соч. С. 342.

[147] Витте С.Ю. Указ соч. Т. 2. С. 200.

[148] Там же. С. 399.

[149] Там же. Т. 2. С. 200.

[150] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 66.

[151] Там же.

[152] Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 301.

области местного самоуправления на переход к более решительным мерам против революционеров. Ф.В. Дубасов являлся героем русско-турецкой войны, был единственным морским офицером среди московских генерал-губернаторов начала XX в., получил высшее военное образование в Морской академии. С.Ю. Витте писал о нем как о человеке «прямом, честном» и мужественном[153]. Руководил подавлением крестьянских волнений в Черниговской губернии осенью 1905 г., а затем в Курской губернии, этим он подтвердил наличие тех способностей, которые в этот период требовались от генерал-губернатора. На момент назначения ему было 60 лет. Административного опыта у него не было, но был обширный военный опыт. «Незнакомство его со строем местной администрации было полнейшее»[154] - так писал о нем А.А. Татищев, который исполнял секретарские обязанности при В.Ф. Дубасове во время его деятельности в Черниговской губернии. Автор приводит курьезные случаи: когда Дубасов спрашивал у курского губернатора, почему фабричный инспектор ему ничего не докладывал о податных инспекторах, не зная, что это две разные должности. Он, по словам Татищева, вообще не имел опыта работы с гражданскими законами и «законами не стеснялся», отмечая при этом, что будущий генерал-губернатор – «личность весьма незаурядная», свободная от бюрократизма[155]. При этом Татищев отмечает, что деятельность в Чернигове во время революции дала возможность ознакомиться с административными делами[156]. По воспоминаниям В.Ф. Джунковского Ф.В. Дубасов отличался вспыльчивостью, «обрушивался иногда совсем несправедливо на кого-нибудь из своих подчиненных», «робости не переносил», иногда наводил панику на чиновников. Профессиональные качества тоже оставляли желать лучшего: «… он не был администратором, дела

[153] Там же. Т. 2. С. 77.

[154] Татищев А.А. Объезд сатрапа // Красный архив. № 69-70. М., 1935. С. 42.

[155] Татищев А.А. Указ. соч. С. 42.

[156] Там же С. 62.

он не знал, но у него был здравый смысл и он умел различать честное от нечестного»[157].

Однако роль Ф.В. Дубасова в этой должности была исключительно военная, как он о том сам признается в письме С.Ю. Витте: «В дело подавления московского мятежа я положил весь свой разум, все уменье и всю свою волю, при чем усилия мои увенчались успехом»[158]. Московский губернатор В.Ф. Джунковский тоже отмечал, что «назначение Ф.В. Дубасова нельзя не признать удачным для такого времени»[159]. Фактически губернатор В.Ф. Джунковский и выполнял все за главного начальника губернии, когда генерал-губернатор не имел на это времени, губернатор даже получил полномочия подписывать бумаги за него, «что было даже не совсем законно, но оправдывалось обстоятельствами»[160]. 17 января 1906 г. Ф.В. Дубасов был назначен членом Государственного Совета с оставлением в должности генерал-губернатора, но после двух покушений здоровье Дубасова было подорвано. Пост генерал-губернатора он покинул в чине адмирала в июле 1906 г.

В мае 1906 г. пост генерал-губернатора занимает генерал-лейтенант С.К. Гершельман из немецкого остзейского дворянства православного вероисповедания[161]. С.Ю. Витте нелестно отзывается о Гершельмане, называя его «жидоедом», т.е. намекая на его антисемитизм, при этом С.Ю. писал, что С.К. Грешельман является «еврейским ренегатом». Сам Витте признается, что не знал лично генерал-губернатора, но, видимо, озвучил те сплетни, которые тогда

---

[157] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 110.

[158] Письмо Дубасова // Красный архив. № 4-5. М., 1935. С. 153.

[159] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 110.

[160] Там же.

[161] Иванов А. «Честно и грозно в духе исконно-русских начал». О московском генерал-губернаторе Сергее Константиновиче Гершельмане (1854−1910) // Московский журнал. История государства Российского. 2008. № 9. С. 12.

блуждали в обществе[162]. Сначала с 18 января 1906 г. С.К. Гершельман занимал пост командующего московским округам, а после отставки В.Ф, Дубасова стал генерал-губернатором. В.Ф. Джунковский отмечал, что это был очень честный и скромный, отлично знающий военное дело и глубоко ему преданный человек, недостатками его были упрямство и сухость[163]. Кандидатура С.К. Гершельмана была предложена благодаря В.Ф. Джунковскому, который потом, по его же словам, «раскаялся в своей рекомендации», так как работать с новым генерал-губернатором оказалось сложно[164]. Сложность эта выливалась в конфликты. Например, своенравный генерал-губернатор приказал привести в исполнение приговор военно-полевого суда прямо во дворе губернской тюрьмы (два студента были приговорены к казни за нападения на городовых). Губернатор опротестовал это решение, но ничего сделать не смог[165]. С.К. Гершельман получил высшее военное образование в Николаевской академии Генерального штаба, кроме того, окончил Пажеский корпус – придворное привилегированное учебное заведение[166]. С.К. Гершельман был самым молодым из всех генерал-губернаторов революционного периода, на момент назначения ему было 53 года. Этот генерал-губернатор имел богатый военный опыт, он принимал участие в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., где был ранен в сражении под Горным Дубняком, принимал участие в сражениях при штурме Телишских укреплений и в боях у Хан-Правеца. Во время русско-японской войны участвовал в бою под Мукденом, за что был награжден орденом Св. Георгия 4 степени с надписью «за храбрость»[167]. Опыт работы в административных должностях у С.К. Гершельмана также не было, поэтому он стал действовать «жестко и прямолинейно» как в борьбе с революционерами, так и в гражданских делах. В.Н. Балязин приводит в качестве

[162] Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. СПб. 2003. С. 830.

[163] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 137.

[164] Там же. С. 164.

[165] Там же. С. 183.

[166] Балязин В.Н. Указ. соч. С. 419-421.

[167] Черкесов В.В. Указ со.ч С. 318.

примера, когда генерал-губернатор не допустил к работе с натурой скульптора А.С. Голубкину из-за неблагонадежности[168], что вообще является не признаком жесткости, а скорее формальным соблюдением закона. 17 марта 1909 г. С.К. Гершельман был переведен в Виленский военный округ, после чего должность генерал-губернатора оставалась незамещенной. Идея передвинуть С.К. Гершельмана из Москвы возникла еще за месяц до фактического перевода, 18 февраля 1909 г. специально для этого военный министр по телефону связался с П.А. Столыпиным и просил убрать из прибалтийских провинций генерала А.Н. Меллер-Закомельского[169]. В дневниках помощника военного министра А.А. Поливанова за 1907 – 1908 гг. можно найти упоминания о «злоупотреблениях», «незакономерных» и «незаконных» действиях генерал-губернатора С.К. Гершельмана, которые рассматривались в Государственной Думе и Столыпиным. Кроме того, приводятся сведения ревизии московской полиции Гариным, который свидетельствовал о взяточничестве, называл Москву «центром всех воровских сделок», указывал, что есть фирмы, «живущие кражей товаров на Московском железнодорожном узле»[170].

После отставки С.К. Гершельмана, должностные обязанности генерал-губернатора были распределены между министром внутренних дел П.А. Столыпиным, губернатором В.Ф. Джунковским и градоначальником А.А. Адриановым. Министру переходило заведывание личным составом московского генерал-губернаторского управления, управление по учреждениям, состоящим в ведении генерал-губернатора (Московской глазной больницы, больницы имени императора Александра III, Варварского сиротского дома Лобковых и др.), также министр теперь занимался назначением представителей генерал-губернатора в различные учреждения в Москве. Губернатор занимался выдачей и расходованием кредитов по генерал-губернаторскому управлению, а

[168] Балязин В.Н. Указ. соч. С. 423.

[169] Поливанов А.А. Указ. соч. С. 56.

[170] Там же. С. 51.

градоначальник – выдачей пособий бедным жителям столицы и выдачей заграничных паспортов в Москве и Московской губернии.

Губернатор В.Ф. Джунковский писал, что это породило излишнюю переписку и проволочку, так как учреждениям приходилось по различным мелким вопросам обращаться в Петербург, откуда их отправляли обратно к губернатору. В конце концов, из-за неудобства такого порядка большинство дел было распределено между губернатором и градоначальником[171].

Таким образом, на должности генерал-губернатора старались подбирать наиболее верных престолу людей. Особенно это проявлялось в революционные годы. В Московской губернии начала XX в. должность генерал-губернатора занимали люди, служившие в элитных подразделениях гвардии, таких как Измайловский и Преображенский полки. Некоторые генерал-губернаторы были из бывших жандармских генералов. Офицеры гвардии действовали более решительно при революционных событиях в Москве 1905 г., но отсутствие управленческого опыта и работы в органах МВД делало их не очень компетентными администраторами.

В деле подавления выступлений и мятежей генерал-губернаторы продемонстрировали наибольшую эффективность. Генерал-губернаторы с большим управленческим опытом наоборот показали свою полную беспомощность.

Московскими генерал-губернаторами были люди старше 40 лет. Главные начальники губернии были представителями дворянства. Насущная потребность обратила пост генерал-губернатора с размытыми полномочиями в должность кризисного управляющего, которая предъявляла вполне конкретные требования к профессиональным качествам. После исчезновения этих потребностей исчезла и надобность в генерал-губернаторе.

---

[171] Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 384.

§ 2 Должность губернатора в системе губернской власти Московской губернии

Вторым лицом среди московского чиновничества можно считать губернатора.

Губернатор имел широкие права по назначению должностных лиц в губернии. Кроме того, он мог «протестовать против всех назначений, делаемых губернскими местами на все должности как по коронной службе, так и по службе в органах самоуправления». Обо всех назначениях губернатор получал извещение. «Причем неполучение от губернатора отзыва в течение двух недель признавалось за изъявление им своего согласия»[172]. К тому же губернатор утверждал чиновников, избираемых земствами, на предмет их благонадежности. Дело доходило до абсурда, когда невозможно было нанять чертежника в управу без утверждения губернатора[173]. В этот перечень также попадали помощники делопроизводителей управы, конторщики водопроводных станций, ревизоры городских сборов, конторщики и смотрители больниц, чертежники, писцы и др.[174] Недостатки такой системы осознавались и некоторыми губернаторами, например, тверской губернатор князь С.Д. Урусов писал, что «истинная и полезная роль губернатора, как органа надзора за законностью действий всех учреждений и лиц административного ведомства в губернии, совершенно заслонена не в меру разросшимся участием губернаторов в активном управлении. Обязанный председательствовать в двадцати, если не более коллегиях и постоянно разрешать, отменять, запрещать, предупреждать, пресекать и утверждать всякого рода действия и постановления, современный губернатор сам постоянно рискует впасть в ошибки»[175]. В целом власть губернаторов к началу

---

[172] СЗРИ. Т. 1. С. 72-73.

[173] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 179. Оп. 50. Д. 765.

[174] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 65. Д. 351.

[175] Урусов С.Д. Записки губернатора. Кишинев 1903-1904г. Т. 1. М., 1907.

XX в. существенно возросла по сравнению с 60-ми гг. XIX в.[176], но из-за наличия в Московской губернии генерал-губернаторства власть «хозяина» губернии ограничивалась вышестоящим должностным лицом.

Именно губернатор взаимодействовал с общественным управлением, утверждал в должностях служащих Московской городской управы и Думы, в частности И.А. Блинов называет губернаторов «опекунами» самоуправления[177], при этом он все равно был обязан отчитываться перед генерал-губернатором. Похожую оценку дает Э.Н. Берендтс: «… новое положение о земских учреждениях 1890 г. и новое городовое положение подчеркнули эти его [Прим. Авт. - губернатора] функции, снабдили его также и властью воздействовать на направление деятельности органов общественного управления»[178]. 16 января 1901 г. в Москве были проведены выборы городского головы на следующее 4-летие. Им был избран тайный советник князь В.М. Голицын, деятель, период управления которого, по мнению И.Н. Шумейко, «стал своеобразным университетом для московских управленцев… примером: руководства московским городским хозяйством, решения типичных инфраструктурных проблем»[179]. В данном случае именно губернатор осуществлял надзор за процедурой, а не генерал-губернатор. Приведем выдержку из отчета А.Г. Булыгина Сергею Александровичу: «избранным оказался…тайный советник князь В М Голицын, получивший 99 избирательных и 26 неизбирательных шаров – При производстве означенных выборов каких-либо нарушений закона или неправильностей допущено не было и жалобы на выборы ко мне не поступало»[180].

---

[176] Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 223.

[177] Блинов И.А. Указ. соч. С. 253.

[178] Берендтс Э.Н. Указ. соч. С.268.

[179] Шумейко И.Н. Городское самоуправление в Москве и роль князя В.М. Голицына в его радикальном преобразовании на рубеже XIX – XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2015. № 2. С. 139

[180] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 200. Д. 105. Л.1.

Аналогичные отчеты присутствуют по поводу избрания известного общественного и политического деятеля Н.И. Гучкова членом от города Московского губернского по земским и городским делам присутствия. Губернатор также дает положительную характеристику этого деятеля: «Кандидат права состоит почетным Мировым судьей города Москвы, 41 год, православный, окончил курс Императорского Московского университета… в настоящее время занимается коммерческими делами, пользуясь уважением среди общества»[181]. Этот факт говорит о том, что губернатор имел возможность влиять на мнение самого генерал-губернатора в тех вопросах, в которые главный начальник губернии был вникать не в состоянии. Также губернатор докладывал об утверждении им в должностях других видных деятелях общественного управления (председатель городской думы В.И. Герье, городской секретарь Н. Астров).

Как и генерал-губернатор, губернатор назначался императором «по непосредственному избранию и особо личному»[182] к нему доверию. Но при этом при наличии главного начальника губернии губернатор – фигура не совсем самостоятельная, так как все его постановления могли быть отменены, изменены или дополнены[183]. Но эти моменты также сильно зависели от реальных взаимоотношений между начальниками губернии. Например, генерал-губернатор П.П. Дурново сразу сказал губернатору В.Ф. Джунковскому: «Вы можете быть спокойны, я в ваши дела вмешиваться не буду…»[184]. При этом именно губернатор вникал в суть всех дел губернии, председательствовал в разнообразных губернских учреждениях (губернское правление, статистический комитет, присутствие по городским делам и др.)[185]. Кроме того, губернаторы занимали

[181] Там же. Л. 9.

[182] СЗРИ. Т. 2. С. 18.

[183] Там же. С. 20.

[184] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 66.

[185] СЗРИ. Т. 2. С. 23.

почетные должности в различных обществах. Например, уже через несколько месяцев после назначения Г.И. Кристи московским губернатором к нему в канцелярию стали приходить просьбы принять на себя ту или иную должность в каком-нибудь обществе: «Зная вашу опытность и тот живой интерес с каким вы всегда относились к скаковому делу, я прошу вас принять на себя звание заместителя по делам скакового спорта»[186]. Такие же просьбы пришли со стороны клинского городского пожарного общества (почетным членом), Московского совета детских приютов (пожизненным почетным членом), Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты (почетным членом), музея при лицее цесаревича Николая (почетным попечителем), управления российского общества красного креста (почетным членом). При этом имеются сведения, что Г.И. Кристи принимал участие 11 марта 1905 г. в комиссии по учреждению института благородных девиц имени Александра III[187]. Губернатор В.Ф. Джунковский примерно описал, в чем заключалось деятельность губернатора в различных обществах. От Г.И. Кристи новому начальнику губернии досталось «как бы по наследству» председательство в Московском отделении попечительства о глухонемых. Так В.Ф. Джунковский характеризует свое председательство: «Я… шефствовал и только. Когда собирались ко мне на заседание, отдавал час или два этому делу, получая действительно все готовое, все члены собирали всегда много денег, хлопотали, суетились… Я сам ничего не делал, только выражал всегда благодарность»[188]. Однако, скорее всего, и само подобное «шефство» приносило пользу этим обществам, поднимая их «вес».

Губернаторы являлись представителями высшей правительственной власти в губернии, сосредоточили в своем лице надзор за всеми гражданскими административными учреждениями и должностными лицами, управляли через

[186] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 65. Д. 391. Л. 52.

[187] Там же.

[188] Джунковский В.Ф. Т. 1. Указ. соч. С. 529.

губернское правление, через учреждения, специализирующиеся на определенных областях (комитеты, присутствия и др.). Способом контроля за работой подчиненных органов являлась внезапная ревизия, которую губернатор мог осуществлять во всех подконтрольных ему учреждениях[189].

Московский губернатор В.Ф. Джунковский иногда предпринимал достаточно рискованные «ревизии». Например, во время визита принца Генриха Баварского 30 сентября 1909 г. губернатор предложил ему посетить Бутырскую тюрьму. При этом В.Ф. Джунковский не предупредил начальство самой тюрьмы, свита принца была одета в штатское[190]. Это было достаточно рискованным мероприятием, так как совсем недавно 23 марта 1909 г. заключенным была предпринята попытка покушения на помощника начальника тюрьмы Сердюка, после которого губернатор также провел ревизию тюрьмы и дал указания тюремному инспектору «обратить самое серьезное внимание на ненормальные условия, в которые были поставлены» заключенные[191]. Видимо, В.Ф. Джунковский, пригласив Генриха Баварского на осмотр тюрьмы, хотел продемонстрировать уверенность в результативности своих распоряжений.

Начальник губернии осуществлял общий надзор за всем делопроизводством: подвергал взысканиям, наблюдал за правильным производством дел, давал делам нужное направление и пр. Кроме того, он нес на себе ответственность за личный состав учреждений, «для чего собирают сведения о способностях, нравственных качествах и образе жизни как тех, которые ищут определения к местам от короны, так и поступающих в должности по выборам». В законе существует высокопарная, очень необычная для современных юридических документов формулировка, в которой губернатор сравнивается с отцом для чиновников, что лишний раз говорит о сохранении в Российской империи на законодательном уровне патриархально-феодальных

[189] СЗРИ. Т. 2. С. 24-25.

[190] Джунковский В.Ф. Т. 1 Указ. соч. С. 413.

[191] Там же. С. 387.

взаимоотношений между служащими и начальством, об отсутствии договорных отношений между работником и работодателем. «На ответственность Губернаторов возлагается, чтобы они, имея главный надзор за молодыми людьми, определяемыми на службу без жалованья впредь до открытия вакансий, пеклись о них не только как начальники, но как отцы семейства, коим поручаются дети благовоспитанные для первых шагов на поприще службы». При перемещении, назначении на должность слово начальника губернии оказывалось решающим, он мог признать чиновника неблагонадежным и отказать ему в назначении и перемещении, но, конечно, губернатор не мог лично вникать в назначение или перевод каждого чиновника, он мог только положиться на донесения непосредственных руководителей тех мест, куда поступал или переводился служащий. Поэтому фразы об отеческой заботе едва ли могли найти отражение в реальной жизни. К тому же законом предписывалось, губернаторам иметь сведения об отставных чиновниках, которые проживают в губернии, для того чтобы предоставлять необходимые сведения о службе, заслугах, поведении и т.д. для награждения знаком беспорочной службы.

При приезде императора губернатор должен был предоставить сведения о состоянии губернии, с этой целью он председательствовал в губернском статистическом комитете. Московский губернатор В.Ф. Джунковский называл это учреждение «мертворожденным»[192], которые существовало номинально и за 9 лет его губернаторства (11 ноября 1905 – 25 января 1913) не собиралось ни разу.

Вообще законом подразумевалось, что губернатором должен быть человек разносторонний и энциклопедически образованный. Чего стоит только статья 294 Свода законов, основанная на Наказе губернаторам 1837 г., которая гласила, что начальники губерний должны были иметь всегда самые точные сведения о населении, о качестве почв, о реках, о орошении губернии, о расстоянии между городами, заводах и фабриках, торговле, церквях и монастырях и др[193].

[192] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 206.

[193] СЗРИ. Т. 2. С. 28.

Разумеется, на практике все было иначе, но безусловно опыт службы губернатором оставлял определенный отпечаток, который замечался современниками. С.Е. Крыжановский отмечал этот «стиль власти» в С.Д. Сипягине, «который более или менее свойственен был всем министрам из губернаторов и местных деятелей. Они хотел все знать, за всем следить, все видеть, самому все разобрать, войти во все мелочи местной жизни – одним словом быть губернатором всероссийским»[194].

Публичность должности губернатора выражалась не только в обязанности присутствовать на торжественных мероприятиях, но и в его взаимодействии с населением. Как видно из воспоминаний В.Ф. Джунковского, в решительные минуты губернатор мог обратиться к жителям с каким-либо сообщением. В том числе и вести контрреволюционную пропаганду. В.Ф. Джунковский принял тактику обращения к населению для разъяснения «тех или других вопросов и явлений путем особых объявлений, брошюр, листовок, которые… рассылались по городам» и разъясняло волнующие вопросы непосредственно от лица губернатора[195]. Губернатор мог лично обратиться к населению. Например, когда в1907 г. Московской губернии начали ходить слухи по поводу роспуска Думы и о принятии нового избирательного закона, который агитаторы «старались… изобразить в невыгодном свете», московский губернатор обратился к населению, поясняя правительственную точку зрения на роспуск Думы и новый избирательный закон[196].

Когда губернатор сменялся на своем посту, то он должен был передать дела и информацию о состоянии губернии своему преемнику. Новый губернатор при вступлении в должность должен был ознакомиться с делами. Он осматривал присутственные места, казначейство, городскую полицию, тюрьмы и больниц; обозревал дела губернских комитетов и комиссий. После этого новый губернатор

---

[194] Крыжановский С.Е. Указ. соч. С. 190.

[195] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 139.

[196] Там же. С. 232.

объезжал уезды, где знакомился там с состоянием разных учреждений и губернии в целом[197]. Объезд губернии у В.Ф. Джунковского занял больше года. В марте 1906 г. губернатор посетил Богородский уезд, посетив там уездный съезд, некоторые волости и фабрики. В этом же месяце начальник губернии приехал в Серпуховской уезд, где он осмотрел городское управление и учреждения, в апреле губернатор побывал в Подольском и Клинском уездах, в июне – в Бронницком и Коломенском уезде, в конце июля – Можайский и Верейский, в начале августа – Рузский уезд, 24 марта 1907 г. губернатор совершил поездку в Звенигород[198]. Только 8 декабря 1907 г. губернатор выехал в Дмитровский уезд[199]. Во время этих поездок губернатору приходилось напрямую общаться с населением: «Везде, где я останавливался собирались толпы крестьян, с которыми приходилось беседовать, давать ответы на волновавшие их вопросы»[200]. Губернатора в уезде встречал местный предводитель дворянства. Ежегодные объезды губернии становились потом материалом для ежегодного отчета императору, который включал подробные сообщения о положении хозяйства, строительства торговли, служебной части, о полиции и о борьбе с преступностью, также отчет включал еще большое количество разнообразных вопросов касательно состояния данной местности[201]. Во время проезда императора через Москву 26 августа 1909 г. Губернатор В.Ф. Джунковский встретил императора и передал ему всеподданейший рапорт, «к рапорту следовали два приложения: краткий статистический обзор губернии и 10-верстная карта, подклеенная на шелку и сложенная по размеру писчего листа

[197] СЗРИ. Т. 2. С. 39-41.

[198] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 211.

[199] Там же С. 240.

[200] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 166.

[201] СЗРИ. Т. 2. С. 41-42.

бумаги. Все это вкладывалось в конверт из плотной бумаги листового формата, который и подавался государю не заклеенным»[202].

При этом роль, которую играл губернатор, часто зависела от личности человека, занимавшего пост. К такому выводу приходят авторы предисловия к воспоминаниям губернатора В.Ф. Джунковского, сравнивая его деятельность с деятельностью губернатора Г.И. Кристи[203], при нем главенствующее положение занимал генерал-губернатор. Даже в порядке сношений выражался подчиненный характер должности губернатора, он не мог обойти главного начальника за исключением отчетов, передачи губернии преемнику, чрезвычайных ситуаций, когда важно было оперативно решить вопросы и, когда предписания генерал-губернатора противоречили законам[204]. К Министрам и главноуправляющим начальники губерний входили с представлениями, с директорами департаментов, с другими губернаторами сносились при помощи отношений[205]. При этом с начальником жандармских управлений и начальниками почтово-телеграфных округов губернаторы сносятся отношениями[206].

Губернатор В.Ф. Джунковский в воспоминаниях описывает распорядок дня губернатора. Вставал он в 7 часов, в 8 уже принимался за занятия. Затем проходили доклады, которые продолжались до 11 часов в дни приема посетителей и до часу, когда приемов не было. В некоторые дни губернатор принимал любых посетителей без записи. Дежурный чиновник особых поручений опрашивал посетителя и получал дела из канцелярии, чтобы губернатор сразу мог вынести решение. Посетителей было около 50 в день, губернатор обходил их, брал прошения и ставил на них соответствующие

---

[202] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 410.

[203] Пушкарева И., Перегудова З. В.Ф. Джунковский и его воспоминания // В.Ф. Джунковский. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 9.

[204] СЗРИ. Т. 2. С. 43.

[205] Там же. С. 43.

[206] Там же. С.44.

резолюции или делал распоряжения. В час дня губернатор завтракал и отправлялся на заседания в различные присутствия. Каждый день отводился под определенное учреждение. Обычно заседания начинались в 3 часа, но в некоторых присутствиях, таких как врачебное или воинское – в час, в промысловом – в 2 часа и т. д. Губернатор либо сам председательствовал, либо отправлял на заседание вице-губернатора[207]. Скорее всего, такой интенсивный график был характерен не для всех губернаторов Московской губернии.

Положение губернатора несколько изменилось в результате столыпинских реформ местного управления. Идея заключалась в уничтожении на месте ведомственной политики и объединении власти в губернии под началом губернатора, который становился представителем правительства, хотя и продолжал состоять в МВД. Также П.А. Столыпин предлагал объединить все виды полиции (общую и жандармскую) под началом губернатора[208].

Система местных органов власти, когда каждое учреждение подчинялось своему министерству, требовало единого объединяющего начала. С.Е. Крыжановский достаточно критически оценивал такое положение на местах: «Аппарата управления на местах не существовало, а были только чиновники разрозненных ведомств – финансового, судебного, лесного, почтового и проч., нечем между собой неспаянные или исполнительные органы разного рода самоуправлений, зависимые более от избирателей чем от правительства – общей объединяющей власти не было»[209]. На деле роль такой власти должны были играть губернаторы и генерал-губернаторы.

Важность личности губернатора, его административного опыта подчеркивает Э.Н. Берендтс: «В губернии существует такое множество и разнообразие различных органов управления, какого мы не встречаем ни в одном

---

[207] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 429-431.

[208] Лысенко Л.М. Указ. соч. С. 108.

[209] Крыжановский С.Е. Указ. соч. С. 98-99.

государстве Европы. По рангу и внешнему авторитету губернатор стоит над ними всеми, и если это место занимает человек способный, знающий и энергичный, то он находит возможность руководить жизнью губернии, предупреждать трения между различными учреждениями и препятствовать открытой войне между представителями различных ведомств»[210].

Таким образом, должность губернатора являлась одной из важнейших административных управленческих должностей в губернии. Начальник губернии должен был вникать в огромный спектр вопросов, быть в курсе всего, присутствовать на заседаниях большого количества учреждений.

На 1 января 1900 г. губернатором был А.Г. Булыгин, состоявший в должности «начальника» Московской губернии с 1893 г., до этого он служил калужским губернатором, поэтому в отсутствии опыта ему нельзя отказать. С 1902 г. он являлся помощником Московского генерал-губернатора[211]. А.Г Булыгин происходил из дворян, окончил Императорское училище правоведения, являлся почетным мировым судьей по Зарайскому уезду и почетным гражданином городов Калуги и Жиздры[212]. С.Ю. Витте писал о Булыгине как о человеке «в высокой степени порядочном, честном, благородном» и очень неглупом. При этом, по словам С.Ю. Витте, Булыгин не любил борьбу и избегал политической суеты[213], хотя в 1907 г. Витте писал, что «лично его мало знал»[214]. В.Ф. Джунковский тоже пишет о честности Булыгина: «честный, государственного ума, правдивый до мозга костей…»[215]. С.Е. Крыжановский, который работал с А.Г. Булыгином уже как с министром внутренних дел отмечал, что «старые дворянские фамилии нередко очень верно определяли основные

[210] Берендтс Э.Н. Указ. соч. С. 270.

[211] Балязин В.Н. Указ. соч. С. 401.

[212] Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел 1900 г. СПб., 1900.

[213] Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. С. 670.

[214] Там же. Т. 2. С. 124.

[215] Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 38.

черты характера их носителей. К числу их относился и Булыгин – подлинная «булыга», грузно лежавшая на месте, под которую и вода не текла; по существу же это был очень хороший и порядочный человек и далеко не глупый»[216].

13 сентября 1902 г. на должность московского губернатора был перемещен орловский губернатор Г.И. Кристи, он вступил в должность 19 октября 1902 г. При этом А.Г. Булыгин оставался помощником генерал-губернатора Сергея Александровича. О деятельности Г.И. Кристи мы знаем немного, известно, что среди подчиненных и сослуживцев он оставил память как «снисходительный и благожелательный» начальник[217]. Г.И. Кристи имел чин действительного статского советника и егермейстера двора. В 1903 г. ему было 43 года, происходил из дворян (2 декабря 1904 г. Сенат составил герб рода Кристи и предоставил его на утверждение)[218]. Образование получил в Московском университете[219]. В целом до 1905 г. служба его складывалась положительно (по крайней мере, в глазах центральной власти): 16 апреля 1903 император объявил ему высочайшее благоволение за порядок в Москве и губернии, 4 июля 1904 г. Кристи была объявлена благодарность за порядок на улицах при приезде императора в Коломну на смотр войск[220]. При этом такие похвалы, скорее всего, носили формальный характер, так как, например, В.Ф. Джунковский указывает, что Кристи «не особо любил заниматься делами» и все управление губернией брал на себя управляющий канцелярией А.М. Полянский, который «отлично знал дело губернского управления и вообще был в курсе всех дел, прошедший отличную школу при А.Г. Булыгине в бытность его губернатором»[221]. Однако, в годы революции 1905 г. И.Г. Кристи явно проявлял бездействие и старался

[216] Крыжанский С.Е. Указ. соч. С. 43.

[217] Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 562.

[218] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 65. Д. 391. Л. 217.

[219] Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел 1903 года. СПб., 1903. С. 345.

[220] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 65. Д. 391. Л. 97, 183.

[221] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 65-66.

уклониться от исполнения своих обязанностей. 12 января 1905 г. МВД предписало губернатору не отлучатся за пределы вверенной ему губернии[222]. Известно, что в июле 1905 г. Кристи был в отпуске и его обязанность выполнял вновь назначенный вице-губернатор В.Ф. Джунковский, который во многом полагался на управляющего канцелярией губернатора А.М. Полянского[223]. Последнего Джунковский характеризовал как человека чуткого, умеющего угадывать желания, как умного и толкового работника[224]. Вице-губернатор выполнял обязанности московского губернатора до августа, затем Кристи вернулся из отпуска, но в сентябре Кристи опять отошел от дел, уехав в деревню[225]. Не удивительно, что Г.И. Кристи очень хотелось «освободиться» от тяготившей его должности, поэтому, когда В.Ф. Джунковскому предложили должность градоначальника, Г.И. Кристи советовал ему просить о назначении губернатором, так как «раз … предлагают равнозначную должность градоначальника, то это даже не будет нескромно»[226].

Кристи находились в родстве князьям Трубецким, сын Г.И. Кристи (В.Г. Кристи) приходился родным племянником П.Н. Трубецкому (бывший московский губернский предводитель дворянства), который 3 октября 1911 г. был им убит на почве ревности. Женой В.Г. Кристи была внучка бывшего звенигородского предводителя дворянства В.С. Михалкова, жена Кристи вышла замуж, не достигнув совершеннолетия, поэтому опекуном над ней состоял В.Ф. Джунковский, который также осуществлял опеку над её отцом А.В. Михалковым, который страдал психическим расстройством[227].

---

[222] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 65. Д. 391. Л. 222.

[223] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 64.

[224] Там же. С. 65.

[225] Там же. С. 71.

[226] Там же. С. 97.

[227] Джунковский В.Ф. Т. 1. Указ. соч. С. 610-611.

Одним из наиболее выдающихся губернаторов Москвы в начале XX в. был В.Ф. Джунковский, но этой знаменитостью он обязан во многом оставленным воспоминанием. Происходил из семьи военных[228], мать была лютеранского вероисповедания - Мария Карловна Рошет, вероятно, была немецкого происхождения. Отец Ф.С. Джунковский служил в Петербурге, где достиг «больших чинов и должностей»[229]. Род Джунковских восходит к монгольскому князю Мурзу-хану Джунку, прибывшему в Москву в составе посольства в начале XVI в., русская ветвь его потомков вела свое начало от жившего в конце XVII в. полковника Кондратия Джунковского, продолжатель рода Семен Семенович Джунковский принадлежал к духовному сословию. При Николае I род Джунковских был включен в родословную книгу дворян Полтавской губернии[230].

Сам Джунковский окончил Пажеский корпус, а затем служил в Преображенском полку под началом великого князя Сергея Александровича, затем в 1891 г. он стал его адъютантом. С 30 июля 1905 по 11 ноября 1905 занимал пост московского вице-губернатора, а затем - пост московского губернатора. В это время ему исполнилось 40 лет. Как предполагают И.М. Пушкарева и З.И. Перегудова, имел некоторую административную подготовку «так как, состоя при генерал-губернаторе, был не только его адъютантом, но и помощником, готовил документы и решения по многим административным вопросам»[231]. Т.е. какое-то знакомство с делопроизводством он имел, но вряд ли он занимался делами на уровне хотя бы чиновника канцелярии генерал-губернатора, кроме того, должность губернатора требовала знаний в большом количестве вопросов. В воспоминаниях начальника московского охранного отделения А.П. Мартынова мы находим нелестную характеристику административных способностей В.Ф.

---

[228] Отец был генерал-майором начальником канцелярии генерал-инспектора кавалерии.

[229] Пушкарева И., Перегудова З. В. Указ. соч. С. 7.

[230] Там же. С. 6-7.

[231] Пушкарева И., Перегудова З. В.Ф. Джунковский и его воспоминания // В.Ф. Джунковский. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 8.

Джунковского, Мартынов указывал на его высокую популярность в общественных кругах, он умел легко всходить «на все высшие ступени административной лестницы», при этом управленческие способности автор воспоминаний описывает с негативной стороны: «… я отлично представлял себе, какого сорта человека и администратора я вижу перед собой. Быстрое восхождение по служебной лестнице… вскружили голову генералу»[232]. Автор явно не разделял взглядов В.Ф. Джунковского на политический сыск, этим можно объяснить такую негативную реакцию. При этом А.П. Мартынов особенно отмечает, что губернатор был не склонен полагаться на жандармов и отдавал предпочтение исправникам Московской губернии. Это, скорее всего, отражает действительное положение дел, так как в своих воспоминаниях В.Ф. Джунковский очень высоко ставит работу уездной полиции.

При этом на посту губернатора он активно занимался общественной деятельностью: был попечителем Варваринского сиротского дома Лобовых, Общества попечения о детях-сиротах, родители которых были осуждены и сосланы по судебным приговорам, попечительства о народной трезвости, в котором он был одним из учредителей, а с 1905 г. – председателем. Деятельность губернатора протекала в постоянных разъездах. Он инспектировал различные заведения, следил за санитарной частью губернии, организовывал эвакуацию жителей из опасных мест во время пожаров, наводнений и эпидемий, следил за оказанием медицинской и продовольственной помощи. В том числе Джунковский занимался открытием первых наркологических лечебниц, а также чайных, библиотек, читален, воскресных курсов и др[233]. Его губернаторство выпадало на столетнюю годовщину Отечественной войны, которое в империи отмечалось с размахом. Начальнику губернии пришлось взять на себя работы по организации торжеств, на которых присутствовал император и представители иностранных делегаций. П.П. Рябушинский в газете «Утро России» писал, что

[232] Мартынов А.П. Указ. соч. С. 328.

[233] Там же. С. 10-11.

Джунковский был «истинно порядочным человеком в частной жизни всецело перенес эту порядочность в сферу служебных отношений»[234]. 6 декабря 1908 г. В.Ф. Джунковский был произведен в генерал-майоры. 18 января 1913 г. В.Ф. Джунковский был назначен на должность товарища министра внутренних дел. В своих воспоминаниях бывший губернатор отмечал особую теплоту, с которым с ним расставалась Москва: «Все круги отнеслись к моему назначению сочувственно, печать… также поместила сочувственные статьи»; «Каждый день одна депутация за другой посещали меня, напутствуя меня на новый твердый путь»[235]. Мужем сестры Джунковского был Д.К. Гершельман (скорее всего, родственник генерал-губернатора С.К. Гершельмана), который в 1913 г. был начальником генерального штаба.

24 января 1913 г. в Москву прибыл новый губернатор граф Н.Л. Муравьев, бывший полтавский губернатор, он состоял в чине действительного статского советника и егермейстера двора[236]. Пробыв в Москве несколько дней, познакомившись с делами он уехал. В.Ф. Джунковский своего преемника в бытность последнего на должности полтавского губернатора описывал следующим образом: «... он сумел себе подобрать дельных помощников, между которыми и распределил распорядительные функции. Ума в нем отрицать нельзя было, он со всеми был в хороших отношениях, не суетился, а это все, что и требовалось»[237].

Таким образов, московские губернаторы были дворянами не моложе 40 и не старше 50 лет. До революции 1905 г. два московских губернатора имели гражданское высшее образование, которого требовал огромный объем обязанностей губернатора. При этом бездеятельность Г.И. Кристи во время революции, заставила власть опять отдать предпочтение человеку с военным

---

[234] «Утро России». 1 февраля 1913 г. Цит по: Пушкарева И., Перегудова З. Указ. соч. С.14.

[235] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 100.

[236] Лысенко Л.М. Указ. соч. С. 323.

[237] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 401.

образованием - В.Ф. Джунковскому, который оказался очень удачным управленцем. Несмотря на то, что он не имел богатого административного опыта, состоя при генерал-губернаторе в качестве адъютанта, В.Ф. Джунковский, скорее всего, смог получить ценные умения. Особенную роль сыграл опыт, который он получил, когда занимал должность вице-губернатора. Написанные им воспоминания, представляющие собой титанический труд со скрупулезным подбором фактов, выдают в В.Ф. Джунковском трудолюбивую и неординарную личность. А.Г. Булыгин и Г.И. Кристи представляли собой профессиональных чиновников, оба они до назначения в Москву занимали должности в провинции. Ситуации в Московской губернии отражает данные по Российской империи, которые приводит в своей работе Л.М. Лысенко, где она резюмирует, что после первой революции «губернаторов с высшим образованием становится меньше». На губернаторские должности привлекали «прежде всего «практиков», т. е. людей, которые уже приобрели практический опыт управления, длительное время работая на местах»[238].

§ 3 Устройство управления Московского генерал-губернатора и губернатора

Естественно, что все обязанности не мог брать на себя один человек, поэтому при генерал-губернаторе и губернаторе состояли целые штаты чиновников, образовывавшие их канцелярии. Кроме того, при главном начальнике губернии имелись специальные чиновники для особых поручений. Такие чиновники могли назначаться из военных (отставных или действующих) либо из гражданских чинов, но большая часть чиновников особых поручений в канцелярии Московского генерал-губернатора в 1900-1913 гг. все же имела гражданское образование (82%)[239], из оставшихся 18% Сергей Николаевич Мещерский закончил морское училище[240], а 2 чиновника получили образование

[238] Лысенко Л.М. Указ. соч. С. 196.

[239] От общего количества обнаруженных формулярных списков чиновников особых поручений.

[240] Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел 1900 года. СПб., 1900.

в Пажеском корпусе. Строго запрещалось назначать чиновников для особых поручений из однофамильцев губернатора или родственников «по восходящей и нисходящей линии во всех степенях, а в боковых до четвертой степени включительно»[241]. Данная мера, скорее всего, должна была защитить от злоупотреблений, но это все равно не мешало набирать чиновников из людей ближайшего круга на другие должности. Так, например, сверхштатный чиновник при Московском генерал-губернаторе Иван Федорович Тютчев (сын поэта Федора Ивановича Тютчева) явно пользовался благосклонностью Сергея Александровича, так как много лет подряд генерал-губернатор хлопотал у императора насчет аренды для этого служащего[242]. Генерал-губернатор отмечал, что И.Ф. Тютчев в течение 7 лет безвозмездно добросовестно исполняет свои обязанности, «являясь крайне полезным деятелем особенно при производстве дознания по делам, имеющим серьезный характер»[243]. Стоит упомянуть, что в раннем детстве воспитательницей Сергея Александровича была Анна Федоровна Тютчева (в замужестве Аксакова)[244], которая приходилась Ивану Федоровичу сводной сестрой. Назначение родственников на другие должности, судя по всему, не возбранялось. В канцелярии генерал-губернатора служило два брата Гжельские Николай Павлович и Александр Павлович. Кроме того, в 1903 г. в качестве чиновника по особым поручениям числился сын Ивана Федоровича Тютчева Николай Иванович Тютчев[245], а 1 февраля 1910 г. должность сверхштатного чиновника особых поручений VI класса занял Василий Евгеньевич Пигарев[246], который был мужем Екатерины Ивановны Тютчевой, сестры Николая Ивановича[247].

---

[241] СЗРИ. Т. 2. С.49.

[242] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 197. Д. 604.

[243] Там же. Л. 1.

[244] Балязин В.Н. Московские градоначальники. М., 1997. С. 388.

[245] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 225. Д. 1301.

[246] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 209. Д. 19. Л. 9-10.

[247] Их сын Кирилл Васильевич Пигарев был советским историком и литературоведом.

При московском губернаторе также состояли чиновники особых поручений. Они часто командировались в места, где произошли какие-то катастрофы или природные катаклизмы. Во время наводнения в Московской губернии 1908 г. они играли активную роль при оказании помощи населению. В деревне Селивестрово чиновникам для особых поручений К.Н. Андросову и А.В. Даксергофу пришлось работать «с опасностью для жизни», «спасая жителей и скот, захваченных в домах ночью быстрым напором воды». Затем К.Н. Андросов был командирован в Звенигород, а А.В. Даксергоф – в Коломну[248].

Состав и численность чиновников канцелярии, как у большинства государственных учреждений Российской империи, определялся согласно нормативным документам – штатам. По штату канцелярии Московского генерал-губернатора от 15 февраля 1883 в канцелярии предусматривалось 2 чиновника VII класса и 1 – VI класса для особых поручений. Сверх штата можно было назначить чиновников особых поручений VI и VII классов без содержания не более 10 человек[249]. Это давало широкие возможности по повышению своих служащих в чинах. Например, если коллежский советник (VI) занимал должность сверхштатного чиновника VII класса, то, чтобы повысить чин до статского советника (V класс) можно было перевести его на должность чиновника VI класса. Например, в 1900 г. на штатной должности VI класса состоял 1 чиновник, на должности VII класса - 2. В то время как на сверхштатных должностях тех же классов состояло 3 и 5 чиновников соответственно[250]. Часто их чин не позволял занимать им штатную должность столь высокого класса. Барон Оффенберг состоял губернским секретарем (XII класс), но занимал должность VII класса.

Канцелярию возглавлял управляющий. В 1900 управляющим канцелярией генерал-губернатора был гофмейстер двора Владимир Константинович Истомин. По своему статусу это был один из самых высокопоставленных чиновников

[248] Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 300.

[249] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 3. 1883. С. 25.

[250] Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел 1900 года. СПб., 1900.

Москвы. Также он был известным литератором, мемуаристом, журналистом и автором биографических очерков, образование получил в привилегированном заведении – Пажеском корпусе, позже служил в лейб-гвардии Преображенском полку, где познакомился с Л.Н. Толстым, который отзывался о нем, как о «милом» человеке и поддерживал его занятия литературой. С 1881 совместно с женой он издавал журнал «Детский отдых», где печатались историки И.Е. Забелин, Д.И. Иловайский, а Толстой напечатал свой рассказ «Чем люди живы», при этом Чехов негативно отзывался об этом журнале и не печатался в нем. Постепенно журнал терял популярность и в 1906 В.К. Истомин прекратил его издание[251]. Несмотря на достаточно обычную карьеру с точки зрения чиновника канцелярии генерал-губернатора, которая включала образование в элитном учебном заведении и службу в гвардейском полку, Истомин явно был незаурядным человеком, и службой не ограничивался круг его интересов. В 1904 г. на этом посту его сменил Александр Александрович Воронин, нам мало известно о нем. Происходил он из дворян, так как обучался в императорском Училище правоведения, а туда разрешалось принимать только людей из потомственного дворянства[252]. После отставки великого князя Сергея Александровича с поста Московского генерал-губернатора он продолжал занимать должность управляющего канцелярией, так как в ней еще оставались неразрешенные дела. И как мы видим из дневников великого князя, Воронин все еще посещал своего бывшего начальника с докладами, но бывший управляющий В.К. Истомин бывал у Сергея Александровича намного чаще (часто завтракал)[253] в последние недели жизни бывшего генерал-губернатора в 1905 г. Видимо, В.К. Истомин считался более доверенным лицом у бывшего начальника губернии. Также посещали генерал-губернатора и другие лица из его канцелярии, например, делопроизводители Александр Павлович Гжельский, с которым говорили «о

[251] Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 427.

[252] СЗРИ. Т. 11 Ч. 2. С. 614.

[253] Софьин Д.М. Дневник великого князя Сергея Александровича 1905 г. // Вестник Пермского университета. 2014. № 2. С. 189-194.

делах», и Сергей Михайлович Борденав[254]. Все это подтверждает тот факт, что последние месяцы жизни, несмотря на отставку, Сергей Александрович все еще занимался делами по управлению губернией. На это также указывает и В.Ф. Джунковский: «…и времяпрепровождение у их высочеств ничем не отличалось от жизни в генерал-губернаторском доме»[255].

А.А. Воронин погиб в результате теракта на даче П.А. Столыпина на Аптекарском острове 17 августа[256]. После него пост управляющего недолгое время занимал статский советник Александр Васильевич Степанов[257], но уже в 1908 г. эту должность занимал бывший старший делопроизводитель канцелярии Сергей Михайлович Борденав[258], происходивший из обер-офицерских детей. В.Ф. Джунковский, период губернаторства которого как раз приходится на время, когда С. М. Борденав занимал должность управляющего, отзывался о нем как о «честнейшем человеке, кристальной чистоты, скромности, отдававшего всего себя службе, щепетильный до мелочей», несколько раз в своих воспоминаниях Джунковский отмечает аккуратность этого чиновника. Вся его служба прошла в канцелярии генерал-губернатора, где он начинал при князе Долгоруком[259]. При этом автор указывает, что Борденав был «мелочен, имел узкий взгляд чиновника, не мог бы занимать ответственного административного поста, но как исполнитель это был редкий по аккуратности человек».

Кроме В.К. Истомина, человеком знаменитым не только на поприще государственной службы был старший делопроизводитель иностранного отделения управления московского генерал-губернатора М. Мостовский. 15 лет он посвятил преподавательской деятельности в Межевом, Николаевском и

---

[254] Там же. С. 193.

[255] Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 40.

[256] Там же.

[257] Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1907 год. М., 1907. С. 3.

[258] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 225. Д. 1273. Л.1.

[259] Московский генерал губернатор (1865-1891 гг.).

Екатерининском институтах. За это время он изучил различные местности России и издал 2 научных труда: Этнографические очерки России и Географию Россию, пережившую 8 изданий. При этом 3-е издание было рекомендовано в качестве пособия для повторения курса географии в высших классах гимназии, а этнография рекомендована как пособие для ученических библиотек и женских учебных заведений. В 1875 г. чиновник был приглашен на службу в качестве чиновника особых поручений к князю А.В. Долгорукову. В 1879 г. М. Мостовский состоял правителем канцелярии комиссии для построения Храма Христа Спасителя. В 1893 г. им был издан труд «История Храма Христа Спасителя в Москве», который был одобрен для ученических библиотек средних и старших возрастов. Александр III так отметил эту работу: «Я с удовольствием подписал вашу награду… книга ваша лежит у меня на столе»[260].

При этом в канцелярии губернатора было только 2 чиновника для особых поручений: старший и младший. Нет сведений о количестве сверхштатных чиновников. В 1900 г. на должности младшего состоял И.П. Коновалов, старшего – Е.Л. Кознов[261]. В воспоминаниях В.Ф. Джунковского тоже постоянно упоминается только два чиновника для особых поручений: К.Н. Андросов и А.В. Даксергоф.

Губернатор не мог сам увеличить количество чиновников в своей канцелярии, число чиновников ниже VIII класса определялось МВД[262]. Канцелярии занимались делопроизводством, вели переписку по разным вопросам. В том числе собирались сведения для обозрения губернии, кроме того, канцелярия ведала выдачей паспортов. Канцелярию возглавлял управляющий, он занимался надзором за деятельностью чиновников канцелярии, а также контролем за оборотом денежных средств, проходящих через канцелярию. М.М. Шумилов отмечает, что во второй половине XIX в. «смена губернатора очень

[260] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 199. Д. 302. Л. 9, 46-77.

[261] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 74. Д. 188.

[262] СЗРИ. Т. 2. С. 48.

часто приводила к замене и правителя канцелярии»[263], но в случае с Московской губернией в начале XXв. дела обстояли иначе. При назначении В.Ф. Джунковского в 1905 г. московским губернатором он напротив очень полагался на правителя канцелярии А.М. Полянского[264], который прошел «школу» при губернаторе А.Г. Булыгине и помог новому начальнику губернии быстро войти в курс дела. Только 25 февраля 1906 г. Полянский перешел на службу в купеческую управу, а его место занял С.В. Степанов, получивший образование в императорском петербургском училище правоведения. Он был «аккуратнейшим исполнителем всех» распоряжений губернатора, который «всецело всегда мог положиться на него и чувствовал в нем все время… преданейшего… человека и работника»[265]. Особенное доверие, с которым начальник губернии относился к управляющему канцелярией можно понять по тому факту, что в 1913 г. когда губернатор получил сообщение о переводе его в министерство, в первую очередь он поделился этой важной новостью именно с С.В. Степановым.

Так как большое количество функций губернатора и генерал-губернатора было связано с публичными мероприятиями, важную роль в этих вопросах играли чиновники для особых поручений, состоящие при канцелярии. Во время торжеств в честь 100-летия Отечественной войны губернатору В.Ф. Джунковскому даже пришлось перенести свою канцелярию на Бородинское поле[266]. На многие мероприятия вход был по билетам, раздачей которых занимались чиновники канцелярии. Например, в честь смотра войск на Ходынском поле в 1912 г.: «Две грандиозные трибуны аэродрома предоставлены были для публики по билетам, которые бесплатно были розданы моей [Прим. Авт. – губернатора В.Ф. Джунковского] канцелярией по заранее утвержденным мной спискам»[267].

[263] Шумилов М.М. Указ. соч. С. 187.

[264] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 64.

[265] Там же. Т. 1. С. 149

[266] Там же. Т. 2. С. 17.

[267] Там же. С. 43.

Чиновник для особых поручений канцелярии генерал-губернатора А. Жеребцов 12 июня 1898 г. на правах члена состоял в комиссии для заведования церемониальной частью и составления списка лиц, имеющих право присутствовать при освещении в августе 1898 памятника Александру II. При самом освещении этот чиновник присутствовал на трибунах и следил за допущением публики[268]. Также чиновники для особых поручений иногда занимались раздачей билетов на бесплатные спектакли воспитанникам и воспитанницам различных учебных заведений. Таким образом, канцелярия принимала непосредственное участие в проведении различных мероприятий в губернии.

Оценка советского историка Н.П. Ерошкина наиболее точно отражает значение канцелярии: в то время как губернское правление постепенно превращалось в исполнительный орган губернатора, канцелярия наоборот приобретает гораздо большее значение[269]. С 1883 г. канцелярия генерал-губернатора разделялась на два отделения, первое выдавало разрешения на открытие банков, торгово-промышленных, фабрично-заводских и ремесленных заведений, а также осуществляло контроль над деятельностью некоторых органов губернии. Второе отделение ведало внутренними изменениями личного состава различных учреждений, штатами государственных, сословных учреждений, органов самоуправления, больниц и богаделен. Также существовало секретное отделение, которое занималось делами о крестьянских выступлениях, забастовках рабочих, туда направлялись запросы на установление благонадежности тех или иных лиц, иностранное отделение выдавало разрешения на проживание и въезд в Москву иностранцев[270]. Все чиновники, состоящие при генерал-губернаторе и канцелярия, образовывали Управление московского генерал-губернатора, также при генерал-губернаторе в Москве

[268] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 168. Д. 17.

[269] Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 223.

[270] Центральные архивы Москвы: Путеводитель по фондам. Выпуск 1. М., 1999.

состояла инспекция для надзора за типографиями и литографиями[271], после образования градоначальства в 1906 г. эти учреждения были переданы в ведение градоначальника. В 1903 г. чиновников для надзора за типографиями и литографиями было 3: один – старший и два – младших[272]. 2 августа 1900 г. на должность младшего чиновника был назначен А. И. Остроглазов, до этого он служил секретарем Московского цензорного комитета, но недолго с 12 марта 1899 г.[273] Таким образом, органы цензуры были напрямую связаны с должностью генерал-губернатора и его управлением. Передача их в ведение градоначальника явно свидетельствует о снижении надзорных функций генерал-губернатора.

§ 4 Функции и структура Губернского правления Московской губернии

Губернское правление – это коллегиальный орган местного управления, который ведал широким спектром различных вопросов: здравоохранение и санитарные нормы (оспопрививание, падежи скота), хозяйство и промышленность, вопросы общественной безопасности и защиты прав личности[274], строительные и дорожные дела, вопросы казенного управления, дела межевой части по судебному управлению[275]. Для нас особый интерес представляют функции губернского правления, которые связаны с чиновничеством. Например, этот орган занимался увольнением и определением на службу канцелярских чиновников и служителей, при разрешении начальства правление решало вопрос об увольнении в отпуск, о производстве в чины, о наградах и пр[276].

---

[271] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 22. Ч. 1. 1902. С. 5.

[272] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 225. Д. 1301.

[273] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 199. Д. 182.

[274] СЗРИ. Т. 2. С. 49.

[275] Там же. С.49-52.

[276] Там же. С. 50.

Как и большинство присутственных мест в Российской империи, губернское правление включало общее присутствие и канцелярию. Присутствие представляло собой собрание, на котором чиновники путем голосования решали вопросы. В качестве председателя с правом решающего голоса в заседании принимал участие губернатор, кроме него присутствовал вице-губернатор и советники по разным вопросам: губернский врачебный инспектор, губернский инженер, губернский землемер. Если губернатор отсутствовал, то его замещал вице-губернатор, если отсутствовали и губернатор, и вице-губернатор, то место председателя занимал старший советник. В случае, если в заседании присутствия принимал участие генерал-губернатор, то губернатор заседал как обычный член без права решающего голоса[277]. В общем присутствии могли рассматриваться вопросы о придании суду чинов администрации, решения о различных мерах охраны безопасности и еще большое количество вопросов из различных сфер[278]. Канцелярия губернского правления занималось приготовлением нужных бумаг для решения дел. Канцелярией заведовал секретарь, а в состав входили его помощники, экзекутор, бухгалтер, архивариус, редактор губернских ведомостей и др.[279] Чтобы готовить документацию по широкому спектру вопросов в канцелярию входили различные чиновники-специалисты или советники, которые принимали участие в заседании общего присутствия, т.е. являлись его непременными членами. Каждый советник возглавлял определенное отделение канцелярии. Врачебное отделение возглавлялось губернским врачебным инспектором, строительное – губернским инженером, межевое – губернским землемером.

Решение по делу происходило в несколько этапов, сначала канцелярии или члены присутствия занимались сбором нужных справок, выяснением

[277] Там же. С. 62.

[278] Сборник кратких сведений о правительственных учреждениях. СПб.: В Типографии Департамента Уделов, 1889. С.178.

[279] Там же. С. 179.

обстоятельств дела, подбирались законы для доклада в собрании присутствия, дело считалось подготовленным для доклада, когда обстоятельства его выяснены настолько, что по делу можно вынести решение. На подготовку материалов и рассмотрение для просительских дел законом отводился срок до 6 месяцев[280]. Понятно, что при таком огромном запасе времени чиновники стремились в первую очередь решать государственные вопросы. Затем чиновник канцелярии докладывал дело собранию, после чего начиналось обсуждение[281], на которое законом отводилось 3 часа, в случае с особо важными делами прения по делу можно было перенести на следующий день[282]. После голосования, если дело подлежало коллегиальному решению, то постановление вписывается в журнал на основании мнения большинства. Если губернатор не согласен с постановлением заседания, то он предлагает свое мнение.

Но не все дела рассматривались коллегиально, в таком порядке рассматривались только распоряжения, ограничивающие чьи-то личные права по имуществу, дела, связанные с казенным и общественным интересом, касающиеся благосостояния губернии или отдельных обществ, хозяйственные или строительные дела. По другим же делам губернское правление являлось лишь совещательным органом губернатора. Это административные дела, решение которых состоит в исполнении законов. Также властью губернатора решались дела об определении и увольнении чиновников, о пенсиях, знаках отличия и пособиях, срочные дела (эпидемии, падеж скота). Судебные дела, такие как отдача чиновника под суд, о наложении денежных взысканий, жалобы на медленность в делопроизводстве решались коллегиально[283].

В губернском правлении всегда дежурили писцы и канцелярские служители. Составлялся график дежурств. В дни своего дежурства чиновники

---

[280] СЗРИ. Т. 2. С.8.

[281] Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 12.

[282] СЗРИ. Т. 2. С. 103.

[283] СЗРИ. Т. 2. С. 60.

должны были являться на службу к 9 часам и принимать от прежнего дежурного книгу поступивших бумаг. В неприсутственные дни канцелярские служители и писцы должны были приходить в канцелярию правления к 10 часам, затем по добровольному соглашению они распределяли между собой дневное и ночное дежурство. В случае опоздания или пропуска на служащего налагался штраф. Чиновники по экзекуторской части к 10 числу каждого месяца докладывали начальству об упущениях по дежурству[284].

В общее присутствие губернского правления входили вице-губернатор, три советника и асессор. Кандидаты на должность советников подбирались министром внутренних дел и назначались императором. При этом один из них назначался старшим советником. В служебной деятельности советники, как правило, зависели от губернатора. Асессора выбирал губернатор, а на должность назначал министр внутренних дел. Канцелярия губернского правления состояла из канцелярии присутствия и трех отделений[285].

Немаловажную роль в губернской иерархии и губернском правлении играл вице-губернатор, это «непосредственный помощник» начальника губернии. Он осуществлял надзор за работой правления, особенно за делопроизводством и порядком в канцелярии. В случае, когда начальник губернии не мог выполнять свои обязанности, вице-губернатор замещал его должность и подписывался «исправляющий должность», а, если губернатор отлучился из губернского города, то его помощник подписывался «За губернатора»[286]. Если вице-губернатор обнаруживал какие-то недостатки в работе канцелярии он должен был сделать напоминание членам губернского правления, секретарю и его помощнику мог сделать замечание, а канцелярским служителям и делопроизводителям – выговор или взять под арест до 7 дней[287]. От слаженной работы вице-губернатора

[284] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 54. Оп. 178. Д. 92. Л. 12.

[285] Шумилов М.М. Указ. соч. С. 188.

[286] Там же. С. 58.

[287] Там же. С. 59.

и губернатора во многом зависела эффективность управления губернией. При отсутствии вице-губернатора его должность исполнял старший советник[288].

С 1890 г. по 1902 г. пост вице-губернатора в Московской губернии занимал действительный статский советник Лев Андреевич Баратынский[289], в 1903 г. пост вице губернатора оставался незамещенным[290]. Баратынский происходил из древнего шляхетского рода. Историю жизни Льва Андреевича мы знаем практически полностью. Образование он получил в Московском университете. После окончания курса поступил чиновником Московского губернского правления. В 52 года был Московским вице-губернатором. В 1902 г. вышел в отставку, после чего поселился в маленьком имении Ямищево[291] Звенигородского уезда Московской губернии. Последние свои годы он посвятил земской жизни уезда, особенно интересуясь народным образованием[292].

В 1902 г. пост вице-губернатора занял церемониймейстер надворный советник Александр Петрович Сабуров[293]. Он принадлежал к древнему дворянскому роду, который своими корнями уходит в XV в.[294], отцом А.П. Сабурова был П.А. Сабуров (дипломат и член Государственного совета), мать – урожденная графиня Фитцтум фон-Экштед. В 1890 г. А.П. Сабуров закончил Пажеский корпус, в 1901 г. был назначен чиновником для особых поручений при министре внутренних дел. К моменту назначения на пост вице-губернатора

---

[288] Там же.

[289] Адрес-Календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1900 год. СПб., 1900. С. 154.

[290] Адрес-Календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1903 год. СПб., 1903. С. 158.

[291] Бывшее имение Боратынских, которое Лев Андреевич выкупил.

[292] Там же С. 14.

[293] Адрес-Календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1904 год. СПб., 1904. С. 156.

[294] Сабуровы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 28. СПб., 1899. С. 20-21.

Сабурову было 34 года. В 1905 г. он был причислен к департаменту герольдии, а мае 1916 г. он стал Петроградским губернатором[295].

В 1906 г. вице-губернатором стал коллежский советник Александр Сергеевич Федоров, который ранее служил чиновником для особых поручений в канцелярии генерал-губернатора (1891-1905). А.С. Федоров окончил Александровский юридический лицей[296]. Происходил из дворян, но фактически он уже больше относился к потомственному чиновничеству Московской губернии, так как его отец С.П. Федоров был тоже вице-губернатором Московской губернии в 60-х гг. XIX в. Федоровы были коренные москвичи[297]. В.Ф. Джунковский характеризует его, как человека, непривыкшего к работе и ленивого, «а между тем губернское правление в то время находилось в хаотическом состоянии, требовавшем очень усиленной работы»[298]. К тому же в условиях революционной ситуации каждый сотрудник был на счету, а А.С. Федорова было невозможно куда-либо командировать, так как он сразу же «заболевал».

Федоров умер и 10 августа 1910 г. московским вице-губернатором был назначен Адриан Михайлович Устинов[299]. До этого Устинов служил непременным членом Московского по губернским делам присутствия, в 1902 г. он принимал участие на правах члена в составе Московской губернского комитета, который действовал в рамках особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством С. Ю. Витте. Принимал участие в комиссии по выборам в государственную думу, а также выполнял различные поручения, связанные со столыпинской реформой: занимался устройством землеустроительных комиссий и заведовал делами

---

[295] Бауман А.Л. Руководители Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 160-161.

[296] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 198. Д. 5.

[297] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 479-480.

[298] Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 23.

[299] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 63. Д. 330. Л. 55-62.

особой комиссии для разработки материалов по землеустройству[300]. Устинов пользовался благосклонностью губернатора В.Ф Джунковского, который считал его в противоположность Федорову «честнейшим, благороднейшим, весьма образованным чиновником… это был кабинетный работник, но широких взглядов»[301]. Именно протекция губернатора сыграла ключевую роль при назначении нового вице-губернатора. В августе 1912 г., когда губернатор был полностью сосредоточен на подготовке торжеств в честь 100-летия Отечественной войны, все текущие дела по губернии выполнял А.М. Устинов[302]. В мае 1912 г. В.Ф. Джунковский представил А.М. Устинова к званию камергера двора[303].

В. Ф. Джунковский отмечает, что только после назначения вице-губернатором А.М. Устинова губернское правление «понемногу стало приобретать характер образцового учреждения», «из рутинной канцелярщины обратилось в живой подвижный организм»[304].

Старший советник являлся второй по значимости должностью после вице-губернатора в губернском правлении. В 1900 г. должность старшего советника в Московском губернском правлении занимал Н.И. Сергеевич[305], он имел чин действительного статского советника и окончил Московский университет[306]. Должность старшего советника Н.И. Сергеевич оставил не раньше 1904 г.[307]

---

[300] Там же.

[301] Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 23.

[302] Там же. С. 701.

[303] Там же. С. 669.

[304] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 432.

[305] В списках МВД как Н.И., в воспоминания В.Ф. Джунковского как И.И.

[306] Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел в губерниях, областях и градоначальствах. 1900 г. Ч. 2. СПб., 1900.

[307] Памятная книжка Московской губернии на 1904 год. М., 1903. С. 13.

В 1906 г. должность старшего советника занимал С.С. Перфильев в чине надворного советника, который до этого был советником при Н.И. Сергеевиче. Должность советника занимал Г.А. Рачинский. Образование этот чиновник получил в Петербургском университете[308]. С.С. Перфильев погиб в результате пожара в имении Ильиной близ села Быкова в Бронницком уезде в 1907 г. Г.А. Рачинский занимал должность советника в чине надворного советника и окончил Московский университет[309], губернатор В.Ф. Джунковский писал, что он совершенно не подходил для этой должности, поэтому в 1907 г. ему пришлось просить Рачинского об отставке[310].

Должность старшего советника занял бывший непременный член Вологодского губернского присутствия П.Д. Шереметьев, должность советника с февраля 1907 г. – П.В. Истомин, о которых губернатор отзывался положительно и считал, что этим чиновникам удалось поставить работу в правлении на новый лад. После назначения «этих образцовых, добросовестнейших и знавших дело работников, дела в губернском правлении сразу приняли другой оборот»[311]. Оба чиновника занимали эту должность вплоть до 1911 г.[312], П.Д. Шереметьев оставался на ней и после 1913 г., а П.В. Истомина на должности советника сменил надворный советник Н.П. Селиванов[313].

Кроме общего присутствия и канцелярии Московское губернское правление состояло из строительного отделения, губернской чертежной, врачебного управления и губернской тюремной инспекции.

Как особенно проблемное место Джунковский выделял строительное отделение, которое занималась вопросами по строительной части в пределах

---

[308] Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел. 1906 г. Ч. 2. СПб., 1906.

[309] Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел. 1906 г. Ч. 2. СПб., 1906.

[310] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. С. 204.

[311] Там же. С. 106.

[312] Памятная книжка Московской губернии на 1912 год. М., 1911. С. 29.

[313] Памятная книжка Московской губернии на 1914 год. М., 1913. С. 31.

губернии и в пригородных местностях столицы. Например, под надзором отделения находилась Китай-городская стена, которая как архитектурно-художественный памятник русского зодчества должна была охраняться от разрушения[314]. По оценке В.Ф. Джунковского в начале XX в. это отделение находилось в «хаотическом» состоянии[315]. В 1900 г. строительное отделение возглавлялось М.Н. Грудистовым, который окончил Лесной межевой институт, имел чин действительного статского советника[316]. В.Ф. Джунковский пишет, что при нем было сложно что-то сделать, он «был приверженец архаических порядков и всецело находился в руках своих помощников»[317]. После отставки Грудистова на посту губернского инженера сменилось несколько чиновников: статский советник А.Г. Вейденбаум, который до этого занимал должность губернского архитектора[318]; 14 января 1910 г. должность занял Н.Г. Фалеев, это был честный чиновник, «хорошо знакомый со всей подноготной строительного отделения», но при этом он был слишком мелочен, а своими придирками только раздражал своих подчиненных[319]. Н.Г. Фалеев имел чин действительного статского советника и до этого занимал должность чиновника министерства внутренних дел, откомандированного в распоряжение губернатора[320]. После Н.Г. Фалеева эту должность занимал А.С. Федосеев. В.Ф. Джунковский произвел еще некоторые кадровые перестановки, но, как он сам признается, работу отделения поставить «на должную высотку» ему так и не удалось[321].

---

[314] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 439.

[315] Там же. С. 438.

[316] Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел в губерниях, областях и градоначальствах. 1900 г. Ч. 2. СПб., 1900.

[317] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 438.

[318] Памятная книжка Московской губернии на 1909 год. М., 1908. С. 28.

[319] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 456.

[320] Памятная книжка Московской губернии на 1909 год. М., 1908. С. 26.

[321] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 439.

Печальный итог неудовлетворительной работы строительного отделения губернского правления приводит сам губернатор. В 1912 в Москве проходили торжества в честь столетия Отечественной войны 1912 и Бородинского сражения. С этой целью был намечен огромный фронт строительных работ. В частности, В.Ф. Джунковский писал, что губернское правление относилось к делу халатно, отмечал инертность ведомства[322].

Э.Н. Берендтс в записке, представленной министру внутренних дел В.К. Плеве в 1903 г. писал: «… мы сомневаемся, чтобы нашлась губерния, в которой губернское правления играло бы роль совета при губернаторе, или судебной коллегии… Что за исключением специалистов (губернского инженера, архитектора, врачебного инспектора и землемера), в среде членов губернского правления редко приходится встретить действительно образованных людей, это всем известно». Автор полагает, что из закона следует, что «именно этот орган и должен быть рассадником и школой будущих руководителей губерний», но на момент составления записки эти случаи были редкостью[323].

В.Ф. Джунковский обрисовал ряд вопросов, которые было необходимо решать губернскому правлению в Московской губернии в период его губернаторства: заведование Московским губернским архивом, дела хранились в неудовлетворительных условиях, губернское правление урегулировало вопросы, связанные с сиротскими судами[324]. В целом губернатор обрисовывает неудовлетворительное положение дел в правлении.

Таким образом, губернское правление представляло собой плохо работающий архаичный орган, который не мог эффективно выполнять возложенные на него задачи. Верхушка правления: вице-губернаторы и советники имели высшее гражданское образование, начальники отделений чаще

---

[322] Там же Т. 2. С. 8.

[323] Берендтс Э.Н. Указ. соч. С. 272.

[324] Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 441-443.

всего имели специальное образование, но плохая организация работы не позволяла им эффективно исполнять свои обязанности. Сложно было подобрать необходимые для работы кадры.

§ 5 Устройство губернских присутствий

С помощью присутствий губернатор мог осуществлять контроль над различными учреждениями. В 1900 г. существовало губернское присутствие для надзора за крестьянскими сословными органами, губернское по земским и городским делам присутствие, для контроля над учреждениями общественного управления, губернское по фабричным делам присутствие, по воинской повинности, питейным делам присутствия, также губернский распорядительный комитет, который занимался взиманием земских повинностей и лесохранительный комитет, который следил за сохранностью казенных лесов, статистический комитет занимался ежегодным изданием памятных книжек губернии[325]. В отличие от губернского правления эти ведомства специализировались на конкретных сферах, поэтому для них было необходимо приглашать людей знакомых с данном областью. Например, при назначении коллежского советника Василия Петрова на должность непременного члена губернского по земским и городским делам присутствия московский губернатор Булыгин подмечал, что такая должность должна быть замещена лицом, «осведомленным с общим ходом земского и городского хозяйства в губернии и зарекомендовавшим уже себя полезным участником в земских и городских делах»[326]. Этим требованиям отвечал Василий Петров, который с 1885 г. занимал должность помощника канцелярии губернатора, а затем с 1890 занимал должность секретаря присутствия. Неудивительно, что толкового чиновника стали искать именно в канцелярии присутствия, ведь именно там происходила вся основная работа[327]. «Вся работа по подготовке к слушанию, докладу дел и

[325] Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 224.

[326] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г Ф. 16. Оп. 199 Д. 191. Л.1.

[327] Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 16.

изготовления мотивированного определения возлагалась на канцелярию». По мнению Н.И. Лазаревского рядовые чиновники канцелярий не только правления, но и всех присутствий лучше всего знали дело. Ученый называет подготовку бумаг «своеобразным экзаменом для чиновников», так как при этом необходимо было разбираться в законах, относящихся к делу. При этом сами члены коллегиальных органов, получая готовые материалы в разработанном виде, постепенно деградировали, оставаясь при должностях, они были «неспособны отдать себе отчет в постановленном решении» и просто «беспомощно» их подписывали[328]. Такая система, по мнению Лазаревского, приводит к дисбалансу, когда ответственность за принятие решений лежит на людях, не вникающих в суть дела[329]. Точных подтверждений таких тенденций найти сложно, но при этом после подобных слов сложно заподозрить Н.И. Лазаревского в симпатиях к государственным присутственным местам, но даже он отдает должное опытности служащих канцелярий. Очевидно, понимал это и губернатор, ходатайствуя о назначении Петрова на должность непременного члена.

В начале 1900 г. московские власти ходатайствовали перед Петербургом о назначении нового непременного члена в губернское по земским и городским делам присутствие. При этом отмечалось, что число входящих в присутствие бумаг в 1897 г. значительно превышало Петербург (2052 в Петербурге, 4 423 в Москве). Планировалось внести на рассмотрение в государственный совет представления об учреждении новой должности. Также приводились некоторые сведения о постоянном росте числа рассмотренных и входящих дел. В 1898 присутствие рассмотрело 118 дел, в 1900 – 134 дела. Количество поступивших бумаг в 1898 составляло 4435, в 1900 г оно возросло до 4822, количество исходящих бумаг также увеличились с 4282 до 4663[330].

---

[328] Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 15-16.

[329] Там же.

[330] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 199. Д. 191. Л. 4-9.

Н.И. Лазаревский отмечал, что чиновники в коллегиальных учреждениях относились к делам менее внимательно, так как знали, что дела рассматривались и другими лицами, это в какой-то степени снижало моральную ответственность за решение. Также ученый отмечал медлительность этих учреждений, а из преимуществ коллегиальных органов называл возможность всесторонне рассмотреть дело, поэтому считал их удачными для рассмотрения несрочных и сложных дел[331]. Очень важно было, чтобы председатель присутствия разбирался в вопросе, которое выносилось на обсуждение. К сожалению, это было не всегда так. В.Ф. Джунковский отмечал, что при заседаниях губернского по промысловому налогу присутствия, оно «было всецело в руках докладчиков»[332]. При этом губернатор, вступив в должность, дал высокую оценку непременным членам присутствий В.С. Ходневу, Н.Н. Полянскому, А.М. Устинову, М.Н. Оловенникову и М.П. Смирнову[333].

В.С. Ходнев был самым старым, «он как нельзя более подходил к должности непременного члена именно судебного присутствия, благодаря отличному знанию законов, аккуратности, строгости к себе и необходимому в судебных делах формализму». А.М. Устинов позже был назначен на пост вице-губернатора, а его должность непременного члена занял земский начальник С.П. Мяснов, образование у него было хуже, чем у Устинова: он закончил орловскую военную гимназию[334], но губернатор оценил его «прекрасное знание дела и добросовестность». Непременным членом в землеустроительной комиссии был В.Ф. Шлиппе – «агроном, знаток сельского хозяйства… человек живого ума, широкого взгляда»[335].

---

[331] Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 16.

[332] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 437.

[333] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 66.

[334] Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1900 год. М., 1900.

[335] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т 1. С. 432.

Губернатор мог в свое отсутствие поручить какому-либо непременному члену губернского присутствия выполнение важных поручений. 20 апреля 1907 г. в деревне Третьяково Клинского уезда произошел сильный пожар, сгорело 65 дворов, губернатор командировал на место члена присутствия, чтобы произвести обследование пострадавших от пожара крестьян[336].9 декабря 1907 г. непременный член по земским и городским делам М.Н. Оловенников был командирован в Звенигородское городское управление и земскую уездную управу. Дела городского управления находились в «большом беспорядке, городское хозяйство и отчетность велись неправильно, вследствие чего городской староста Мигачев был отстранен… от должности»[337].

В целом присутствия были более «живыми» и профессиональными учреждениями, чиновникам по служебным обязанностям приходилось глубоко вникать и плотно соприкасаться с различными сферами жизни губерний. К тому же присутствия являлись кузницей кадров для других должностей. Хорошим примером является карьера вице-губернатора А.М. Устинова.

[336] Там же. С. 215.

[337] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 263.

§ 6 Должность обер-полицмейстера и градоначальника в Московской губернии

В начале XX в. полицию в Москве возглавлял обер-полицмейстер, который напрямую подчинялся московскому генерал-губернатору. При обер-полицмейстере состояла своя канцелярия, сыскная часть, адресный стол, общий полицейский архив, врачебно-полицейское управление, врачебно-полицейский комитет, бранд-майор, полицейский резерв и полицейский телеграф[338]. С 1896 по 1905 г. должность московского обер-полицмейстера занимал Д.Ф. Трепов. С 1900 г. – генерал-майор. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. При покровительстве Трепова в Москве проводилась политика «зубатовщины»[339], когда под руководством властей устраивались союзы рабочих. В Москве система «потерпела полнейший крах», рабочие при первой же возможности «сбросили с себя полицейское руководство и явились значительной силой при всех тех революционных выступлениях, которые имели место в 1905 г.»[340] Витте также отмечал, что Трепов часто бросался из одной крайности в другую[341]. Во многом политика Трепова по словам Дубасова «революционировала всю Москову»[342].

Основная структура московской городской полиции существовала на основании положений указа 16 июня 1881 г. Город разделялся на три отделения, которыми руководили полицмейстеры, в каждое отделение входили части. Всего в начале XX в. в Москве насчитывалось 17 частей: тверская, мясницкая, пятницкая, якиманская, серпуховская, пречистенская, арбатская, хамовническая, пресненская, сущевская, петровско-разумовская, сретенская, яузская, мещанская, басманная, рогожская, лефортовская[343]; которые в свою очередь делались на 40

---

[338] Сборник кратких сведений о правительственных учреждениях. СПб.: В Типографии Департамента Уделов, 1889. С.181.

[339] Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. С. 616.

[340] Там же С. 624.

[341] Там же С. 735.

[342] Там же. Т. 2. С. 77.

[343] Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1900 год. С.462-465.

участков. В каждом участке состоял участковый пристав с канцелярией и помощником, а в частях состояли полицейские дома с арестантскими помещениями и приемными покоями для больных. Домами руководили полицейские смотрители и околоточные надзиратели. В каждом участке также состояла полицейская стража, которая формировалась из городовых и околоточных надзирателей.

Проект изменений этого деления составлялся обер-полицмейстером и предоставлялся на утверждение генерал-губернатора. Назначался обер-полицмейстер из числа военных чиновников царем. Остальные чиновники назначались министром внутренних дел или губернатором. Сам начальник полиции мог только перераспределять помощников приставов, околоточных надзирателей и городовых по участкам[344]. В качестве инспекторов при Обер-полицмейстере состояли полицмейстеры, в разных частях города они наблюдали за наружным порядком, осуществляли надзор за полицейскими командами. Уголовным преследованием занималась сыскная часть, которую возглавлял начальник сыскной полиции.

Управление столичной полицией существенно усложнилось после революционных событий 1905 г. С 1 января 1905 г. в Москве должность Обер-полицмейстера была заменена должностью градоначальника, сначала временно[345], а потом на постоянной основе 26 апреля 1906 г. было учреждено управление Московского градоначальства[346]. Градоначальник имел большие права в отношении полиции и местного городского самоуправления[347], но состоял под надзором генерал-губернатора и был ему подчинен[348]. По мнению В.Н. Балязина, это порождало соперничество и разнобой между градоначальниками и

[344] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 1. 1881. С. 59 -61.

[345] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 25. Ч. 1. 1905 С. 1.

[346] Там же. Т. 26. Ч. 1. С. 484.

[347] Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 741.

[348] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 25. Ч. 1. 1905. С. 237.

губернаторами, которые к этому времени утеряли часть своих функций[349], также конфликты возникали между градоначальником и генерал-губернатором. Например, по словам В.Ф. Джунковского генерал-губернатор П.П. Дурново постоянно «третировал» градончальника барона Г.П. Медема[350]. «Он (прим. Авт. – генерал-губернатор П.П. Дурново) продолжал заниматься глупостями, мешал градоначальнику работать разными неуместными вопросами…звонил по телефону, спрашивая, почему околоточные ходят с портфелями, затем, вернувшись с какой-нибудь поездки по городу… проверял градоначальника, знает ли он, доложено ли ему из участков, по каким улицам он проехал»[351]. Также генерал-губернатор приказывал градоначальнику встречать на вокзале знакомую балерину и устраивать её в гостиницу[352].

Первым московским градоначальником стал генерал-майор, бывший черноморский губернатор Евгений Николаевич Волков, а его помощником Иван Николаевич Руднев, который до этого занимал должность помощника при обер-полицмейстере. С 1 января 1905 г., как пишет В.Ф. Джунковский, фактически он (Джунковский) исполнял должность градоначальника, так как Волков не успел добраться до Москвы, а Д.Ф. Трепов уже сдал должность Обер-Полицмейстера, «сложилось ощущение, что власти в Москве нет», так как И.Н. Руднев и был «слабоволен, нераспорядителен и совершенно не годился ни на какую самостоятельную административную должность»[353]. В.Ф. Джунковский отмечал, что новый градоначальник плохо подходил для своей должности и своим назначением был обязан благосклонностью императора[354]. В апреле 1905 г. Е.Н. Волков был переведен губернатором в Таврическую губернию. 18 апреля 1905 г.

---

[349] Балязин В.Н. Московские градоначальники. М., 1997. С. 402.

[350] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 65.

[351] Там же. С. 72.

[352] Там же.

[353] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 29.

[354] Там же.

пост градоначальника занял П.П. Шувалов, который принялся «очень ретиво» за свои обязанности. Шувалов имел и некоторый административный опыт (с 1898 г. состоял и.д. одесского градоначальника). Особенно новый градоначальник увлекался полицейским делом, очень много работал и все свое время отдавал службе[355]. К сожалению, Шувалов не успел себя проявить на должности московского градоначальника, так как уже 28 июля 1905 г. он был убит во время приема посетителей в доме градоначальника. После своей отставки с поста генерал-губернатора должность градоначальника недолгое время занимал А.А. Козлов, потом эту должность занял барон Г.П. Медем (27 июля прибыл к должности). Он был жандармским генералом, командовал сначала Московским, а потом Петербургским жандармским дивизионами. По характеристике С.Ю. Витте: «самый обыкновенный жандармский генерал» [356]. В.Ф. Джунковский дает более развернутое описание его характера: «Это был недурной человек, весьма доброжелательный, старавшийся угодить населению столицы, но не отдававший себе отчета в том, что происходило вокруг, и поэтому все его распоряжения как-то не соответствовали переживаемой эпохе». Во время революционных беспорядков Медем «спасовал» и не выезжал из дома[357]. 8 января 1906 г. он был произведен в генерал-лейтенанты с отчислением от должности, а на его место 15 января был назначен казанский губернатор генерал-майор А.А. Рейнбот.

Новый градоначальник представлял собой противоположность Медему, он был «полон сил и энергии», представлял собой «очень умного, энергичного, ловкого администратора» от него ожидали, что он «внесет свежую струю в полицейское дело столицы». К сожалению, новый градоначальник оказался в центре грандиозного скандала и попал на скамью подсудимых. Причинами этого В.Ф. Джунковский видит в индивидуальных чертах характера Рейнбота: «это был человек беспринципный, искавший популярности и не стеснявшийся в средствах

[355] Там же. С. 49.

[356] Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 399.

[357] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 65.

для достижения тех или иных целей, умел показать товар лицом, втереть очки… он стал тратить громадные деньги, ни в чем себе не отказывая»[358]. С.Ю. Витте отмечает, что во время службы Рейнбота в качестве казанского губернатора, ему удалось «водворить» спокойствие в губернии, «не прибегая ни к каким исключительным положениям, всюду показываясь сам…»[359]. Кроме того, у Рейнбота были достаточно натянутые отношения с генерал-губернатором С.К. Гершельманом. 12 декабря 1907 г. последовало отчисление от должности Рейнбота. 16 февраля 1908 г. на должность градоначальника в Москве был назначен А.А. Адрианов. Он имел высшее военное образование, закончив Павловское военное училище, прослушал курс в Военно-юридической академии. На эту должность А.А. Адрианова выдвинул С.К. Гершельман. Новый градоначальник был «аккуратным, незаметным работником, не блестящего ума, строгий законник, популярности не искал, работал честно и добросовестно, но так как он был чересчур кабинетный работник, то как градоначальник был слаб и нераспорядителен»[360].

В управление градоначальства входили, кроме самого градоначальника, его помощник, чиновники особых поручений, секретарь, канцелярия, врачебно-полицейское управление, центральный полицейский приемный покой, ветеринарная часть, техническая часть, адресный стол, общий полицейский архив, полицейский телеграф и отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Москве[361]. Инспекция типографий, литографий и книжной торговли была перенесена из канцелярии Московского генерал-губернатора в канцелярию градоначальника. Градоначальник определялся к должности лично царем[362]. Структура полиции в Москве осталась прежней,

---

[358] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 141.

[359] Витте. С.Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 826.

[360] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 286.

[361] СЗРИ. Т. 2. С. 118.

[362] Там же. С. 120.

только количество участков увеличилось до 48[363]. Под управление градоначальника попали чиновники управления генерал-губернатора, когда должность главного начальника оставалась незамещенной. Например, 12 ноября 1909 г. управляющий канцелярией генерал-губернатора С.М. Борденав состоял в совещании в Москве под председательством московского градоначальника для составления полного списка о числе евреев и членов их семей, подлежащих оставлению в Москве[364].

Московский градоначальник также, как и петербургский, возглавлял некоторые присутствия: по фабричным и горно-заводским делам, по делам об обществах и союзах, врачебно-полицейское направление по наблюдению за проституцией в Москве, хозяйственный комитет по делам московской пожарной команды, хозяйственный комитет по делам хозяйственного управления дома градоначальника, канцелярии и типографии, губернский распорядительный комитет по Москве и совещания по вопросам полиции[365]. Для решения вопросов при градоначальнике собиралось совещательное присутствие, на котором председательствовал его помощник. Присутствие состояло из управляющего канцелярии, помощника управляющего, чиновника особых поручений по судебным делам и одного из полицмейстеров. С правом голоса могли приглашаться начальники частей полиции, дела которых разбиралось. На рассмотрение присутствия выносились вопросы, которые подлежали коллегиальному решению по усмотрению градоначальника, например, к таким вопросам относилось придание суду чинов полиции[366].

Структура высших органов управления Московской губернии находилась в сложном положении и нуждалась в реформировании. Громоздкий разветвленный аппарат власти с дублирующими друг друга должностями работал

[363] Там же. С. 119.

[364] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 209. Д. 19.

[365] Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1914 год. С. 33-34.

[366] СЗРИ. Т2. С. 112-113.

медленно и неэффективно. Очень многое зависело от конкретных должностных лиц, а не от системы. Это значительно затрудняло подбор кадров. Высшее чиновничество преимущественно состояло из дворян. Во время революционных событий в Московской губернии существенно возрастала роль военных на высших должностях.

Глава 2. Служебная карьера московских чиновников

§ 1 Поступление на службу

Законами Российской империи четко определялось три критерия для поступления на гражданскую службу: происхождение, образование и возраст[367]. Но главными все же являлись первые два. По возрастному цензу с 14-летнего возраста молодой человек мог быть причислен к тому или иному гражданскому ведомству, но началом действительной службы считалось его шестнадцатилетние[368].

В начале XX в. (до 1906 г.) действовали различные ограничения на поступление в государственную службу бывших податных сословий. По происхождению в гражданскую службу могли вступать: дворяне (в том числе Польские, Финляндские, Прибалтийские, хотя для них требовались некоторые дополнительные документы[369]), сыновья личных дворян, канцелярских служителей, сыновья офицеров и чиновников, получивших по чинам личное почетное гражданство. Также в службу могли поступать сыновья священников, дьяконов и церковных причетников[370] (церковнослужитель, кроме диакона и священника[371]). Но для духовенства действовали определенные ограничения, так священникам запрещалось поступать на службу не ранее 10 лет после сложения сана, а дьяконам - не ранее 6 лет, в случае лишения сана, эти сроки увеличивались до 20 и 12 лет соответственно, а церковные причетники, исключенные из духовного звания за пороки, и вовсе лишались такого права[372]. Такие нормы явно преследовали своей целью ограничить проникновения лиц духовного сана в гражданскую службу, возможно, это делалось по этическим соображениям, но

---

[367] СЗРИ. Т. 3. С. 1.

[368] Там же. С. 3.

[369] Там же. С. 4.

[370] Там же. С. 1-2.

[371] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 25. СПб.: Семеновская Типо-Литография И. А. Ефрона, 1989. С. 286.

[372] СЗРИ. Т. 3. С. 3.

также, вероятно, что власти стремились оградить феодальную сословную структуру общества от изменений. По происхождению запрещалось принимать на службу иностранцев, т.е. подданные других держав, не вступившие в подданство России[373] (подданство - «совокупность отношений, связывающих человеческую личность исключительно с данною страною и её правительством»[374]), да и при принятия подданства иностранцы по происхождению находились в несколько приниженном положении, так, например, иностранные дворяне «присягнувшие на подданство России» поступали только в 3 разряд канцелярских служителей, а потомственные дворяне империи - в 1-ый[375], но при этом иностранцы могли служить в ученой, фармацевтической, медицинской, образовательной сферах и некоторых других, требующих особых познаний, для этого требовалось присягнуть на верность службы[376].

Запрещалось принимать в гражданскую службу по происхождению купцов и их детей, кроме купцов первой гильдии и Коммерции Советников[377] (купцы, которые состояли в 1 гильдии в течение 12 лет[378]), нельзя было принимать даже тех лиц купеческого происхождения, которые получили потомственное почетное гражданство, также запрещалось принимать личных почетных граждан, лиц бывшего податного сословия и сыновей не служивших обер-офицерских детей пользующихся по службе своих дедов званием потомственных почетных граждан. Но следует сказать, что купец, получивший чин вне порядка службы, мог также стать чиновником.

---

[373] СЗРИ. Т. 9. С. 95.

[374] Градовский А.Д. Указ. соч. Т. 1. 1875. С. 193.

[375] СЗРИ. Т. 3. С. 6.

[376] Там же. С. 7-8.

[377] Там же. С. 2.

[378] Там же. Т. 9. С. 68.

Чиновников из купечества в Московской губернии было выявлено достаточно мало. При этом снятие ограничений с бывших податных сословий практически не повлияло на количество купеческих детей (см. таблицы № 13 и 14 в приложениях). В таком важном учреждении, как управление генерал-губернатора, с 1900-1906 г. служил только один чиновник из купцов – С.А. Вьюгин, но и он поступал на службу не по происхождению, а по образованию – он окончил Императорский лицей памяти Цесаревича Николая. Сохранились документы о принятии его на службу. С.А. Вьюгин был зачислен в канцелярию, но ему пришлось ждать открытия вакансии классной должности, поэтому в 1904 г. его причислили к Министерству юстиции с откомандированием в 1 департамент Сената. 16 июня 1905 г. открылась вакансия младшего делопроизводителя, на которую и был принят чиновник[379]. Кроме того, к купеческому и мещанскому сословиям часто приписывались евреи. Например, среди 152 врачей за 1900-1906 гг. было выявлено 14 купеческих детей из них 3 было иудейского вероисповедания (см. таблицы № 16 – двое сыновей купцов выявлены за период 1906-1913 гг.). По сравнению с другими ведомствами, такая доля детей купцов представляется значительной, к примеру, в казенной палате и казначействах из 295 чиновников, всего – 3 принадлежали к этому сословию.

Таким образом, ограничения на некоторые категории населения явно потеряли свою актуальность. Эти строгости, скорее всего, были попыткой ограничить проникновение в чиновную среду лиц бывшего податного сословия, а также в свою очередь ограничить проникновение их в дворянство. Также многие эти ограничения носили исторический характер, например, 15 мая 1822 г. указом министра юстиции было запрещено использование в качестве прислуги в господских домах вольноотпущенных, вышедших в классные чины. «Причина такого распоряжения ...тщеславие некоторых бар побуждало их иметь чиновников в числе своих лакеев и кучеров»[380].

---

[379] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 200. Д. 322.

[380] Карнович. Е. Указ. соч. С. 98.

Нужда в специалистах ставила образовательный ценз выше происхождения и в случае получения воспитания, предоставляющего право поступления на службу, все вышеперечисленные категории получали право вступать в гражданскую службу. Эти правила распространялись только на отечественные учебные заведения, также при определенных условиях признавались и западные дипломы, но они нуждались в предварительном освидетельствовании. Такого же мнения придерживался и Н.И. Лазаревский, он писал, что все запреты практического значения не имели. Историк считал, что «для многих должностей... научная подготовка и специальное образование очевидно были гораздо существеннее благородства происхождения»[381].

В первую очередь власть стремилась привлечь на государственную службу дворян: «но между тем правительство желает и главным начальникам надлежит поощрять, чтобы молодые дворяне, по окончании курса наук, употребляли себя к изучению... законов своего отечества»[382]. Однако, как справедливо замечал Н.И. Лазаревский, анализируя пореформенное законодательство, что «замещать всю эту громадную массу должностей одними дворянами оказалось невозможно»[383]. При этом даже в случае, если происхождение позволяло поступить в государственное ведомство, то окончившим низшие учебные заведения или не имеющим аттестатов и дипломов приходилось проходить дополнительное испытание на умение читать, писать, а также на знание грамматики и арифметики. Кроме того, сами дворяне не так уж и стремились на гражданскую службу, так составитель издания в честь столетия государственной канцелярии писал, что в понятиях первой половины XIX в. «гражданская служба… не пользовалась особенным сочувствием; клички «приказный», «чернильная душа», «крапивное семя» и т.п.» были достаточно распространенным явлением. Автор указывал на то, что распространенным мнением было считать, что дворянин

[381] Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 72.

[382] СЗРИ. Т. 3. С. 4.

[383] Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 72.

сначала должен пройти военную службу[384]. Но даже в случае с дворянами протекция играла немаловажную роль, встречаются случаи, когда дворянин, который удовлетворял всем требованиям, не мог найти себе места. Н.М. Шеншин в своем прошении к генерал-губернатору писал: «подаю прошения Начальствующим и высокопоставленным личностям, которые принимая таковое и узнав от меня же, что я не имею протекции и покровителей…, говорят, что надо навести справки обо мне, предлагают наведываться, а за тем спустя много, слишком много для меня, молча и скрытно голодающего, времени на атласной бумаге объявляют: что во вверенных им, учреждениях вакансий не имеется не только на места ответственные, но даже на места простого писца»[385]. Шеншин был отставным поручиком, участвовал в русско-турецкой войне и 10 лет прослужил при министерстве юстиции. В канцелярии генерал-губернатора ему был дан отказ, так как вакантных мест не имелось и было предложено обратиться в то ведомство, где он хочет служить. Управление генерал-губернатор было достаточно небольшим по штату ведомством, поэтому отказ вполне логичен.

Получение образования открывало путь в чиновники также детям лиц, окончившим один из русских университетов. «Дети образованных людей получали право поступать на службу независимо от их происхождения и звания их отцов, в законе они фигурируют как «сыновья ученых и художников, не имеющих классных чинов». В это понятие включались «получившие от одного из русских университетов ученые степени доктора», магистра или кандидата и звание действительного студента, доктора медицины, лекаря, магистра фармации, магистра ветеринарных наук, провизора и др[386]. Это позволяет говорить об образовании как о важнейшем «социальном лифте» в Российской Империи. Благодаря ему чиновниками могли стать такие категории населения, для которых по происхождению этот путь был закрыт. Например, евреи могли

[384] Государственная канцелярия 1810-1910. СПб.: Государственная типография, 1910. С. 15.

[385] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 200. Д. 101. Л. 1.

[386] СЗРИ. Т. 3. С. 3.

поступить на службу в том случае, если они получили ученые степени Магистра, кандидата или Доктора медицины. Также для евреев служба снимала ограничения, связанные с чертой оседлости[387]. Такие случаи были выявлены и в Московской губернии. Доктор М.И. Авербах иудейского вероисповедания в 1900 г. имел степень доктора медицины и состоял консультантом по глазным болезням при 1-ой городской больнице с правами государственной службы, в 1906 г. Авербах был произведен в коллежские асессоры, 7 сентября 1907 поступил на такую же должность в Басманную больницу, так как по 158 статье Устава о гражданской службе не позволялось занимать сразу две должности, врачу пришлось уйти из 1 городской больницы, затем он ходатайствовал о получении прав гражданской службе на новом месте в Басманной больнице[388]. При этом такая практика все же была редкой и среди чиновников других ведомств, кроме медицинского, иудеи не встречались. К тому же достаточно сложно точно определить национальную принадлежность евреев, перешедших в православие.

Чтобы обойти законодательные нормы о запрете принятия на гражданскую службу некоторых сословных групп, людей назначали к исправлению обязанностей по должности без предоставления прав государственной службы или по вольному найму[389]. С другой стороны, постепенно расширялся круг лиц, которым закон предоставлял право поступления на государственную службу.

В связи с демократизацией государственной службы в 1906 г. всем российским подданным безразлично их происхождения, за исключением инородцев, были предоставлены одинаковые в отношении государственной службы права. Были сняты ограничения при поступлении на службу с крестьян и бывших податных сословий[390].

---

[387] Там же. С. 7.

[388] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 179. Оп. 50. Д. 5995.

[389] Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 81.

[390] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 26. Ч. 1. 1906. С. 891.

При этом еще раньше вводились нормы, которые позволяли лицам, не имеющим права на государственную службу, занимать должности определенного класса. По закону о преобразовании казенных палат 1866 г. на штатные должности без ограничений принимались лица только до IX класса[391], на более высокие должности доступ был закрыт. В 1895 г. кадровый голод вынудил учредить временные правила о замещении по Министерству финансов должностей до V класса лицами, в общем порядке не пользующихся правами поступления на государственную службу и не имеющих чинов. Главным условием было наличие высшего образования, для V и VI классов также было необходимо прослужить в каком-либо ведомстве 3 и 5 лет соответственно[392]. Мера предполагалась как временная, должна была действовать до 1 июля 1896 г., но не успев окончиться 15 апреля 1896 г. она была продлена «впредь до пересмотра»[393], что означало – навсегда, так как со временем эта норма только расширялась. Не удивительно, что именно Министерство финансов, в тот период возглавлявшее промышленно-экономическое развитие России, так чутко ощущало потребность в квалифицированных кадрах.

Н.И. Лазаревский писал, что указ 1906 г. был внесен на рассмотрение и 2, и 3 Думы, но ими еще не рассмотрен и потому все еще сохраняли свою силу временного постановления, но на практике норма применялась и устраняла действие старых постановлений, формально эти постановления законом еще не отменены и впредь «до обращения указа 5 октября 1906 г. в закон остаются в составе Свода». Историк отмечает тенденцию, что образованные представители других сословий стали представлять для дворянства значительную конкуренцию, поэтому поступление на службу по происхождению стало невыгодно. Дворянство тоже «потянулось в университеты и общий образовательный уровень

[391] ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 41. Ч.1. 1866. С. 594.

[392] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 14. 1894. С. 686.

[393] Тоже. Т. 16. Ч.1. 1896. С. 227.

русского чиновничества постоянно повышался»[394]. При этом по материалам Московской губернии такой тенденции выявить не удалось (См. Глава 2. §4.).

Указ 1906 г. сыграл существенную роль и для тех, кто уже состоял на государственной службе. Часто люди, которых запрещалось законом принимать на службу состояли вольнонаемными писцами или на других должностях без прав на чинопроизводство, в некоторых случаях по вольному найму принимали и на более значимые должности, но это происходило намного реже. Е.Карнович отмечал, что в «отдельных учреждениях, как, например, полицейских… встречается недостаток в числе чиновников»[395]. Например, Михаила Зубкова из крестьян Бронницкого уезда 31 января 1906 г. сразу взяли на должность регистратора в уездную полицию по вольному найму, хотя образование он имел неоконченное начальное. Иван Зуев происходил из мещан и на службу был принят вольнонаемным писцом в Рузское казначейство 1 июня 1904, но сразу после указа 5 октября 1906, когда были сняты ограничения на занятие государственных должностей бывшими податными сословиями, 22 декабря 1906 г. перешел на должность канцелярского служителя Рузского казначейства, т.е. был принят на государственную службу[396]. Но такая практика совсем не обязательна, например, Феофил Федзюкевич с 1 октября 1901 по 14 апреля 1914 г. занимался письмоводством в канцелярии пристава 3-го стана Московского уезда по вольному найму и перешел на государственную службу только 14 апреля 1914 г., когда был назначен канцелярским служителем[397].

Были чиновники, которые своим усердием могли переломить ситуацию отсутствия образования и происхождения. Например, крестьянин Василий Шадеев 15 лет прослужил писцом в Московском уездном полицейском управлении. Имел домашнее образование, т.е. по всем законам не мог быть

---

[394] Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 83.

[395] Карнович Е. Указ. соч. С. 121.

[396] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 65. Д. 337. Л. 85-93.

[397] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 65. Д. 393. Л. 19 -21.

принят на действительную государственную службу. 24 марта 1904 г. он получил серебряную медаль за усердие - достаточно редкую награду для писцов, а после указа 5 октября 1906 сразу же был принят столоначальником Московского уездного полицейского управления[398].

Другой чиновник из ведомства Министерства финансов Теппакс Павел Абрамович происходил из крестьян и состоял вольнонаемным писцом с 1900 г. до 5 октября 1906 г. Из инспекторского отдела сената пришло разъяснение о порядке применения указа, после чего чиновник стал считаться, состоящим на государственной службе. 19 июля 1911 ему был пожалован чин коллежского регистратора, с 30 сентября 1913 г. он занял должность бухгалтера Московской казенной палаты, а позже стал старшим столоначальником[399]. Согласно этому же разъяснению были переведены на государственную службу и многие другие чиновники, например, Алонцев Иван Федорович, служивший бухгалтером 1 разряда Можайского казначейства[400].

В начале XX в. особые ограничения действовали по приему на службу женщин: «на канцелярские и другие должности во всех правительственных и общественных учреждениях, где места представляются по назначению от начальства и по выборам»[401]. Однако женщины допускались на службу к занятиям по счетной и письменной части в женских заведениях императрицы Марии, также для женщин был открыт доступ в сферу образования и медицины, почтовые и телеграфные учреждения, по найму по письменной и счетной частям во все без исключения как центральные, так и местные учреждения Государственного Контроля, а также в Управление казенных железных дорог и на некоторые другие должности[402]. В 1906 статью 157 расширили еще 13

[398] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17 Оп. 65. Д. 393. Л. 43-44.

[399] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г Ф. 51. Оп. 13. Д. 192. Л. 31-35.

[400] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г Ф. 51. Оп. 130. Д. 150 Л. 15-17.

[401] СЗРИ. Т. 3. С. 40.

[402] Там же. С. 40-41.

пунктами, при чем в 4-х пунктах говорится уже о назначении на штатные должности и о том, что женщины могут пользоваться правами государственной службы. Список должностей, на которые могли назначаться женщины был расширен в 1908 г., министрам Путей Сообщения и Юстиции, государственному контролеру и главноуправляющему Земледелием и землеустройством было представлено право определять, в каком количестве и на какие места, им подведомственные, могут быть допущены женщины[403]. Н.И. Лазаревский писал, что права женщин-чиновников сводились к правам на пенсию[404]. В целом чаще всего женщины не пользовались правами государственной службы и были лишены карьерного роста и могли претендовать лишь на низшие должности. В Московской казенной палате на 1913 г. служило примерно 18 женщин канцеляристок[405]. Некоторые чиновники пристраивали на службу своих жен, но это было достаточно редким явлением, например, вместе с бухгалтером в 1913 г. Московской казенной палаты Н.А. Ганом служила канцеляристкой его жена М.П. Ган[406]. Мария Павловна была дочерью протоирея Московского Успенского собора П.М. Рослякова. Она имела аттестат об окончании курса на звание «домашней учительницы» в 4-й Московской гимназии. Распространенной мотивацией для женщин при устройстве на службу были сложные материальные условия и больные родственники. В качестве достоинств при приеме на службу женщин назывались окончание курса гимназии и умение печатать на машинке[407]. Некоторые женщины служили «сдельно», например, А.Ф. Аленкович с 21 января 1914 проработала на такой основе в казенной палате, при этом ходатайствовала о назначении её «постоянной канцеляристкой»[408]. В некоторых случаях женщины ставились ниже мужчин из-за физических способностей. Например, начальник

[403] Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 92.

[404] Там же. С. 93.

[405] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 5. Д. 226.

[406] Там же.

[407] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 107.

[408] Там же. Л. 18.

отделения Московской казенной палаты Б. Шрамченко пишет, что в столе необходимо иметь хотя бы одного писца мужчину, чтобы он мог доставать дела из шкафа, исполнять поручения, связанные с ходьбой по палате, относить бумаги и журналы[409].

Первые обнаруженные формулярные списки женщин-чиновников относятся к 1917 г. К.Г. Халютина 23 мая 1917 г. была назначена на должность счетного чиновника Московской казначейства, аналогичную должность заняла Л.Е. Цветаева. Первая окончила Александро-Мариинского кавалерственной дамы В.Е. Чертовой институт в Москве, вторая – Московское епархиальное филаретовское женское училище[410].

Так или иначе, женщин на классных должностях не было выявлено за изучаемый период, хотя определенные подвижки в этом направление и происходили, соответственно в исследуемый период практика приема женщин на государственную службу не успела получить широкого практического применения.

При определении на должности существовали и другие ограничения, так, например, запрещалось определять членами присутственных мест чиновников, соединенных родством или свойством с председателем или другими членами тех мест. По инициативе министра финансов 29 июля 1899 в уездные казначейства Московской губернии был направлен циркуляр, в котором управляющий Московской казенной палатой просил не допускать родственников с казначеем или бухгалтером, так как по мнению министра (в то время С.Ю. Витте) считалось, что наличие родственников является причиной злоупотреблений[411]. После этого циркуляра сразу же выяснилось, что в Богородском казначействе помощник бухгалтера является сыном бухгалтера, а в Дмитровском, Можайском и

[409] Там же. Л. 25.

[410] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 130. Л. 266-269.

[411] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 5. Д. 132. Л. 1.

Московском – сыновья казначеев служили канцелярскими служителями. Чиновников пришлось спешно переводить в другие казначейства, это создало для некоторых из них определенные неудобства. Например, верейский казначей С.Ф. Громов просит не переводить своего брата в Волоколамск, а назначить в Можайск. Так как из Волоколамска, проживая в Верее, чиновник не смог бы добираться по железной дороге, вместо этого приходилось бы ездить на лошадях, что значительно увеличило бы расходы[412], к просьбе Громова прислушались, формулярный список его брата свидетельствует, что последний был назначен в Можайское казначейство[413]. При этом, как уже выше упоминалось, много родственников служили в управлении генерал-губернатора. В данном случае можно говорить о стремлении предотвратить злоупотребления, хотя и достаточно жесткими методами, заставляя служащих изменять место работы.

Чаще всего определение на службу осуществлялось согласно прошению, т.е. человек направлял начальнику в то место, куда он «определиться намерен» соответствующую бумагу (сейчас подобный документ называется заявлением), которая либо писалась на гербовой бумаге, либо к ней прилагались марки, оплачивающие гербовый сбор[414]. Также к прошению прикладывались выписки из метрической книги с датой рождения и все документы, служащие удостоверением в звании и в праве на вступление в службу[415].

Сложно оценить общее количество подобных прошений. В ходе исследования часто можно было увидеть самые разнообразные прошения, как лаконичные с точным изложением сути дела, так и огромные на 5 и более листов с подробным описанием невзгод, постигших человека. Для историков такая информация является ценным источником, но вот для начальства ведомства вряд ли такие документы были удобны, так как в них для чиновника, принявшего

---

[412] Там же. Л. 24.

[413] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г Ф. 51. Оп. 13. Д. 54. Л. 223.

[414] СЗРИ. Т. 3. С. 44.

[415] Там же. С. 44.

прошение, было сложно найти нужную информацию. Зачастую люди просто обращались не в то ведомство, которое нужно (например, вместо канцелярии губернатора, писали генерал-губернатору), после чего таким просителям обычно либо посылали ответ с рекомендацией обратиться в нужный орган, либо просто ставили резолюцию «оставить без последствий».

В канцелярию генерал-губернатора иногда поступали дела о назначении в почтовое ведомство, хотя управление почт и телеграфов входило в состав МВД, но генерал-губернатор не формировал состав служащих в этих учреждениях. Такие прошения обычно передавали Московскому почт директору. Таким образом поступили с прошением бывшего почтово-телеграфного чиновника титулярного советника Георгия Максименко[416] и смотрителя Григорьевской почтовой станции отставного коллежского регистратора Лавра Степановича Чанцева[417].

При приеме на службы важной процедурой было определение благонадежности. Суть заключалась в том, что ведомство, куда поступал служащий, обращалось в канцелярию генерал-губернатора или органы полиции для наведения необходимых справок. В секретное отделение канцелярии генерал-губернатора приходило большое количество запросов по поводу врачей и ординаторов различных больниц, также лиц, окончивших курс в университете и оставляемых для «приготовления к профессорскому званию». Управление московского генерал-губернатора в свою очередь обращалось в канцелярию обер-полицмейстера, который сообщал сведения о месте жительства и давал характеристику[418]. При этом случаев отказа по причине неблагонадежности выявлено мало, иногда в полиции просто не имелось сведений. Например, С.Ф. Нагибин окончил Московский университет с дипломом первой степени и собирался готовиться к получению звания профессора, но были предоставлены

[416] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 199. Д. 232.

[417] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 199. Д. 180.

[418] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 90. Д. 12.

сведения, что он (Нагибин) принимал участие в студенческих беспорядках в 1896 г., а в 1897 г. в его квартире устраивалась земляческая вечеринка. Секретное отделение канцелярии генерал-губернатора составило ответ, в котором указало, что Департамент полиции не высказался против оставления Нагибина при университете, поэтому решение его судьбы предоставлялось на усмотрение генерал-губернатора, который не стал препятствовать[419].

Установление благонадежности служащих общественного управления происходило через губернатора, не все из них пользовались правами государственной службы и являлись чиновниками, но в качестве иллюстрации того, как власть могла давать разрешения принимать на службу «неблагонадежных», приведем случай назначения А.В. Александрова на должность помощника смотрителя городского работного дома. Сначала МВД сообщило, что он (Александров) не может быть допущен, так как по суду лишен «всех особенных прав и преимуществ», но затем министерство изменило свое решение, сославшись на то, что Александров «высказал намерение» подать ходатайство о восстановлении утраченных прав. Так как за последние годы за этим человеком не было замечено каких-либо правонарушений, министерство предполагало, что ходатайство может быть удовлетворено, соответственно было предложено взять его по вольному найму, а в случае благоприятного разрешения дела, утвердить в должности[420]. Кроме судимости, человек мог состоять под «негласным надзором полиции». При назначении врача в земскую лечебницу 8 февраля 1901 г. земская управа обратилась к губернатору, встречаются ли препятствия для назначения Н.Н. Цирга лекарем. Со стороны губернатора и врачебной управы препятствий не оказалось, но Московское жандармское управление сообщило, что над ним установлен негласный надзор, при этом

[419] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 91. Д. 14.

[420] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 77. Д. 765. Л. 13-15.

департамент полиции МВД все равно разрешил назначить Цирга, но запретил проживание в Москве[421].

На гласный надзор полиции после совершения государственного преступления уже не могли закрыть глаза. Людям, имевшим в своей биографии такое пятно, было сложно устроиться как на государственную, так и на общественную службу. Дворянин А.А. Левицкий, рассчитывавший в 1901 г. на должность агронома в Подольском уезде, окончил Рижский политехнический университет, но в студенческие годы был осужден в административном порядке за государственное преступление. Решение вынес лично император 24 февраля 1899 г, Левицкий был приговорен к надзору со стороны учебного начальства, в случае увольнения из института ранее 2 лет над ним устанавливался полицейский надзор. Какое-то время Левицкий проживал в Керчи, потом у своего брата, уездного врача, в Московской губернии. В итоге департамент полиции посчитал назначение нежелательным. Судя по тому, что у московского губернатора осведомлялись о Левицком из других губерний, он пробовал устроиться и там, но из частоты этих запросов можно сделать вывод, что попытки найти место были безуспешными[422].

Отсутствие решений суда или административных взысканий не означало, что служащий мог быть признан благонадежным. Во внимание могло приниматься даже мнение о политических взглядах кандидата на ту или иную должность. В.Ф. Джунковский в 1909 г. не допустил на службу И.А. Архангельского, который хоть «в смысле поведения нравственных качеств ни в чем замечен не был», но в политические взгляды его были расценены как вредные. И.А. Архангельский по своим взглядам принадлежал к кадетской партии и в 1904-1905 гг. посещал митинги, на которых выступал как оратор от кадетской партии, «в квартире его при его покровительстве собирались сходки, иногда до 50 человек из элемента заведомо неблагонадежного в политическом

[421] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 77. Д. 861. Л. 1-8.

[422] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 77. Д. 881.

направлении», «у него неоднократно бывали обыски и при одном из них была найдена различная переписка с союзом инженеров и извещения этого союза», участвовал с букетом в руках в демонстративных проводах лиц, осужденных за Выборгские воззвания (Френкель, Огородников и др.)[423].

Стоит отличать благонадежность от установления профессиональных качеств служащих, также неправильно было бы говорить, что политическая благонадежность полностью заслоняла собой профессионализм. Деловые качества также подвергались проверке, но при этом политические взгляды все же оставались на первом месте. Таким образом, хотя и не имея полной объективной статистки, по некоторым сведениям мы можем предположить, что требования к благонадежности в Московской губернии существенно ужесточились после революционных событий 1905-1907 гг. Особенно это касается Москвы, где забастовочное движение среди служащих управы и чиновников развернулось особенно широко. Оно охватывало врачебный персонал, почтово-телеграфных служащих и работников московского водопровода, в результате чего Москва оставалась без света и воды. С 15 до 29 ноября прошла забастовка почт, телеграфов и телефона, в числе арестованных был почтово-телеграфный чиновник С.М. Гоголев[424].

При поступлении на должность в Российской империи чиновник мог быть подвергнут определенным испытаниям в зависимости от необходимых специальных познаний. При поступлении на службу был предусмотрен испытательный срок, которой не должен был превышать 4 месяца и в случае утверждения в должности он засчитывался в стаж действительной службы[425].

Вопрос профессиональных качеств чиновника тоже играл важную роль, если чиновник переходил с одной должности на другую, то характеристику могли

[423] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 104. Д. 21.

[424] Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 105.

[425] СЗРИ. Т. 3. С. 26.

запросить у предыдущего начальства. При назначении на должность младшего инспектора книгопечатания в Москве И.П. Купчинова, который состоял на должности земского начальника 1 участка Волоколамского уезда, канцелярия генерал-губернатора запросила сведения о нем у и.д. московского губернатора. В результате была дана положительная характеристика, отмечалось его усердие и прилежность[426]. В этом же деле можно найти и более подробную характеристику этого чиновника, которая дает представление о том, что некоторые чиновники приобретали на службе и профессиональные интересы. Непременный член Московского губернского присутствия Н.Н. Полянский отмечает, что, прослужив земским начальником (1899-1907 гг.), И.П. Купчинов проявил «солидные познания» по крестьянскому законодательству и даже опубликовал труды на эту тему. Даже после оставления должности чиновник продолжил интересоваться «крестьянским делом», состоя частным поверенным при московском уездном съезде[427]. Земские начальники очень тесно взаимодействовали с крестьянским населением, поэтому данный факт, скорее всего, имел место. Например, чиновник, прослуживший мировым судьей, а затем земским начальником в Московской губернии, писал, что «эта новая служба дала мне возможность близко познакомиться с жизнью крестьян», при этом чиновник остался недоволен службой и вышел в отставку, продолжив помогать населению. «Крестьяне, как приходят ко мне теперь за советом и для написания жалоб и прошений по их делам, так и будут приходить и после выхода моего в отставку. Это несомненно, они верят мне и моей дочери, занимающейся у меня письмоводительством при этом же мы не берем с них денег за такие услуги» [428].

Немаловажным фактором при назначении на должность был опыт работы. При рассмотрении вопросов о назначении кассиров Сергиевского казначейства в 1913 г. предлагалось две кандидатуры. При этом канцелярский служитель

[426] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 65. Д. 376. Л. 95.

[427] Там же.

[428] Из деревни // Русская старина. Т. 128. 1906. № 11. С. 484, 491.

Федюшкин не был назначен, несмотря на хорошие отзывы, так как ему было всего 18 лет и он прослужил 2 года. На эту должность был назначен Владимир Боголепов[429], который начал свою службу в 1909 г. как вольнонаемный писец[430]. Происхождение и образование при этом не рассматривались.

Также могла заинтересовать причина увольнения с предыдущего места службы. Например, московский обер-полицмейстер через губернатора обращался в МВД для установления причины увольнения бывшего фельдшера Сетуньской лечебницы М.И. Якимовского при поступлении его на службу в полицию, ответ был дан, что фельдшер уволился по собственному желанию[431]. Если определение к должности зависело от решения губернатора, то законом предусматривались определенные рекомендации, «со строгой разборчивостью» нужно было рассматривать не только официальные сведения - формулярные списки, но сведения, «частным образом полученные», о нравственных качествах «сих кандидатов, о их способностях».

Просителя-чиновника можно легко отличить по знанию формы и лаконичности. Можно считать образцовым прошение Михаила Александровича Коробьина, бывшего почтово-телеграфного чиновника 4-го высшего разряда. Желая поступить в канцелярию московского генерал-губернатора, он направил в последнюю короткую бумагу, снабдив её необходимыми гербовыми марками по 8 копеек. На документе имеется резолюция генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича: «Разрешаю принять». После чего началась процедура выяснения благонадежности, для этого 2-ое отделение канцелярии обратилось в секретное отделение той же канцелярии, откуда был получен ответ, что Коробьин «под судом и следствием не был, ныне не состоит, нравственных качеств одобрительных и ни в чем предусудительном в политическом отношении замечен не был». После этого проситель был благополучно определен ко второму разряду

[429] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 115. Л. 1.

[430] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 111. Л. 320-321.

[431] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 76. Д. 676. Л. 1-4.

канцелярских служителей, из чего можно заключить, что образование он имел среднее или ниже и не отличался знатностью, но знание формальных процедур позволило ему успешно получить место[432], тогда как неопытные просители часто в своих прошениях пускались в пространные рассуждения и мольбы к высочайшей милости. Вырисовывается определенное отношение некоторых людей к службе, которая воспринималась не как профессия, а как помощь в сложную минуту, своеобразное «кормление». Так как в прошениях часто на первое место ставится «нужда», как побуждение податься в чиновники. Хотя это характерно не только для прошений об определении на службу, такой характер обращений наблюдается и в документах другого рода (жалобы, прошения о переводе, о пенсиях и т.д.). Непонимание принципов государства, основанного на законах, отражается в тех случаях, когда люди пытаются разрешить различные проблемы, прибегая к милости «сильных мира сего», жалуясь на своих недругов. Также в прошениях часто искали защиты от произвола низших чиновников. Большое количество прошений оставлялось без последствий даже без объяснения причин.

Статистически оценить, какая часть просителей воспринимала службу как способ поправить свое материальное положение, не представляется возможным, так как невозможно определить общего числа прошений, не во всех прошениях указывалась сословная принадлежность. Так среди выявленных прошений подобная апелляция к тяжелому материальному положению и жизненным невзгодам встречается у представителей самых разнообразных сословий. Таким образом, можно предположить, что такое нехарактерное для нашего времени поведение при устройстве на службу, все еще в той или иной степени было присуще для всего общества и являлось признаком отсталости договорных отношений. Как это охарактеризовал Н.И. Лазаревский, закон не признает договорного характера за назначением на должность, но видит в этом односторонний акт власти. Назначение на службу - это административный акт

[432] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 199. Д. 31.

подлежащего органа власти, при чем этот акт создает для назначенного особое состояние государственной службы и пребывания в той или иной должности[433].

В некоторых случаях не обходилось без курьезов, так, например, Василий Тимофеевич Баталин, писарь 1-го штаба Кавалерийского корпуса, обратился в канцелярию генерал-губернатора с просьбой об определении в качестве письмоводителя, однако в прошении допустил 5 ошибок, которые исправлены карандашом, что указывает на то, что этот факт сыграл не последнюю роль в его дальнейшей судьбе, так как в разнообразных обращениях крестьян часто присутствуют ошибки и в большем количестве, но их исправлением никто не занимался, Баталину был дан ответ, что мест в канцелярии нет [434].

Существовала и другая причина неудовлетворения прошений, это отсутствие свободных мест в штате. Определенную роль при определении на службу играла протекция. Это видно из косвенных упоминаний в прошениях, когда просители сетуют на отсутствие протекции, из-за чего не могут получить должность. Например, в прошении надворный советник И.Ф. Братановский, уволенный из полиции, пишет, что не смог устроится на службу ни по ведомству Министерства финансов, ни путей сообщения из-за отсутствия протекции[435]. Чиновник Павловской почтово-телеграфной-конторы М.Я. Зарвигоров пишет, что изучил телеграфное дело и подавал прошение в службу телеграфов Юго-Восточных железных дорог, но получил отказ. В результате чего проситель сетует, что «на должность телеграфистов принимаются хотя не вполне с хорошим знанием…, но зато с хорошей протекцией»[436]. Установить масштабы этого явления не представляется возможным, так как об этом известно только из косвенных свидетельств. К тому же многие люди могли списывать отказ в

[433] Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 97-98.

[434] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 200. Д. 24.

[435] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 199. Д. 78. Л. 1-3.

[436] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 200. Д. 24. Л. 14.

вакансии на отсутствие протекции, прикрывая этим свое несоответствие требованиям.

Особенную роль, которую играли связи, можно проследить по назначениям на руководящие должности в Московской губернии. Особенно немаловажным фактором являлись родственные связи. Например, при назначении на должность вице-губернатора А.С. Федорова решающее значение имело отношение бывшего губернатора А.Г. Булыгина к семье жены Федорова – Шереметьевым. Несмотря на то, что губернатор В.Ф. Джунковский явно не желал видеть А.С. Федорова на должности вице-губернатора, ему пришлось уступить из уважения к самому А.Г. Булыгину, из уважения к «благороднейшему старику» Б.С. Шереметьеву. Таким образом, пагубное «кумовство» негативно отразилось на управлении губернией. Жена А.С. Федорова – О.Н. Шереметьева «боготворила и оберегала» его «больше, чем было нужно». Она и теща стали причиной того, что вице-губернатор мало работал и в самый ответственный период революции 1905 г. по словам В.Ф. Джунковского, «вице-губернатора у меня не было»[437]. Во время революционных событий 1905 г. губернатор попросил вице-губернатора проникнуть в Бутырскую тюрьму через баррикады. «Он мне тотчас ответил, что сейчас отправится, но приехав домой, позвонил мне и сказал, что ему очень нездоровится. Я понял, что жена его не пускает»[438]. Как упоминалось выше, многие ведомства стремились искоренить это явление, но, судя по всему, оно достаточно плотно проросло в московскую чиновничью среду.

Таким образом, поступление на службу в Российской империи имело большое количество ограничений, многие из них давно устарели и только препятствовали нормальному формированию кадрового состава чиновничества. Сословные ограничения были сняты в 1906 г., но продолжали действовать ограничения по национальному и гендерному признакам. Государственная служба испытывала потребность в квалифицированных кадрах. Существование

[437] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 106.

[438] Там же. С. 123.

двух оснований поступления на службу: по образованию и по происхождению являлось компромиссной попыткой одновременно сохранить господствующее положение дворянства среди чиновников и не остаться совершенно без квалифицированных кадров. Дворяне с высшим образованием не стремились занимать низшие должности уездных чиновников. Тем не менее, их было необходимо кем-то замещать. Назревшие изменения на законодательном уровне приводились в жизнь медленно и тяжело. На практике указ 1906 г. так и не стал законом, хотя активно применялся. При этом все большее преобладание образовательного ценза постепенно приводило к формированию категорий служащих профессионалов, что безусловно являлось позитивной тенденцией.

Неоднозначную оценку можно дать процедуре установки благонадежности. С одной стороны, она, безусловно, была необходима, но в Российской империи начала XX в. существовал явный дисбаланс в сторону политической благонадежности, когда на людях, пригодных для службы, имевших достойное образование, которые смогли бы принести пользу стране за прегрешения студенческих лет могли поставить крест. При этом массовые забастовочные движения служащих в Москве продемонстрировали неэффективность подобных методов. Сочетание революционных событий 1905 г. и указа 1906 г. должны были неизбежно привести к пополнению кадрового состава классного чиновничества из среды лиц, состоящих по вольному найму, которые не могли продвинуться ни по происхождению, ни по образованию, но при этом продемонстрировали политическую благонадежность.

§ 2 Производство в чины и перемещение по карьерной лестнице

В Российской империи в начале XX в., продолжала действовать Табель о рангах 1722 г. Она делала невозможным получить высший чин без прохождения низших. Табель о рангах заключала в себе еще одно существенное условие, поколебавшее понятие старого родового дворянства: чин открывал доступ к благородному сословию для других сословий. Существовала система классных чинов и классов должностей, по которой чиновник с чином определенного класса

должен был занимать должность того же класса[439]. По мнению С.М. Троицкого «иерархия чинов в зависимости от личной выслуги, заслуг и знаний человека» помогала сделать аппарат управления более «послушным»[440].

К середине XIX в., назрела острая необходимость отмены системы чинов, так как в условиях капиталистического развития и нужды в квалифицированных кадрах, эта система затрудняла процесс подбора необходимого персонала. Эта ситуация подробно была рассмотрена П.А. Зайончковским. Историк писал, что Табель о рангах «изжила себя, и чины превратились в нечто архаическое»[441]. А вопрос об их отмене ставился на протяжении XIX в. Целью многих предложений было объединение должностей с чинами для избегания противоречий[442]. П.А. Зайончковский указывает, что в официальных списках чинов 1883-1884 гг. IV класса, «не более 60 % занимают должности, соответствующие своему классу». Многие противники чинов высказывались, что существующее положение дел рождает чинопочитание, это отмечал и А.Д. Градовский, говоря о табели о рангах: «Вот почему прежнее чванство происхождением весьма скоро заменилось чванством чинами»[443].

Реформа по отмене чинов так и не была проведена, хотя попытки производились неоднократно на всем протяжении XIX - начале XX вв. Так, например, Особое совещание под председательством А.С. Танеева, созданное для рассмотрения вопроса об упразднении чинов, на первом заседании отмечало, что «соотношение между и чином и служебным положением лица, его носящего, сделалось...почти случайным»[444]. Однако инициатива встретила сопротивление высшей бюрократии, после чего идея об отмене чинов была отложена. К ней

---

[439] Градовский А.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 90.

[440] Троицкий С.М. Указ. соч. С. 5.

[441] Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 44.

[442] Там же. С. 44.

[443] Градовский А.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 90.

[444] Зайончковский П.А. Указ. соч. С.46.

вновь вернулась комиссия Шамшина, которая 4 мая 1901 г. признала необходимым сохранить чины. Комиссия предлагала лишь изменить некоторые спорные вопросы самого чинопроизводства - по словам П.А. Зайончковского «ограничилась полумерами». Комиссия также отмечала рост определений на должности лиц, не имеющих на это право, отмечалось несоблюдение сословного принципа и пр[445]. При этом даже эти компромиссные рекомендации комиссии не были рассмотрены и не переродились в законы. Сложившуюся в государственной службе Российской империи ситуацию П.А. Зайончковский справедливо характеризует следующим образом: «Оно естественно должно было привести к увеличению в государственном аппарате дворянских недоучек и тем самым в конечном счете ослаблять роль дворянства как сословия»[446]. Злободневность и избитость этой темы даже получила отражение в рассказе А.П. Чехова «Два газетчика» 1885 г., в котором один из героев перед тем как повеситься среди тем, о которых он устал писать, упоминает упразднение чинов[447].

При вступлении в гражданскую службу чиновники приводились к присяге, процедура, роднившая её с военной службой[448]. Норма, сохранившаяся с петровских времен. Но не только это сближало гражданскую и военную службы, сходства можно было найти и в ношении мундиров, строгой иерархии чинов, которая при помощи Табели о рангах приводилась в соответствие с воинскими званиями[449]. При этом многие элементы, хорошо вписывающиеся в военной сфере, в гражданской - выглядели абсолютно неуместными. Наиболее ярким примером являются классные чины.

---

[445] Там же. С. 50.

[446] Там же. С. 52.

[447] Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. Т. 4. М.: Наука, 1976. С. 156-157.

[448] СЗРИ. Т. 3. С. 44.

[449] Там же. С. 147 – 149.

Все гражданские должности делились на 14 классов, чиновники назначались на них «сообразно чину»[450]. Н.И. Лазаревский указывает на то, что ситуация, когда должность не соответствовала чину, возникла только в гражданском ведомстве (у военных чин являлся наименованием должности), так как «при самом своем появлении чин для гражданской службы не был должностью, но был титулом»[451]. На деле как юридически, так и на практике, существовало огромное количество допущений, которые давали возможность занимать должности без соответствия чина. Статья 139 предусматривала назначения одним классом выше или двумя классами ниже класса должности[452] (в губерниях допускалось даже более двух классов ниже[453]). Из-за этого чин приобрел характер «почетного наименования», которое чаще всего никак не привязывалось к классу должности.

Появление таких норм, скорее всего, связано с тем, что у чиновников, которые могли занять определенную должность, не было соответствующих чинов. Из 123 чинов уездной полиции и земских начальников Московской губернии в 1900-1904 гг. только 28 (22%) человек занимали должность в соответствии с классом. У остальных класс был чина либо ниже, либо выше класса должности. Например, полицейский надзиратель города Можайска А.А. Шварц занимал должность X класса с чином титулярного советника (IX класс)[454]. 53 чиновника (43%) имели чины выше класса, занимаемых ими должностей. Случаи, когда чиновник занимает должность с чином выше, чем на 1 класс, встречаются редко. Среди чинов полиции и земских начальников их было обнаружено всего 4 (3%). Например, Г.Ф. Пахомов служил полицейским надзирателем (X класс) при фабрике товарищества мануфактур Н.Н. Контина и

[450] Там же. С. 26.

[451] Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 116.

[452] Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 27.

[453] СЗРИ. Т. 3. С. 28.

[454] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101. Д. 254.

имел чин VII класса. Чем выше класс должности, тем реже они встречаются[455]. По той же выборке случаев, когда чиновники занимают должности с чином ниже классом, было выявлено 42 (34%), из них почти половина не имели чинов вовсе. Например, Н.Ф. Басов занимал должность земского начальника (VI класс) в чине коллежского регистратор (XIV). Стоит отметить, что ситуация, когда чины по классам больше должностей, характерна для IX-XII классов. Случаи, когда чин ниже, равно распределены по всем классам должностей. Доля подобных случаев повышается на должностях XIV и XII классов среди чиновников не имеющих чинов. Таким образом, можно сделать вывод, что подобрать должность в полиции в соответствии с чином удавалось для меньшей части чиновников. Одинаково часто чиновники либо получали чины, оставаясь на прежней должности, либо поступали на должность, не имея необходимого чина для неё. Для высоких должностей не характерно, чтобы чин был выше.

Особенно острую необходимость испытывали такие ведомства как Министерство финансов и Министерство путей сообщения, так как многие должности в этих ведомствах требовали от чиновника технических, экономических знаний, к тому же об отсутствии специалистов свидетельствуют нормы законодательства, которые позволяли принимать на должности до V класса лиц, не имеющих соответствующих чинов или чинов вообще, при наличии высшего образования. Такие нормы действовали для Министерства финансов, Министерства путей сообщения, Министерства торговли и промышленности, Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел[456].

Нехватку кадров можно проследить по сведениям Московской казенной палаты. Из 285 служащих в 1900 г. 89 (31%) занимали должности с чином выше должности. 158 (55%) имели класс чина ниже класса должности, при этом из них 62 человека не имели чинов вовсе. К должностям, на которых наиболее часто чин

[455] Там же. Л. 103-111.

[456] СЗРИ. Т. 3. С. 26-27.

был ниже должности, относятся податные инспекторы, начальники отделений палаты. Помощники податных инспекторов (VIII класса) В.Г Нечаев и Н.А. Левенталь имели чины губернских секретарей (XII класс).

Подъем по карьерной лестнице затруднялся в условиях ограниченного количества классных должностей. Данное препятствие существовало только на штатных должностях. Н.И. Лазаревский приводит пример, что произвести лицо, занимающее должность VI класса, в действительные статские советники (IV класс) нельзя, но можно было сделать это, назначив его чиновником особых поручений V класса на сверхштатную должность[457]. Существовало большое количество чиновников, которые не имели права на вступление в гражданскую службу. Они в чины не производились и даже переместившись на другую должность оставались без чинов, при этом пользуясь всеми преимуществами, присвоенными их должностям[458]. Например, до 1906 г. большая часть чиновников с крестьянским происхождением не имела чинов, но могла занимать классные должности. Помощник бухгалтера московской палаты Э.Я. Аболь «из податного сословия» не имел чина, но занимал классную должность[459].

Существовало несколько способов получить чин: можно было получить его по праву образования; за выслугу лет или за отличия. Чины жаловались за усердие в служебных делах, засвидетельствованное начальством[460]. То есть одной выслуги лет было недостаточно, так как получить новый чин без одобрения начальства было нельзя[461]. Минимальный срок между чинами за выслугу лет составлял от XII до VIII класса три года, а VII - V классов – 4 года. Командировка за границу для «усовершенствования в науках» засчитывалось в действительную службу. Особенно эта практика была распространена среди врачей, а отпуска

[457] Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 117.

[458] СЗРИ. Т. 3. С. 61.

[459] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 46. Л. 1-5.

[460] СЗРИ. Т. 3. С. 53.

[461] Там же. С. 54.

свыше 4 месяцев наоборот вычитались из выслуги[462]. Среди 16 врачей, служивших в 1913 г. – 4 были в заграничных отпусках[463]. Для сравнения никто из 362 чиновников министерства финансов за 1913 г. не бывал в таких отпусках.

С одной стороны, на места, требовавшие высокой квалификации, было сложно найти нужного человека, но с другой – существовала целая масса чиновников, которые не могли продвинуться по служебной лестнице выше, засиживаясь десятилетиями на одних и тех же должностях. Иногда потеря должности или отставка означали, не только полную потерю средств к существованию, но и потерю возможности повторно поступить на такую же должность.

Одним из способов занять должность без чина было назначение в качестве исполняющего обязанности. Например, столоначальник Бронницкого полицейского управления более 9 раз за 14 лет исполнял должность полицейского надзирателя того же управления с 1887 г. Срок исполнения обязанностей всегда был разным от 1 месяца до полугода. Но должность этому чиновнику удалось получить только 5 декабря 1901. При этом в 1909 г. он вышел в отставку и вновь поступил на службу в Бронницкое полицейское управление только в 1912 г. канцелярским чиновником[464]. Очевидно, что его старая должность была уже занята. Исполняющий обязанности пользовался всеми должностными полномочиями и получал содержание этой должности, фактически не было никакой разницы между назначенным на должность чиновником и тем, кто её исполнял[465].

Кроме служащих, имевших чины, в Российской империи существовал целый обширный класс канцелярских служителей. Такое состояние для служащих было введено 14 октября 1827 г. Л.Е. Шепелев указывает, что целью

---

[462] Там же. С. 54.

[463] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 179. Оп. 50. Д. 6165.

[464] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 65. Д. 337. Л. 17-23.

[465] Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 117.

указа было ограничение в составе чиновничества числа выходцев из других сословий[466].

До 1906 г. все лица, поступающие на службу по происхождению, распределялись в зависимости от сословия в различные разряды канцелярских служителей. То есть фактически без чина. Лица с высшим образованием сразу производились в классные чины, таким образом, государство демонстрировало то, что оно желало бы привлечь в свои ряды в первую очередь образованных людей. Однако сословный характер государства продолжал играть существенную роль, так как при поступлении в канцелярские служители по происхождению, в зависимости от сословия чиновники получали разные стартовые условия. Например, к первому разряду принадлежали исключительно потомственные дворяне, ко второму - сыновья личных дворян, сыновья офицеров и чиновников, получивших по чинам личное почетное гражданство, сыновья священнослужителей, коммерции советников и купцов, к третьему - неклассные художники, получившие это звание в Академии Художеств, сыновья ученых, и художников, не имеющих чинов, сыновья уездных приходских и домашних учителей, а также сыновья бывших комнатных надзирателей гимназий, сыновья канцелярских служителей, лекарских учеников, фельдшеров, курьеров и другие специфические группы лиц[467]. Канцелярских чиновников фактически можно приравнять к канцелярским служителям. Главным отличием было то, что эту должность занимали чиновники, имевшие классный чин.

Получения первого классного чина зависело от того, в какой разряд канцелярских служителей попал чиновник. Если лица с высшим образованием сразу получали классный чин, то чиновникам, получившим среднее образование, приходилось еще прослужить определенное время до XIV классного чина.

---

[466] Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 116.

[467] СЗРИ. Т. 3. С. 5.

Попавшим в первый разряд достаточно было одного года, второго разряда – двух лет, третьего – четырех[468].

Если чиновник не имел среднего образования, а имел только аттестат о начальном, то его судьба зависела от разных обстоятельств. Например, к какому сословию он принадлежал, с успехом ли он закончил уездное училище или удовлетворительно[469]. Те чиновники, которые имели начальное образование, могли получить первый классный чин также с учетом их происхождения. Канцелярские служители 1 разряда производились в коллежские регистраторы через 2 года, 2 разряда – через 4 года, 3 разряда – через 8 лет, если принадлежали к сословию почетных граждан, в противном случае через - 10 лет[470]. Если чиновник служил канцелярским служителем более 10 лет, то он мог быть награжден первым классным чином за отличия[471].

Принадлежность чиновника к тому или иному разряду канцелярских служителей доказывалась предоставлением документов об образовании и происхождении. Например, выписки из метрической книги. Канцелярский служитель Московской казенной палаты Марков Михаил Петрович был даже представлен к чину коллежского регистратора в 1889 г., но предоставить документы о принадлежности ко второму разряду он не смог, в результате чего чиновник остался без чина, не получив его даже в 1900 г[472]. Хотя подобные случаи, когда местные власти выдвигали чиновника на чин, а министерство отклоняло кандидатуру были достаточно редки, но все же они встречаются. 5 августа 1891 на должность делопроизводителя московского губернского распорядительного комитета был назначен Вонлярский Валентин Петрович. При этом чиновник имел чин коллежского регистратора (XIV класс), а должность

---

[468] СЗРИ. Т. 3. С. 61.

[469] Там же. С. 61.

[470] СЗРИ. Т. 3. С. 62.

[471] Там же. С. 61.

[472] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 46.

полагалась в VIII классе. При следующем чинопроизводстве, когда Вонлярский был представлен к чину губернского секретаря, начальство отклонило его кандидатуру, так как не была объяснена причина, по которой чиновник занимал должность без соответствующего чина. Данный эпизод никак не сказался на карьере чиновника, так как уже в 1899 г. он был произведен в чин титулярного советника[473], но при этом он иллюстрирует, какое пристальное внимание уделялось сбору справок и необходимых документов. Очевидно, что в последнем случае существенную роль сыграло знатное происхождение, так как служащий происходил из потомственных дворян и при поступлении на службу был зачислен в канцелярские служители 1 разряда.

После указа 5 октября 1906 г. зачисление в разряды канцелярских служителей и получение первого классного чина притерпели изменения. Служители по положению Совета министров Российской империи разделялись на разряды в зависимости от образования. К первому разряду причислялись выпускники гимназий, ко второму – все остальные, не достигшие этой ступени образования. Канцелярские служители первого разряда производились в первый классный чин через один год, второго – через два. Например, крестьянин И.Ф. Баранов, окончивший Богородское городское училище, вступил в службу 27 августа 1909 г. вольнонаемным писцом в Богородское казначейства, 28 апреля 1911 г. был назначен на должность канцелярского служителя, а 1 октября 1913 г. уже получил чин коллежского регистратора[474]. Из 38 крестьян, служивших в казенной палате и казначействах, 21 (55%) имели чины (см. таблицу 14 в приложениях). Историк Н.И. Лазаревский отмечал, что даже после существенного облегчения бывшим податным сословиям путей на государственную службу, в прохождении службы не существовало равенства. «Представители высших слоев русского общества начиная службу с низших

[473] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 46.

[474] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 165.

канцелярских должностей, быстро проделывали этот стаж, отнюдь не сливаясь с теми, кто был обречен остаться на них всю свою жизнь»[475].

Люди с высшим образованием получали существенное преимущество в чинах, государство было заинтересовано в привлечении квалифицированных кадров на службу и поэтому диплом второй степени высшего учебного заведения, давал возможность перескочить через чин коллежского регистратора и получить классный чин губернского секретаря (XII класс) или с дипломом первой степени - чин коллежского секретаря (X класс). Степень доктора давала чин коллежского асессора (VIII класс), степень магистра – чин титулярного советника (IX класс)[476]. Окончание уездных или городских училищ давало преимущество при устройстве на службу перед теми, кто не имел такого образования[477]. Для разных учебных заведений законом устанавливались разнообразные правила, так, например, окончив с отличием С.-Петербургский или Харьковский технологические институты, поступая на службу, можно было получить X класс, а без отличия - XII класс; а права дипломов ученых агрономов и ученых лесоводов первого и второго разрядов соответствовали университетским дипломам первой и второй степеней[478]. Н.И. Лазаревский считал эти преимущества незначительными для дворян, так дворянин, окончивший гимназию и сразу поступивший на службу, выслугой лет обгонит в чинах своего товарища, который поступит на службу, пройдя университет и окончив его по 2 разряду[479]. При этом для непривилегированных сословий обучение в университете было серьезным преимуществом для продвижения по службе.

Обучающиеся за казенный счет после окончания учебного заведения должны были прослужить в соответствующих должностях. Например,

---

[475] Лазаревский Н.И. Указ. соч. С.70.

[476] СЗРИ. Т. 3. С. 10.

[477] Там же. С. 9.

[478] Там же С. 14.

[479] Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 84.

окончивший военно-фельдшерскую школу должен был прослужить по должности фельдшера. Полицейский надзиратель города Можайска А.А. Шварц прослужил в должности военного фельдшера 1,5 года за каждый год обучения[480]. «Учительский институт в число воспитанников Министерства Народного Просвещения обязывался под подпиской прослужить по окончании курса, не менее шести лет, в должности учителя городского училища по назначению учебного начальства»[481]. Тоже самое касалось студентов, которые получали стипендию из казны. Получавший стипендию из казны, был обязан отслужить по назначению начальства. Так, например, это практиковалось с медиками, которые за каждый год получения стипендии, были обязаны полтора года проработать в указанных в законе ведомствах[482], в противном случае выпускник обязывался вернуть стипендию государству. Выпускники гимназий, обучавшиеся за казенные счет, были обязаны отслужить 6 лет в той губернии, где находилась их гимназия[483].

Лица, вовсе не имеющие аттестатов, должны были пройти испытание на первый классный чин в городах, где имелся попечитель учебных округов, а также в гимназиях, прогимназиях или уездных училищах. При провале экзамена чиновник мог повторно подвергнуться испытанию через год[484]. Программа испытаний включала курс уездных училищ. Закон от 3 мая 1871 г. закрывал путь к чинам чиновникам без аттестата о начальном образовании: «Все лица, состоящие в гражданской службе и не имеющие аттестатов о познаниях, соответствующих по крайней мере объему курса уездного училища или равного ему учебного заведения, подвергаются, для производства в первый классный чин,

[480] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г Ф. 17. Оп. 101. Д. 254. Л. 41-45.

[481] СЗРИ. Т. 3. С. 15.

[482] Там же. С. 11.

[483] Там же. С. 14.

[484] Там же. С. 62.

испытанию в объеме курса уездного училища»[485]. В программу экзамена включались Закон Божий, священная и церковная история, русский язык, история России и всеобщая на сокращенном уровне, арифметика, геометрия, включая стереометрию, но без доказательств, география, чистописание и элементарные познания в черчении. Можно было получить от 80 до 115 баллов. Все предметы имели разное количество максимальных баллов, т.е. они находились в определенной иерархии. Недостаток баллов в одном предмете мог замещаться большинством баллов из других предметов, это допускалось только при недостатке не менее половины максимального числа баллов. Поэтому особенно стоило налегать на предметы, за которые можно было получить наибольшую оценку: история, арифметика, Закон Божий и русский язык. На этом срезался персонаж рассказа А.П. Чехова «Экзамен на чин» приемщик почтового отделения Фендриков, сделав упор на стереометрию, которой, как выяснилось, на экзамене не было. На самом деле по закону чиновники должны были сдавать стереометрию и писатель, скорее всего, этого не знать не мог, так как в письме Лейкину 25 июня 1884 он пишет, что тема экзамена на чин тема «бытовая и для меня знакомая»[486]. Поэтому Чехов мог опустить этот момент в пользу художественности произведения, но мог и отразить реальную картину, когда экзамен на коллежского регистратора носил скорее формальный характер, чем средство выяснения реальных знаний служащих. Не зря один из экзаменаторов произносит: «Не волнуйтесь. У нас и примера не было, чтобы вашего брата на экзаменах резали. Проформа!»[487]. При этом тот, кто выдержал испытание в полном курсе гимназии, прогимназии или училища, пользовался правами, которое имели окончившие курс в этих заведениях. В казенной палате за 1900 г. выявлено всего 13 (4%) человек из 295, прошедших испытание на классный чин, в 1913 их число возросло до 35 (9%) из 362, в полиции за 1900 и 1913 гг. число

[485] ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 46 Ч. 1. 1871. С. 416.

[486] Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. М.: Наука, 1975. С. 546.

[487] Там же. С. 36.

прошедших испытание не превышало 17 (11%) человек из 142, но и число людей с домашним образованием, которые являлись первыми кандидатами на данное испытание было невелико (26, 17 и 14 соответственно). Таким образом, возможностей или желания для получения первого классного чина у большего числа служащих не хватало, этим объясняется большое количество лиц без чинов.

В некоторых случаях государственная машина работала настолько медленно, что человек получал первый классный чин уже в отставке. Секретарь Бронницкого полицейского управления, ранее служил в Могилевской губернии на другой должности, с которой 1 ноября 1907 г. ушел в отставку по семейным обстоятельствам, а 4 июня 1908 он был произведен в коллежские регистраторы за выслугу лет с 1906 г[488].

Также чиновник мог получить чин как награду при отставке. Например, регистратор Верейского полицейского управления Николай Николаевич Зверев, выйдя в отставку по болезни, получил чин губернского секретаря. Судя по формулярному списку, чиновник этот был достаточно добросовестный. Начал он свою карьеру со службы в канцелярии губернатора, успел попробовать себя в роли полицейского надзирателя и даже в чине коллежского регистратора исполнял должность начальника Верейской тюрьмы с 7 по 19 октября 1905 г., за что получил благодарность за «беззаветную службу при чрезвычайно тяжелых обстоятельствах»[489]. Под тяжелыми обстоятельства, скорее всего, понимались события революции 1905 г.

Иногда чином награждали за отличную службу, но это происходило достаточно редко, либо для этого нужны были хорошие связи. Одним из примеров награждения чином действительно достойного чиновника может служить управляющий Московской казенной палаты с 21 июля 1914 Струков Андрей Андреевич за отличную службу был награжден чином статского

[488] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 65. Д. 337. Л. 32-35.

[489] Там же. Л. 70-75.

советника. На основании формулярного списка можно сказать, что это действительно был выдающийся чиновник. Он занимался исследованиями условий введения городского устройства в поселках различных уездов. Его мнение ценилось в департаменте окладных сборов, он привлекался для обсуждения изменения действующего законодательства по отмене круговой поруки крестьян по уплате налогов, также привлекался оренбургским губернатором для обсуждения проекта преобразований губернских учреждений в ноябре 1903 г, работал в составе комиссии о крестьянских надельных землях. Успел прослужить в Екатеринославской губернии начальником отделения палаты, в Херсонской (с 10 ноября 1907) и в Киевской – управляющим палатой[490].

Некоторые современники отмечали «сравнительно быструю смену личного персонала». Э.Н. Берендтс писал, что «если губернатор где-либо просидит более 5 лет, то это считается чем-то особенным, а чтобы управляющий казенной палатой оставался на месте более 10 лет, это, кажется, случается в очень редких случаях»[491].

Определённые ограничения действовали в отношении военных чинов при назначении на гражданские должности, замещаемые по определению от правительства. Обычно при поступлении на гражданскую службу военное звание «переименовывалось» в соответствующий гражданский чин. Однако имеют место случаи, когда на гражданских должностях служили люди в армейских чинах, особенно часто это встречается в полиции, хотя в Московской губернии таких чиновников немного. Среди 142 полицейских и земских начальников за 1900-1913 гг. военные чины имели всего лишь 5 человек (3%), среди них 2 штабс-капитана, капитан, полковник и майор. О некоторых есть сведения, что они получали денежные вознаграждения за отказ от производства в следующий гражданский чин. Например, штабс-капитан М.А. Щеглов получил 750 р. за отказ от производства в чин титулярного советника, что составляло половину его

[490] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 192. Л. 46-68.

[491] Берендтс Э.Н. Указ. соч. С. 274.

годового жалования в чине уездного исправника[492]. Дмитровский исправник майор А.Н. Грибский также неоднократно отказывался от чинопроизводства, за отказ от чина коллежского советника он получил 750 р. О последнем Джунковский писал, что это был «честнейший и благороднейший человек», которого все уважали в уезде[493]. В Московской губернии случаи отказа от чинов встречались и среди земских начальников. Отставной полковник К.Г. Витцель неоднократно отказывался от чина Статского советника, получая деньги[494]. Эти чиновники имели военное образование и некоторые из них принимали участие в боевых действиях. Щеглов участвовал в подавлении польского восстания 1863 г., Витцель участвовал в Кавказской войне. Законом устанавливалась норма в 60 человек участковых приставов и их помощников[495], которые могли сохранить военный чин. Также военные допускались по два на каждого генерал-губернатора и некоторые другие должности. Бывшие военные в Московской губернии продолжали сохранять за собой значительную долю мест в полиции, что логично, так как в работе полицейского могла пригодится военная выучка, дисциплина и исполнение обязанностей, что и воспитывалось на службе, тогда как профессиональные качества и административный опыт могли совершенно отсутствовать у отставных офицеров.

Для правительства, особенно в период революции 1905 г., немаловажным фактором была лояльность чиновников, а именно в среде военных можно было её ожидать. Однако такое положение дел могло бы негативно сказаться на работе государственных учреждений, если служащий не справлялся бы со своими служебными обязанностями из-за отсутствия опыта и образования. Тут следует упомянуть еще один момент: образование, а тем более высшее образование, все еще не носило в Российской империи массового характера, а военные учебные

[492] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101. Д. 254.

[493] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 241.

[494] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г Ф. 17. Оп. 101. Д. 254.

[495] СЗРИ. Т. 3. С. 38-39.

заведения: юнкерские училища и кадетские корпуса давали знания полезные для государственной службы. При этом количество военных также зависело от ведомства. Например, в учреждениях Министерства финансов Московской губернии количество военных было незначительным по сравнению с другими ведомствами. Это связано со спецификой ведомства, где значительную долю чиновников составляли бухгалтеры, которые должны были быть знакомы с бухгалтерским учетом и иметь неплохие познания в коммерческих науках, во второй половине XIX появились еще и акцизные чиновники, которые не могли работать без соответствующего опыта в области акцизного дела.

Таким образом, Московская губерния в полной мере оущщала на себе недостатки система чинов Российской империи. Из-за недостатка классных должностей изначальный порядок, заложенный в Табели о рангах, постоянно нарушался. В Московской губернии большая часть чиновников занимала должности, не соответствующие классам чинов. Действовали существенные ограничения для повышения по службе лицам недворянского происхождения. В Московской губернии большая часть учреждений пополнялась гражданскими кадрами. Бывшими военнослужащими замещали те места, где ощущался недостаток в специалистах с высшим образованием, а значительное число бывших военных в полиции обусловлено спецификой работы этого органа.

§ 3 Ответственность и наказания чиновников Московской губернии в начале XX в.

Важным фактором, влиявшим на чиновников, была ответственность за преступления по службе, контроль и соразмерность наказаний за различные виды правонарушений определяют характер функционирования государственных учреждений.

По формулярным спискам выявлено очень небольшое количество сведений о правонарушениях чиновников. Например, помощник столоначальника Московской казенной палаты Титов Александр Гаврилович был обвинен в преступлениях по должности по ст. 362 за растрату 141 р. Статья

предусматривала наказания за такие преступления, как использование фальшивой подписи, подделка документов, внесения в документы ложных сведений, за составление актов задним числом, а также умышленное изменение данных в доходах, рапортах и протоколах с корыстными побуждениями[496]. Титову было назначено наказание в виде лишение прав и преимуществ и ссылки в Тамбовскую губернию, но наказание было смягчено и заменено заключением в тюрьму на 4 месяца без лишения или ограничения в правах по п. 2 статьи 945[497], который предусматривал вынесение решения на усмотрение императора в случае ходатайства о смягчении наказания в размере, выходящем за компетенцию судебных органов[498]. По такой же статье в 1899 г. суду Московской судебной палаты был подвергнут секретарь Константиновского межевого института В.Н. Груздев. К 362 ст. еще присовокуплялось обвинение по ч.3 ст. 354[499], т.е. чиновник совершил растрату и не возвратил сумму после открытия злоупотребления[500]. В том же году под суд был отдан пристав 3 участка Сущевской части А.Г. Гордеенко, он обвинялся также по ст.354, но только по ч.2[501], т.е. после открытия злоупотребления вернул всю присвоенную сумму. В первом случае наказание было гораздо серьезнее, включало не только увольнение от службы, но и заключение в тюрьму, а также лишение всех особенных прав состояния. Чиновник, возвративший добровольно похищенную сумму, мог отделаться увольнением и денежным взысканием[502].

Большинство преступлений чиновников, которые были выявлены в ходе исследования, относятся к злоупотреблениям служебным положением, мошенничеству и растрате казенных средств. Такие преступления проще всего

[496] СЗРИ. Т. 15. С. 45.

[497] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 154.

[498] СЗРИ. Т. 16. С. 460.

[499] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 198. Д. 46. Л. 1.

[500] СЗРИ. Т. 15. С. 44.

[501] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 198. Д. 46. Л. 3.

[502] СЗРИ. Т. 15. С. 44.

было совершать в тех ведомствах, где чиновник напрямую взаимодействовал с финансами. Некоторые случаи говорят о слабом контроле действий чиновника. Например, почтово-телеграфный чиновник 4 разряда С.Д. Соколов, прикомандированный к Московскому почтамту, в 1916 г. систематически присваивал себе суммы наложенных платежей, утаивая при этом повестки, которые надо было выслать получателю. Таким образом, чиновник похитил средства в размере не менее 4300 рублей. Дело вскрылось, когда чиновник не явился на службу. В ходе обыска у него в квартире были обнаружены сопроводительные адреса и повестки. Самого чиновника найти не удалось[503].

Другой случай с присвоением денег в 1901 г. был замечен в Московском почтамте, где при сверке сумм, полученных некой Марией Гончаровой в Нижнем Новгороде и отправленных через почтамт, выяснилось, что Гончарова получила 5 р., а внесено было 975, аналогичные случаи замечались и при переводе в другие города. Расследование было порчено чиновнику по особым поручениям Ермонскому. В ходе расследования чиновник проверил делопроизводство и опросил служащих. Главным подозреваемым считался чиновник 6 разряда Гноринский отделения приема заказной корреспонденции, по показаниям сослуживцев в последнее время Гноринский тратил много денег, бывал в странных компаниях, иногда выдавая себя за помещика, владеющего крупным имением[504]. При этом из Московских губернских ведомостей можно установить, что данный чиновник, сын телеграфного надсмотрщика, поступил на службу всего за год до этого случая - 13 сентября 1900 г.[505] Таким образом, эти случаи нельзя охарактеризовать как преступления профессионалов, эти служащие скорее напоминают людей, допущенных к работе с крупными суммами денег и не сумевшими совладать с соблазном легко заработать. Все их надежды на успех связывались исключительно с недостаточностью контроля. Как видно из

[503] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 93. Д. 126.

[504] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 508. Оп. 13. Д. 901. Л. 1-8.

[505] Московские губернские ведомости. 1900. № 73.

примеров, преступления совершались бесхитростно и выявлялись простой проверкой.

Чиновники, которые были отставлены от должности за дурное поведение, через 2 года могли повторно поступить на службу, но прежнюю должность им уже было не получить, они снова поступали канцелярским служителями, к тому же им было необходимо предоставить доказательство своего «добропорядочного» поведения в течение этих 2 лет. Если же чиновник был отставлен от службы по решению императора, то он не мог быть определен никуда без «Высочайшего разрешения»[506].

Систематические случаи присвоения денег в полиции, носившие похожий характер, дошли до губернатора. В.Ф. Джунковский в своем циркуляре указывает, что ему «неоднократно приходилось встречаться с прискорбными случаями растраты чинами полиции денежных сумм, вносимых населением в уплату государственных и общественных сборов и налогов». Фактически налогоплательщики должны были вносить плату в местные казначейства, но по всей России действовал порядок, когда чины полиции собирали плату (главным образом с землевладельцев и хозяев торговых заведений в селениях). Недобросовестные полицейские чины, получая на руки сборы и налоги, выдавали плательщикам частные квитанции или расписки на окладных листах, «далеко не всегда заменяя их впоследствии подлинными квитанциями казначейства»[507]. Губернатор предписал требовать у полиции квитанции казначейства, если в течение месяца квитанция не была получена, то плательщик должен обратиться к исправнику или лично губернатору[508].

Часто чиновники могли нести ответственность за неправильные действия по службе или за превышение должностных полномочий. Например, в сентябре

---

[506] СЗРИ. Т. 3. С. 45-46.

[507] Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 352-353.

[508] Там же. С. 335.

1913 г. канцелярский служитель канцелярии генерал-губернатора П.П. Гжельский и чиновник по вольному найму С.Г. Соколов за нарушение правил службы были подвергнуты аресту на гауптвахте на 3 суток, исполнение было возложено на управляющего канцелярией. Дознание проводил чиновник особых поручений[509], т.е. фактически дело решалось во внесудебном порядке, а наказание было связано с лишением свободы.

Похожее дело слушалось 18 декабря 1910 г. в судебной палате. Его фигурантами были рузский предводитель дворянства князь Павел Долгоруков, земские начальники того же уезда Космовский и Васильев, исправник Полонский (видимо, имеется ввиду Люциан Владиславович Полонский[510]) и бывший податной инспектор В.Н. Шрамченко. Обвиняемым вменялось, что как участники рузского уездного съезда в 1905 г. они постановили «выдать крестьянам ссуды из продовольственного капитала без всякой проверки их нужды, и притом наличными деньгами… причем выдача эта имела характер не ссуды, а просто каждый крестьянин получил обратно все, внесенные им в капитал, взносы»[511]. Своей вины чиновники не признавали, ссылаясь на то, что «нужда была острая, народ волновался. Свидетели же показывали, что выдача ссуд производилась кому нужно было, и делалось это потому, что крестьяне настойчиво требовали». В результате особое присутствие вынесло приговор: князя Долгорукова отрешить от должности по суду, Космовскому и Васильеву – выговор, а Полонскому и Шрамченко – замечание[512]. Наказание было не очень жесткое, скорее власть должна была дать понять, что чиновники не должны поддаваться влиянию со стороны населения, даже в условиях социальной напряженности.

По ревизии в 1912 г. были выявлены другие случаи нарушения служебного распорядка, которые заключались в том, что податные инспекторы неверно

---

[509] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г.Ф. 17. Оп.97. Д. 658. Л. 2

[510] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г Ф. 17. Оп. 101. Д. 254.

[511] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1 С. 426

[512] Там же. С. 427.

составляют протоколы и не возвращают их в палату, а также некоторые из них исполняли только половину поручений. Податной инспектор Ржевский исполнил только 6 поручений из 11, а Перфильев исполнил только 7 из 11. Это могло быть связано с повышенной загруженностью инспекторов, которая наблюдалась в связи с возложением на казенную палату взыскания налогов с недвижимого имущества (с 6 июня 1910). В деле не упоминается, какие именно меры воздействия были применены к служащим[513].

В ведомстве Министерства финансов мелкие дисциплинарные моменты могли решаться на комиссии по рассмотрению вопросов о назначении, перемещении и увольнении служащих уездных казначейств. Так в 1914 г. на кассира 2 разряда Костромитина за нетрезвое поведение на службе неоднократно возлагались взыскания, но это не имело действия, в результате, учитывая, что у него было 4 ребенка, его решили понизить в должности до счетного чиновника, а не увольнять[514].

Вообще склонность служащих к злоупотреблению спиртными напитками всегда находилась под пристальным вниманием начальства. В списках чинов тюремного ведомства Московской губернии были обнаружены пометки, характеризующие чиновников. Про помощника начальника губернской тюрьмы Сычева указано: «Опытный заведующий, честный человек. Одно время пил, теперь ведет себя хорошо»[515]. Иногда сведения о злоупотреблениях алкоголем могли предоставить местные жители. На урядника И.В. Буданова Бронницкого уезда Рождественской волости в 1913 г. поступила анонимная жалоба от местного крестьянина деревни Ждановской. Указывалось, что урядник ведет нетрезвую жизнь и не следит за порядком в местности. Далее следовали уже те обвинения, ради которых писалась жалоба: «распространилось масса шинков незаконной торговли крепкими напитками… нет казенной винной лавки», в чайной лавке

[513] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 5. Д. 21.

[514] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 151. Л. 8.

[515] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 102. Д. 161.

Воронина торгуют вином, урядник там считается за «своего человека», у Воронина на квартире ведут картежную игру, а в чайной лавке занимаются распитием вина[516]. К анонимным жалобам относились с недоверием и их чаще всего оставляли без последствий. Даже в губернских ведомостях было помещено объявление: «от и.д. московского губернатора на поданную от имени крестьян села Петровского Ивановской волости Богородского уезда… анонимную жалобу о неправильных выборах волостного старшины, гласного земского собрания, сельского старосты объявил, что оставлена без последствий, так как каждый может обратиться к губернатору, не скрывая своего имени»[517]. В случае с жалобой на Буданова власть повела себя иначе. Во-первых, была установлена личность крестьянина, в рапорте бронницкого уездного исправника говорится, что жалобу подал некий И.И. Коротков[518]. Затем были опрошены другие крестьяне и должностные лица волости и уезда, всего было опрошено 10 человек. Староста Галушинского сельского общества показал, что «Буданов ведет себя лучше бывших у нас урядников, пьяным я его не видел и ни от кого в обществе не слышал, что у Буданова в Галушине находится казенная винная лавка… Донос по злобе». Другие крестьяне тоже заявили, что урядника пьяным не видели, некоторые говорили, «живет тихо, ведет себя хорошо». Должностные лица: председатель волостного суда, урядник 16 участка тоже не подтвердили жалобу. На основании показаний сообщение Короткова, скорее всего, посчитали ложным[519]. Этот эпизод подтверждает, что начальство крайне внимательно относилось к нравственному состоянию служащих, тем более, что в данном случае злоупотребление алкоголем могло быть связано с серьезным преступлением.

[516] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 92. Д. 19. Л. 5.

[517] Московские губернские ведомости. № 67. 1900. С. 1.

[518] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 92. Д. 19. Л. 4.

[519] Там же. Л. 6.

После объезда Дмитровского уезда в октябре 1907 губернатор В.Ф. Джунковский обратил внимание на грубость станового пристава Снытко, который, чтобы доставить удовольствие губернатору пытался заставить местных крестьян кричать ура, после ревизии В.Ф. Джунковский нашел много дефектов в канцелярии уездного полицейского управления[520].

Большинство проступков со стороны чиновников ограничивалось внутренними взысканиями и не доходило до судебного разбирательства. Е.Карнович замечает, что чиновники были поставлены относительно жалоб частных лиц в «благоприятные условия», так как придания суду зависело от его начальства «если только в действиях его нет таких обстоятельств, которые возбуждают прямо уголовное против него преследование»[521]. С другой стороны, судьба служащего полностью находилась в руках начальника. В этом контексте особенно отмечался, так называемый, «третий пункт» 838 статьи и статья 788 устава о службе, которые приобрели «печальную известность» среди чиновников[522]. Чиновники «по убеждению начальства неспособные к исправлению возложенных на них должностей, или почему-либо неблагонадежны или сделали вину, известную начальству, но такую, которая не может быть доказана фактами, предоставляется начальникам, от коих в общем порядке зависит увольнение от должностей, сими чиновниками занимаемых, увольнять по своему усмотрению и без просьбы их»[523]. По мнению юристов начала XX в., такой закон принуждал к «боязливому повиновению всем, даже незаконным предписаниям» начальства, которое стоит как бы над законом, что порождает «сервилизм среди чиновничества низшего»[524]. Обжаловать увольнение без указания причины было невозможно. При этом отмечалось, что

[520] Джунковский. В.Ф. Указ. соч. С. 241.

[521] Е.Карнович. Указ. соч. С. 115.

[522] Алексеев. П. «Третий пункт» // Вестник права и нотариата. 1911. № 37. С. 1111.

[523] СЗРИ. Т. 3. С. 134.

[524] Алексеев. П. Указ. соч. С. 1112.

«третий пункт» применялся достаточно редко, попытки его отмены предпринимались в 1898 г., но проект так и остался на бумаге[525]. Такая статья в законодательстве развязывала руки начальникам, позволяла освободить место для своего человека. Примером применения «третьего пункта» является случай с отцом Н.И. Астрова, врачом Константиновского межевого института. Из Петербурга пришло уведомление, «что отец наш отчисляется от должности врача…, согласно прошения, а на его место назначается петербургский доктор Михайлов, лечивший в Петербурге семью нового директора Института генерала Кострова». Обращения к властям ничего не дали, никакой вины за отцом Н.И. Астрова не было. В Межевом управлении «пожимали плечами и отмалчивались, в частных разговорах, понижая голос, говорили: «Понадобилось место для доктора, который лечил семью нового директора – ну, вот и пришлось устроить. Конечно, вышло очень неловко. Но, знаете, теперь нельзя ничего сделать, может пострадать престиж власти!»»[526]. В документах при увольнении от службы чиновников по 788 статье указывалось «увольняется от службы», при увольнении по суду или за преступления использовались слова «исключается из службы» или «отставляется от службы»[527].

Рассмотрим виды административных наказаний, применявшихся к служащим на примере чиновников полиции за 1911-1915 гг. Замечание было самым мягким способом наказания, кроме того, активно применялись такие меры дисциплинарного воздействия, как выговор и строгий выговор. За более серьезные проступки чиновник мог быть «поставлен на вид» или даже подвергнут аресту. Выборка среди чинов полиции составила 104 человека, среди них только к 5(4%) не применялось никаких взысканий. Это говорит о том, что наказания к чиновникам применялись достаточно часто. В том числе и за небольшие нарушения дисциплинарного порядка. Замечания имеются у 53 (50%) служащих,

---

[525] Алексеев П. «Третий пункт» // Вестник права и нотариата. 1911. № 38. С. 1149.

[526] Астров Н.И. Указ. соч. С. 117-118.

[527] СЗРИ. Т. 3. С. 141.

34 из них имели по 1 замечанию, 16 – по 2, 3 замечания имели 2 чиновника, пристав 1 стана Клинского уезда Легейда имел 5 замечаний и подвергался 5-дневному аресту. Выговоры выносились 48 (46%) чиновникам, 38 – однократно, 6 – дважды и 4 –трижды, строгий выговор применялся к 42 (40%) служащим, 28 из них получали такое взыскание 1 раз, 10 – 2 раза, 3 чиновника подверглись строгому выговору по 3 раза. Пристав 7 стана Московского уезда Языков подвергался строгому выговору 4 раза, состоял под арестом 3 дня и был оштрафован на 1/2 оклада. Наказание частью оклада применялось очень редко, данный случай единственный. 17 (16%) чиновников были поставлены на вид, 2 человека – дважды, 1 – трижды. При этом арест применялся чаще, наказанию арестом подвергались 27 (25%) чиновников полиции. Их можно отнести к категории наиболее часто совершающих служебные проступки, среди служащих, которых подвергали аресту, 14 имели замечания, 11 – выговоры, 9 – строгие выговоры и 5 были поставлены на вид. Арест мог продолжаться от 1 до 7 дней. Помощник пристава города Серпухов попадал под 7-дневный арест дважды[528].

Таким образом, судя по данным, основанных на чиновниках полиции, можно сделать вывод, что для служащих была характерна низкая дисциплина (хотя в полиции она должна была быть самой высокой). При этом наказания были достаточно неэффективными, они применялись часто, ко многим служащим – многократно. При этом совершенно отсутствовали меры экономического воздействия, а преобладали либо формальные способы воздействия (выговоры и замечания), либо лишение свободы. При этом все эти дисциплинарные меры воздействия могли применяться по достаточно надуманным поводам. В августе 1911 г. московский губернатор В.Ф. Джунковский, проезжая по Звенигородскому уезду, увидел на фабрике Биллиона швейцарский флаг[529]. Формально это нарушало закон «О флагах для украшения зданий в торжественных случаях», который гласил, что «в тех торжественных случаях, когда признается возможным

[528] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 54. Оп. 179. Д. 1052.

[529] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 594.

дозволить украшение задний флагами, был употребляем исключительно русский флаг… употребление же иностранных флагов допускать лишь по отношении к зданиям, занимаемым посольствами и консульствами иностранных держав», а также в случае приезда царствующих династий иностранных держав[530]. В результате богородскому исправнику князю Вадбольскому, который ранее был звенигородским исправником, и звенигородскому исправнику Рубцову это было поставлено на вид, приставу 2 стана Алексееву-Войцеховскому было объявлено замечание, уряднику Павловской волости был объявлен выговор. Флаг предписывалось немедленно сорвать[531].

В наиболее вопиющих случаях чинов полиции все-таки придавали суду. 17 декабря 1905 г. на Пресне пристав 2 участка Тверской части ротмистр Ермолов убил доктора В.В Воробьева, заподозрив врача в причастности к революционерам. При этом губернатор В.Ф. Джунковский объясняет этот случай «переутомлением Ермолова, который буквально не знал отдыха ни днем, ни ночью с самого начала восстания. Это был очень хороший пристав, и зверских наклонностей у него не было…». Ермолов был предан суду и приговорен к лишению дворянства, чинов, орденов с отдачей в исправительное арестантское отделение на 4 года, а вдове доктора Воробьева суд обязал Ермолова уплачивать по 75 р. в месяц, а дочери до совершеннолетия – по 50 р.[532] Наказание нельзя назвать суровым, к тому же впоследствии Ермолов был помилован.

Современник Э.Н. Берендтс в своей записке министру внутренних дел в 1903 г. писал, что нет «достаточных гарантий частным лицам против злоупотреблений полицейской власти. По-прежнему жалобы на незаконные или пристрастные действия полицейских органов подавались и подаются губернскому правлению и губернатору… Важный принцип судебной ответственности должностных лиц администрации за превышение и

[530] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 3. СПб., 1883. С. 213.

[531] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 594.

[532] Там же. С.129-130.

злоупотребление властью не был введен в действие, а организация административной юстиции у нас еще в зародыше»[533].

В некоторых случаях за преступления своих подчиненных могли понести ответственность и их руководители. В мае 1910 г. в результате дознания, проведенного чиновником особых поручений при московском губернаторе Даксергофом, урядник Сергиевского посада Клопичев был обвинен в бездействии, из-за которого погиб надзиратель. Пристав Сергиевского Посада Базилев был смещен на должность полицейского надзирателя при фабрике Товарищества Воскресенской мануфактуры при Нарофоминском отделении Верейского уезда за «слабый надзор за подчиненными»[534].

Автор статьи о чиновниках Е.Карнович указывает, что «в первом ряду жалоб стоят жалобы на неправильное или на неуместное вмешательство чиновников»[535], т.е. другими словами превышение должностных полномочий. Также в качестве пороков чиновничества автор выделяет «грубое обращение, надменность, пустое чванство и даже, как гласит молва, нечестные поборы и умение извлекать из своего служебного положения непозволенные выгоды то на счет казны, то на счет частных лиц, составляют еще и теперь»[536].

Такой момент, как взяточничество отражен в источниках слабо, но в заметках современников можно найти указания на то, что этот «порок» так и не был искоренен: «… взяточничество существует для того, чтобы у лица, политическую власть имеющего, получить какую-либо политическую или экономическую льготу, какое-либо «послабление» и за это данное лицо «отблагодарить»[537].

---

[533] Берендтс Э.Н. Указ. соч. С. 269-270.

[534] Там же. С. 488.

[535] Карнович Е. Указ. соч. С. 115.

[536] Там же.

[537] Берлин П. Указ. соч. С. 48.

Некоторые авторы начала XX в. видели основные причины взяточничества в её связи с политической благонадежностью. Также отмечалось, что существование многих «архаических» законов заставляло обходить их, за что чиновники брали плату в виде взяток[538]. При этом автор отмечает, что «за взяточничество принялись очень основательно. За границей уже успела образоваться новая колония своеобразных эмигрантов – бывших взяточников»[539].

Наиболее громким делом, связанным с привлечением к суду высокопоставленного московского чиновника, можно считать процесс над градоначальником А.А. Рейнботом. Ревизия сенатора Н.П. Гарина выявила массу злоупотреблений в работе градоначальника. Московский губернатор В.Ф. Джунковский отмечает, что успех вскружил голову Рейнботу. С.Ю. Витте видел в этом деле политическую подоплеку. Рейнбот, по мнению Витте, пользовался доверием государя, но в своей работе допускал «некоторые произволы». Ревизией занимался Н.П. Гарин тайный советник и сенатор. «Как и всегда, нет дыма без огня, опять-таки вследствие этого открылись некоторые неправильности»[540]. 12 декабря 1907 А.А. Рейнбот был вынужден подать в отставку, но избежать последствий он уже не смог. 8 января 1908 г. прибыла сенатская ревизия. Также в Москву прибыли директор Департамента полиции Зуев, чиновники особых поручений при МВД Фрейнат, дворцовый комендант А.Н. Тимофеев, представители Департамента государственного казначейства и Министерства Юстиции[541]. В.Ф. Джунковский также отмечает, что «ревизия была проведена… более чем пристрастно, со всеми недостойными приемами мелкого сыщика, и все найденные злоупотребления были значительно преувеличены – Гарин несомненно хотел выслужиться из кожи лез, чтобы очернить Рейнбота»[542].

---

[538] Там же. С. 55.

[539] Там же.

[540] Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. С. 835.

[541] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 271.

[542] Там. же. С. 142.

28 мая 1911 г. в Москве в судебном присутствии Уголовного кассационного департамента Сената состоялось слушание по делу А.А. Рейнбота. Он обвинялся «в ряде нарушений кассовых правил» казначейской части Московского градоначальства, превышение власти при разрешении административным порядком дел о нарушении обязательных постановлений по санитарной части и др. 17 мая 1911 г. А.А. Рейнбот был приговорен к 1 году заключения и лишению всех прав состояния[543].

Е. Карнович охарактеризовал такой тип беспринципных чиновников. «Один из наиболее несимпатичных современных типов – тип либеральничающего чиновника. Он вопит против всякой формалистики до тех пор, пока беспрепятственно может заменять её своим произволом…, но чуть лишь дело коснется личной его власти – и он чрезвычайно рьяно ограждает её всевозможными формальностями. Наконец, предоставив вообще чиновнику право уклоняться от той или другой формальности, нельзя будет уже сказать потом, где он действует согласно со своими обязанностями и где он поступает по личному своему усмотрению»[544].

Таким образом, можно отметить, что контроль за деятельностью чиновников был недостаточным. Мы находим свидетельства этого во всех ведомствах, где чиновники имели доступ к денежным средствам, которые могли себе присвоить. Кроме плохой системы контроля, можно выделить неэффективную систему наказаний. С одной стороны, наказания применялись очень часто по любому поводу, некоторые из них несли формальный характер, с другой стороны, среди наказаний был такие, которые позволяли подвергнуть служащего ограничению личной свободы без решения суда, в сочетании с «третьим пунктом» это ставило чиновника в бесправное положение по отношению к начальству.

---

[543] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 565.

[544] Карнович Е. Указ. соч. С. 118.

§ 4 Медали чиновников Московской губернии

Самым распространенным видом наград были медали, они ценились намного меньше чем ордена. Медаль – это особый знак в виде круглой или овальной (реже многоугольной) металлической пластинки, обычно с двусторонним рельефным изображением или надписью. Медали разделались на два вида: наградные и мемориальные[545]. Последние были наиболее распространены в чиновной среде. Большинство медалей не имело никакой связи со служебной карьерой, а были всего лишь знаками, выпускавшимися в память о важных датах. Часто по наличию тех или иных медалей можно проследить участие человека в событиях истории Российской империи. Особенно это касается войн, так как в их честь выпускались специальные медали. Всего за 1900 г. было рассмотрено 516 чиновников. Среди них самой распространенной медалью являлась серебряная медаль в память в бозе почившего императора Александра III, которая встречается у 263 (50%). Она была учреждена 26 февраля 1896 г. Предназначалась для ношения на груди на ленте Александра Невского. Ей награждались служащие, состоявшие на действительной службе в царствование Александра III[546]. Также популярной медалью была серебряная медаль в память священного коронования императора Николая II, носилась она в петлице на Андреевской ленте. У чиновников московских учреждений, попавших в выборку, медаль имелась у 228 человек (48%). Медалью награждались все, состоящие на действительной службе чины, находившиеся в Москве во время торжеств коронования[547]. Наличие обеих медалей совпадает в большинстве случаев и говорит о том, что половина чиновников начали свою службу в период правления Александра III (после 1881 г.). Все остальные медали встречаются намного реже, например, бронзовая медаль в память священного коронования Александра III для ношения на груди на александровской ленте встречается только у 39 (7%)

[545] Бурков В.Г. Фалеристика. М.: Российский Государственный Университет, 2000. С. 38.

[546] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 16. Ч. 1.1896. С. 126

[547] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 16. Ч. 1. 1896. С. 532.

служащих. Законом категория лиц, подлежащих награждению последней, была обозначена уже, чем при коронации Николая II. Награждались только те, кто непосредственно принимал участие в подготовке церемонии коронования, а также высшие губернские органы и чиновники почтамта[548]. Иногда чиновник мог не получить медаль по случайности, так об этом пишет известный государственный и общественный деятель Л.М. Савелов: «Между прочим, с получением этой медали[549] получился со мной курьез: ее получили все, имевшие чин, у меня же чина не было, и мне было в ней отказано, так что все мои подчиненные, все мои секретари и письмоводители получили, а я – нет, и только потом, после моего протеста, мне дали»[550].

В 1912 г. в Москве состоялись торжества в честь празднования 100-летия Отечественной войны, в честь этого события была выпущена медаль для ношения на груди на Владимирской ленте. Она стала достаточно популярна среди чиновников многих ведомств. Из 419 чиновников эту медаль имел 42 (10%). Скорее всего, она встречалась намного чаще, особенно среди чинов полиции, которые по роду службы, должны были присутствовать на всех торжествах. Среди тех полицейских, которые попали в выборку медаль в память 100-летия Отечественной войны имел практически каждый второй.

В 1913 г. отмечалось 300-летие дома Романовых, событие также было отмечено особой медалью, которая по распространенности среди служащих может сравнится с наградой в честь коронации Николая II. Носилась она на груди на бело-желто-черной ленте. Получить её могли лица, состоящие 21 февраля 1913 г. на гражданской службе[551]. 184 (43%) чиновника имели эту медаль. Стоит отметить, что в 1913 г. существенно снизилось количество служащих с другими наградами. По этому показателю можно сделать вывод о том, каково было

[548] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 3. 1883. С. 432.

[549] Медаль в память царствования Александра III.

[550] Савелов Л.М. Указ. соч. С. 100.

[551] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 33. Ч. 1. 1913. С. 182.

соотношение чиновников, оставшихся на службе с 1900 г. 58 (13%) человека имели медаль в память коронования Николая II и 54 (12%) – в память царствования Александра III. Таким образом, количество служащих «александровского» поколения снизилось примерно в 4 раза. Поколение ровесников коронации Александра III практически сошло на нет – их количество получилось меньше 1 %.

Отдельно следует выделить медали за участие в боевых действиях. Среди всех боевых наград у чиновников Московской губернии самой распространенной была медаль в память русско-турецкой войны 1877-1878, носилась такая медаль на ленте из двух цветов голубого – Андреевская лента и оранжево-черная георгиевская лента. Всего эту медаль имели 22 (4%) чиновника, попавших в выборку. Наибольшая доля чиновников, награжденных этой медалью была среди чинов полиции (6%), так как среди них было больше всего отставных военных. Медаль выпускалась в трех вариантах. Серебренная, самая почетная, выдавалась за оборону Шипки и осаду Баязета, с 1881 г. стала выдаваться еще и за оборону Карса в 1877 г. Светло-бронзовая медаль выдавалась непосредственным участникам боевых действий на всех других участках, а темно-бронзовую медаль получали те, кто в боях участия не принимал[552]. К сожалению, из формулярных списков не всегда понятно, какого именно достоинства выдана награда. Всего по стране было выдано более 70 тыс. серебряных медалей, более 600 тыс. светло-бронзовых и 335 темно-бронзовых[553].

Некоторые московские чиновники имели медали в память Крымской войны 1853-1855 гг. Награда была учреждена 26 августа 1856 г. для всех военных и гражданских чинов. О степени участия в боевых действиях говорила лента. Георгиевской лентой награждались участники успешных боев: Синопского сражения, защитники Камчатки, участники боевых действий на кавказском

[552] Балязин В.Н., Дуров В.А., Казакевич А.Н. Самые знаменитые награды России. М.: Вече, 2001. С. 124.

[553] Там же.

театре. Медали на Андреевской ленте получали участники других боевых действий, либо находившихся в осажденных городах и крепостях, а также в случае получения ранения. Медали на этих лентах были из светлой бронзы. Темно-бронзовые медали на Владимирской ленте получали лица, не принимавшие участие в военных действиях и главы дворянских семейств, награду на Аннинской ленте могли получить купцы, оказавшие финансовую поддержку, а также недворяне, принимавшие в своих домах раненых[554]. Бронзовую медаль в честь крымской войны имел секретарь Можайского полицейского управления И.К. Тихомиров, это был старый чиновник, в 1900 г. ему было уже 66 лет, за что конкретно получена им медаль неизвестно. Из-за солидного промежутка между исследуемым периодом и крымской войной такая награда встречается у небольшого количества пожилых чиновников – 11 (2%). Например, такую медаль имел Старший инспектор для надзора за типографиями и литографиями, относившийся в канцелярии генерал-губернатора, Мсерианц Зармайр Мсерович. Большая часть служащих с такими медалями встречалась в казенной палате, хотя 2 из них были присяжными счетчиками. Большинству из них было более 65 лет, некоторым более 70 лет. Медаль за крымскую войну имел казначей серпуховского казначейства И.П. Розанов. Кроме того, канцелярский чиновник Московской казенной палаты П.В. Васильев в годы Крымской войны служил в Псковской губернии, где проявил «полезную распорядительность при переправе в апреле 1856 г. через реку Великую в г. Пскове» войск 2-ой легкой гвардейской кавалерийской дивизии и легкой батареи. В 1900 г. Васильеву было уже 72 года[555]. Таким образом, наличие у чиновников медалей в память о войнах тоже достаточно хорошо свидетельствует о возрасте, хотя и плохо отражает реальное участие в боевых действиях. В 1913 г. служащих, имевших эту награду практически не осталось. Например, помощник бухгалтера Московской казенной палаты А.А. Вашкевич, ему было всего 54 года. Участвовал в русско-турецкой

[554] Там же. С. 119-121.

[555] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 46.

войне, окончил военно-фельдшерскую школу. 8 ноября 1875 г. он поступил в качестве младшего фельдшера в лазарет ревельской местной команды.

Другие медали, связанные с войнами, встречались редко. 4 медали за усмирение польского мятежа: в 1900г. 3 чиновника, имевшие такую медаль, служили в полиции, 1 – в казенной палате (присяжный счетчик). 2 медали за Хивинский поход 1873 г. Среди них младший инспектор для надзора за типографиями и литографиями при московском генерал-губернаторе князь А.И. Кудашев[556] и земский начальник К.Г. Витцель, последний также имел медаль за походы в средней Азии 1853-1859 гг. и медаль за покорение Чечни и Дагестана в 1857, 1858 и 1859 гг.[557] Среди иностранных медалей наиболее часто встречается румынский железный крест (6 чиновников).

К 1913 г. в Московской губернии появляются чиновники, награжденные медалями в память русско-японской войны 1904-1905 гг. и медалью красного креста в память той же войны. Медаль, как и предыдущая выпускалась в трех вариантах. Серебряную получали защитники Порт-Артура, светло бронзовую – участники боевых действий других сражений, темно бронзовую – не принимавшие участия в боевых действиях. Медаль носилась на ленте из сочетания цветов Александровской и георгиевской лент, если награждаемый был ранен или контужен, то добавлялся бант[558]. Медаль красного креста предназначалась для лиц, принимавших участие в деятельности общества красного креста в годы Русско-Японской войны была учреждена 19 января 1906 г.[559] Такую награду, например, имел управляющий Московской казенной палатой (с 1914 г.) А.А. Стрекалов[560], а также в 1913 г. сверхштатный ординатор Старо-Екатерининской больницы П.А. Герцен. Последний участвовал в Русско-

[556] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 198. Д. 5. Л. 188.

[557] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г Ф. 17. Оп. 101. Д. 254.

[558] Балязин В.Н., Дуров В.А., Казакевич А.Н. Указ соч. С. 128.

[559] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 26. Ч. 1. 1906. С. 44.

[560] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 165. Л. 48-68.

Японской войне в составе санитарного отряда и был в Корее в казачьей бригаде генерала Бернова[561]. Чаще всего медали, связанные с русско-японской войной имелись у врачей, так как они могли командироваться на театр боевых действий. Плохая сохранность формулярных списков за 1913 г. затрудняет подсчет количества награждений. Основной массив источников за это время относится к материалам казенной палаты, где количество бывших военных очень невелико, предположительно в полиции таких чиновников-участников русско-японской войны могло быть больше (фактически не было выявлено ни одного).

Кроме медалей, привязанных к определенным датам, существовали медали за отличия. Награждения такой наградой было выявлено у 19 (3%). У них, как и у орденов, существовала своя последовательность. Сначала шли нагрудные медали серебряные и золотые. Важность награды зависела и от ленты: Станиславская или Аннинская - для нагрудных, Станиславская, Аннинская, Владимирская, Александровская – для шейных[562]. Медали давались чиновникам, которые по своему образованию и происхождению не должны были занимать данную должность, но законом им было дозволено её занять. Награжденные таким образом лица не вносились в общую наградную норму. При получении медали также взыскивался единовременный денежный взнос, который шел в пользу «увечных воинов»[563]. Полицейские получали свои особые серебряной медали на аннинской ленте с надписью «за беспорочную службу в полиции» для этого необходимо было не менее 5 лет прослужить в должности нижнего полицейского чина или урядника и остаться на службе и в дальнейшем. Непосредственное начальство решало, кто достоин награды и отправляло списки Московскому губернатору, который уже представлял список в капитул орденов. Околоточные, портовые и полицейские надзиратели, не имеющие классных чинов, могли получить серебряную или золотую медаль с надписью «за усердие»

[561] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 179. Оп. 50. Д. 6165. Л. 89-94.

[562] СЗРИ. Т. 1. С. 397.

[563] Там же. Т. 1. С. 762.

для ношения на шее на Аннинской или Владимирской ленте. Золотую медаль можно было получить, прослужив 5 лет после получения серебряной медали. Обе медали могли носится на шее одновременно[564]. Золотую медаль с надписью «за усердие» в 1913 г. имел столоначальник Московского полицейского управления В.Ф. Шадеев. В 1900 серебряная медаль за беспорочную службу в полиции встречалась у 2 чиновников и 5 были награждены серебряной медалью с надписью «за усердие». Большинство медалей было на станиславской ленте, полицейский надзиратель города Верея В.М. Рубцов имел медаль на аннинской ленте[565]. В 1913 г. медаль «за усердие» также имели 5 человек. В целом такой вид наград был распространен достаточно слабо и как показывает анализ формулярных списков оставался на примерно одинаковом уровне.

Еще один вид медалей те, которые отмечали участие человека в некоторых мероприятиях. К таким наградам относятся всероссийская перепись 1897, в честь которой была выпущена медаль «За труды по первой всеобщей переписи населения». Медаль носилась на шее на ленте из государственных цветов[566]. Эта награда встречалась часто – 51 (9%). При этом можно оценить чиновники насколько разных ведомств принимали участие в переписи. Всего 5% служащих министерства финансов получила медаль за перепись, тогда как в полиции и в канцелярии генерал-губернатора – по 13%. Другой такой же наградой является медаль «В память освящения Храма Христа Спасителя» 26 мая 1883 г. Медаль носилась на Александровской ленте на груди и выдавалась непосредственным строителям храма и чиновникам, которые занимались организацией. Случаев награждения выявлено 12, большинство служащих относились к канцелярии генерал-губернатора – 10 (27% от числа представителей канцелярии в выборке), награждались ей чины губернского правления – старший советник Н.И.

[564] СЗРИ. Т. 1 С. 407-409.

[565] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101. Д. 254.

[566] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 16. Ч. 1. 1896. С. 719.

Сергеевич[567] и помощник казначея московского казначейства А.П. Росляков[568]. Можно предположить, что участие в строительстве Храма Христа Спасителя было более почетным поручением, к этому делу привлекались руководители учреждений и чиновники высших губернских органов власти, тогда как перепись велась с массовым привлечением большого количества служащих разных ведомств.

Таким образом, анализ медалей чиновничества дает представление о смене поколений в чиновной среде: к 1913 г. большая часть чиновников Московской губернии александровского поколения была замещена представителями эпохи Николая II. По количеству медалей также можно сделать вывод о количестве чиновников, принимавших участие в боевых действиях. С учетом того, что памятные медали часто давались лицам, которые были причастны к войнам только косвенно: организацией поставок, переправ и др., можно сделать вывод, что среди чиновников Московской губернии было мало ветеранов вооруженных конфликтов.

§ 5 Ордена чиновников Московской губернии

Ордена являются важнейшей частью любой наградной системы. Происхождение орденов как знаков отличия связано с духовно-рыцарскими орденами[569]. Наградная система Российской империи формировалась долгие столетия. Термин награждение был вытеснен формулировкой пожалования, т.е. скрытой формой жалования. Не удивительно, что первые награждения производились именно в деньгах, впоследствии экономическая стоимость наград снижалась, но рос престиж, который давали эти символические украшения[570]. Кроме чиновников, состоящих на государственной службе или военных, награды

---

[567] Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел в губерниях, областях и градоначальствах. 1900 г. Ч. 2. СПб., 1900.

[568] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 47. Л. 87-90.

[569] Бурков В.Г. Указ. соч. С. 35.

[570] Балязин В.Н., Дуров В.А., Казакевич А.Н. Указ. соч. С. 1-2.

можно было получить еще и за благотворительность. Так, например, для купцов это был распространенный путь к приобретению заветной медали или ордена[571]. Чиновники же наоборот не могли представляться к наградам от благотворительных организаций, кроме тех служащих, которые состояли в штате этих организаций[572]. А купцам, чтобы получить свой первый орден, необходимо было иметь золотую медаль на Андреевской ленте[573]. Это позволяет четко разграничить награждения за благотворительность и по службе. Первые были ближе к истинному смыслу наград в современном понимании: они демонстрировали отношение власти к полезной общественной деятельности, жертвованию средств, а также стремились поощрить других людей к дальнейшим поступкам такого рода. В начале XX в. лица бывшего податного состояния или мещане не могли получать ордена, но в 1906 г. это ограничение было снято[574].

Наградная система российской империи имела достаточно сложный и разветвленный бюрократический аппарат. Когда должность генерал-губернатора была замещена, то его канцелярия занималась подготовкой наградных списков. Кроме того, генерал-губернатор имел право «как высший ходатай перед Государем Императором о всякой заслуге, принесшей истинную пользу» представлять царю различных лиц на награждение за особые заслуги[575]. Поощрить достойного чиновника мог и сам губернатор, но сфера наград, в которых он принимал решение, невелика, это помещение в высшие разряды, денежные поощрения[576], о награждении чинами и орденами нужно было ходатайствовать перед высшим начальством, но едва ли губернатор мог лично определить всех чиновников, достойных награждений. С приближением срока

---

[571] СЗРИ. Т.1. С. 324.

[572] Там же. С. 324.

[573] Там же.

[574] Там же.

[575] СЗРИ. Т. 2. С. 3.

[576] Там же. Т. 1. С. 27.

награждений между ведомствами велась активная делопроизводственная переписка, каждое ведомство опрашивалось на предмет достойных наград служащих, после этого вся документация стекалась в канцелярию Московского губернатора, где уже составлялись окончательные наградные списки. Никакие награждения должностных лиц не могли быть произведены в обход губернатора[577].

Наградные списки передавались в соответствующее министерство, министр которого предоставлял их в капитул орденов и комитет о службе чинов гражданского ведомства и о наградах при канцелярии Его Императорского Величества. Первое учреждение состояло под управлением канцлера орденов (министра императорского двора), капитул занимался награждениями по статуту, наблюдением за поступлением кавалеров в очередь на получение пенсии по орденам, следил за тем, чтобы денежные взносы поступали вовремя[578]. Местные власти, губернаторы, генерал-губернаторы и министерства вели переписку с этими учреждениями[579], предоставляли наградные списки награждаемых орденами Св. Анны и Св. Владимира и к знаку отличия беспорочной службы. Важно было приготовить документы к сроку, а это уже зависело от оперативности работы административной машины. Представления о награждении орденами Св. Владимира по статуту, поступившие после 15 июля, и ордена Св. Анны – после 1 ноября рассматривались только на следующий год. При несоблюдении формальных условий или неточной выслуге лет капитул мог отправить представление обратно[580]. Комитет о службе чинов гражданского ведомства и о наградах разбирал дела о награждении за отличия и за выдающиеся отличия[581].

---

[577] СЗРИ. Т. 2. С. 27.

[578] Сборник кратких сведений о правительственных учреждениях. СПб.: В Типографии Департамента Уделов, 1889. С.45-46.

[579] СЗРИ. Т. 1. С. 316.

[580] Там же. С. 317.

[581] Там же. С. 325.

Комитет разбирал, соблюдаются ли установленные нормы, соответствует ли награда служебному положению представляемого лица, соблюден ли межнаградной срок и т.д.[582] Т.е. данный орган не вникал в суть отличий конкретного чиновника. После всех этих процедур император мог собственноручным возложением орденов, высочайшим рескриптом или грамотой с собственной подписью утвердить и совершить пожалование орденов[583].

Награждения чиновников могли производиться «по статутам», в порядке постепенности, за выдающиеся отличия, по правилам и вне правил. Обычно именно такие формулировки можно встретить в делопроизводственных документах. Порядок постепенности предполагал определенную последовательность награждения: Св. Станислава 3 степени, Св. Анны 3 степени, Св. Станислава 2 степени, Св. Анны 2 степени, Св. Владимира 4 степени, Св. Владимира 3 степени, Св. Станислава 1 степени, Св. Анны 1 степени, Св. Владимира 2 степени, Белого орла, Св. Александра Невского[584]. При этом существовало большое количество различных исключений из правил, когда получение какого-либо более значимого ордена или занятие высокой классной должности давало возможность обойти низшие степени некоторых орденов[585]. Статуты орденов – это особые установления в законе, в которых прописывались те заслуги, за которые можно было получить тот или иной орден. Иногда ордена давались вне привил за отличия или за выдающиеся отличия. Обычно в этих случаях начальство ходатайствовало за проявившего себя чиновника.

Чтобы не допускать «расточения государственных наград», законом устанавливался минимальный срок между наградами – 3 года. После поступления на службу нужно было также прослужить 3 года для получения награды. Такие виды наград, как благоволение императора, чины за выслугу лет, подарки,

[582] Там же. С. 312.

[583] Там же. С.326.

[584] Там же. С. 322.

[585] Там же. С. 322.

денежные поощрения, не могли стать препятствием для получения новой награды. Также можно было получить орден по статуту, а затем без трехлетнего перерыва удостоиться ордена за особые отличия. Т.е. фактически 3 летний наградной срок можно было легко обойти. Сохранялся он только для нижних чинов, не имеющих протекции. Для высших степеней орденов устанавливались увеличенные сроки, которые могли быть сокращены при получении награды за выдающиеся отличия[586]. Как обычно выходило, чем ближе чиновник стоял к начальству, тем больше у него обнаруживалось выдающихся отличий, под которые можно было подвести даже обычное добросовестное выполнение своей работы. Чиновники не могли просить о награждении, а должны был ждать «удостоения награды от начальства»[587]. Н.И. Лазаревский сформулировал право на награду, как пассивное право, разделяемое чиновниками со всеми обывателями России[588]. Также ученый предполагает, что при приходе наградного срока чиновники ждут наград и при её отсутствии воспринимает это как недовольство со стороны начальства. Это было не чуждо даже самым высокопоставленным чиновником. Например, московский генерал-губернатор Ф.В. Дубасов в письме жаловался С.Ю. Витте о том, что после подавления восстания в Москве он (Дубасов) не был удостоен никаких наград[589].

Для каждого министерства определялась определенная норма по наградам, циркуляры с которой, а также с различными указаниями, рассылались по местным органам власти. Например, из циркуляра 1901 г. видно, что для МВД по Московской губернии была предусмотрена норма 33 награды «по правилам» и 5 «за выдающиеся отличия». Награды по правилам предполагалось распределить следующим образом: 14 наград выделялась для полиции, из них 6 (13%) военным офицерам и 8 (18%) гражданским чинам и 14 (42%) для губернских учреждений,

---

[586] Там же. С. 322-323.

[587] Там же. Т. 3. С. 118.

[588] Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 115.

[589] Письмо Дубасова // Красный архив. 1935. № 4 - 5. С.153.

на общественное управление отводилось меньше всего наград – всего 5 (9%). Стоит обратить внимание, что предводители дворянства включались в норму за отличия. В норму гражданских чиновников не вошли почтово-телеграфные служащие и цензурное управление. В норму наград включались также ходатайства о награждении предоставлением права государственной службы и зачетом времени вольнонаемных занятий в действительную службу[590]. Норма для тюремного отделения, которое относилась к ведению Министерства юстиции, определялась, как 1 награда на 40 человек[591].

В 1901 г. от канцелярии генерал-губернатора, в которой насчитывалось 24 классных чиновника и 7 канцелярских чиновников и служителей, к наградам представлялось 11 человек по правилам, из них только 2-е не удостоились награждения, а штатный чиновник 7 класса коллежский асессор Аркадий Келеповский представлялся к награде за выдающиеся отличия вне правил. Для этого в МВД от Московского генерал-губернатора была направлена бумага, в которой последний признавал вышеупомянутого чиновника достойным награды. В управлении этот чиновник служил уже 10 лет, а при генерал-губернатор уже 8 лет и мог пользоваться благосклонностью начальства, генерал-губернатор упоминает служебные обязанности этого чиновника: выполнение поручений, прием прошений и посетителей, также этот чиновник принимал участие в различных комиссиях и, судя по всему зарекомендовал себя хорошо, проявлял трудолюбие при приведении в порядок архива канцелярии[592]. Годом ранее этот чиновник уже награждался подарком во время визита Николая II в Москву, но, как было указано выше, закон не считал это препятствием для награждения, поэтому Келеповский благополучно получил орден Станислава 2 степени, до этого он получил Анну 3 степени 6 декабря 1899. К тому же для получения награды за выдающиеся отличия междунаградной срок мог быть сокращен до 1

[590] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16 Оп. 200. Д. 11. Л. 1-2.

[591] Там же. Л. 7.

[592] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 200. Д. 20. Т. 1. Л.14.

года[593]. Таким образом, наградить чиновника, игнорируя установленный по закону перерыв, было достаточно просто. Остальные чиновники получили ордена в порядке постепенности. Стоит отметить, что ордена в канцелярии генерал-губернатора служащие получали с завидной регулярностью.

Учитывая небольшую численность нормы наград, канцелярия генерал-губернатора и так забрала большую часть наград у чиновников других учреждений. Из ведомости о единовременных взносах за высочайше пожалованные награды по Московской губернии числилось 37 человек. В документе отражены не все чиновники, получившие награды. Такой вывод можно сделать, потому что в списке нет некоторых чиновников из канцелярии генерал-губернатора, о которых известно, что награды ими были получены. При этом данный документ отражает пропорцию награждений. 6 человек (16%) получили награды за благотворительность и явно не принадлежали к чиновничеству, один из них, коллежский Асессор Василий Морозов, являлся отставным чиновником, остальные были купцы, 9 человек (24%) составляли чиновники канцелярии генерал-губернатора. 6 врачей (16%), 5 – земских начальников (13%), 5 наград относятся к общественному управлению (13%), в числе награжденных присутствует городской секретарь Н.И. Астров, автор известных воспоминаний и крупнейший общественный деятель Москвы, городской голова князь В.И. Голицын. Также в списке фигурируют 3 предводителя дворянства (8%) и всего 2 чиновника канцелярии губернатора (5%). Таким образом даже такая небольшая статистика дает представление о статусе чиновников разных ведомств.

В 1900 г. генерал-губернатором являлся великий князь Сергей Александрович. Это объясняет повышенное притяжение всевозможных почестей к чиновникам его канцелярии. Главный начальник губернии, да еще и великокняжеской крови сделал достаточно небольшое по штату ведомство очень

[593] СЗРИ. Т. 1. С. 322, 323.

притягательным. На второе место стоит поставить не врачей, а земских начальников, так как численность медиков была значительно выше, а значит и доля их наград от общего числа меньше[594]. Также власть никогда не забывала о полицейских чиновниках, у них была отдельная норма. 6 декабря 1901 г. было награждено 16 чиновников полицейского управления[595], т.е. на 2 человека выше нормы. При этом по тюремному ведомству имеются сведения только о двух награжденных: делопроизводитель тюремного отделения губернский секретарь Александр Молчанов и смотритель Московской тюремной больницы штабс-капитан Павел Сальников. О последнем в формулярном списке имеется пометка: «исполнительный и вообще полезен для службы…, хотя иногда бывает бестактен, по собственной грубости характера»[596].

Как видно из таблицы № 17 законом устанавливались достаточно строгие наградные рамки. Например, если чиновник состоял в должности VII класса и уже имел орден Владимира 4 степени, то наградить его следующим орденом было уже нельзя, поэтому в таких случаях награждали чинами. В 1900 г. московский губернатор обратился в канцелярию генерал-губернатора по поводу того, что 9 июня исполнилось 50 лет со дня утверждения в степени лекаря статского советника Николая Страхова, который состоял в должности старшего врача Екатерининского богаделенного дома в Москве. Губернатор отмечает выдающиеся заслуги этого врача, в том числе среди его заслуг было отмечено: «продолжая заведовать лечением душевнобольных… и в то же время бесплатно принял на себя обязанности врача для бедных ведомства императорского человеколюбивого общества». Решено было наградить его чином действительного статского советника[597].

---

[594] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 200 Д. 20. Т. 2. Л. 102-106.

[595] Там же. Л. 207.

[596] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 102. Д. 161.

[597] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 200. Д. 21. Л. 169-175.

Допускалось получение орденов на один выше класса, если чиновник 10 лет прослужил в должности данного класса и получил последнюю награду более 5 лет назад. В условиях, когда классных должностей было недостаточно, чтобы обеспечить всех чиновников повышением, это был способ дать возможность «засидевшемуся» на одном месте чиновнику получить «повышение» без повышения. Если чиновник занимал должность, которая не требовала чина, при этом по происхождению или по образованию он мог получить классную должность, то служащий имел право на получение орденов. Чиновникам с высшим образованием необходимо было не меньше 3 лет прослужить в этой должности, чтобы получить Анну 3 степени, не менее 6 лет для Владимира 3 степени, не менее 10 лет – для Анны 2 степени, и не менее 12 лет нужно было для Владимира 4 степени. Для чиновников со средним образованием эти сроки увеличивались на 3 года, а для уровня ниже среднего – на 6 лет. Для законодательства Российской империи о чиновниках это один из редких примеров, когда образование давало существенные преимущества при прохождении службы.

Получение ордена давало определенные социальные преимущества. Дворяне получали возможность участвовать в делах дворянских собраний своих губерний. Ордена давали возможность получить права личного дворянства. Человек, награжденный Владимиром 4 степени после 28 мая 1900, Анной 2-4 степеней после 22 июля 1845, Станиславом после 28 июня 1855, получал личное дворянство. Дети чиновников или духовных лиц, родившиеся до получения их отцами личного дворянства по орденам, становились потомственными почетными гражданами[598].

Желание получить орден могло иметь вполне материальные мотивы, так как некоторые кавалеры орденов, «поступившие в установленные комплекты», могли получить пенсию[599]. Но для этого нужно было добиться зачисления в

[598] СЗРИ. Т.1. С. 328.

[599] Там же. С. 329.

комплект. Комплекты эти составлялись по старшинству пожалования. После смерти чиновника, получавшего орденскую пенсию, его супруга сохраняла право на получение средств еще на год[600]. Дочери могли быть помещены пенсионерками в Санкт-Петербургское или Московское училище ордена Св. Екатерины и в Институт Императрицы Марии. При том пенсионерки вышеупомянутых заведений получали денежные вознаграждения от капитула орденов, который до совершеннолетия девиц хранились в Государственном банке, а им выдавались только проценты[601].

Особенной наградой являлся знак беспорочной службы. Не являлся орденом, но ценился выше обычных медалей. Представлял собой квадратную сквозную пряжку с изображением дубового венка. В центре помещалась цифра лет службы. Принцип расчета времени службы похож на тот, который применялся при награждении орденом Владимира за 35 лет. Для знака беспорочной службы нужно был не менее 40 лет проработать в гражданских или военных должностях, исполняя свои обязанности ревностно и усердно. Данный знак также могли получить лица еврейской веры[602]. Другим достаточно частым знаком у чиновников Московской губернии был знак Красного креста. Мужчины награждались им за бескорыстное служение делу человеколюбия и за осуществление и развитие благих задач[603]. Чиновники в этом случае чаще всего выполняли различные поручения для Общества Красного креста, занимали какие-то должности и др.

В таблице № 18 проанализированы случаи награждения чиновников Московской губернии, а также классы чинов и должностей, в которых встречаются эти ордена. Поэтому единичное значение из таблицы не является одним человеком. Многие чиновники могли иметь большое количество орденов

---

[600] Там же. С. 330.

[601] Там же. С. 334.

[602] Там же. С. 382.

[603] Там же. Т. 1. С. 394.

разных степеней. Например, чиновники, которые имели Анну 3 степени, скорее всего, имели и Станислава 3 степени, но при этом это не распространяется на Анну 4 степени, так как она не входила в постепенность орденов. Еще одна проблема анализа награждений заключается в том, что в источниках не всегда присутствует полная информация. В последних двух графах отмечено наличие орденов, поэтому в ней уже приводится не единичное награждение, а наличие любого ордена вообще. Всего в таблицу вошло 512 чиновников, основываясь на данных за 1900-1906 гг. Таким образом, 28% чиновников имели ордена. Этот процент колеблется в зависимости от ведомства. Из чиновников Министерства финансов в Московской губернии всего 20% имели ордена, в полиции процент такой же (около 21 %). В управлении генерал-губернатора 79% чиновников имели ордена. Среди врачей этот показатель составляет примерно 44 %, что объясняется высоким классом должностей.

Как видно из таблицы, орден Станислава 3 степени преобладал среди чиновников, так как он был первым в порядке постепенности. Его могли получить любые лица, имеющие классный чин, независимо от занимаемых должностей[604]. Этот орден имел польское происхождение, стал неотъемлемой частью чиновной жизни. На страницах художественной литературы можно встретить многократное упоминание этого ордена. Если наличие Анны, а тем более Владимира, являются атрибутами успешного чиновника, то наличие Станислава 3-й степени говорит о среднем уровне служащего, т.е. он уже поднялся над общей массой, но как таковых успехов не добился. Орден имел разновидность за боевые заслуги с мечами. 3-ая степень представляла собой золотой крест, который носился в петлице на ленте. При получении ордена чиновник вносил в казну единовременный взнос за 1 степень – 120 р., 2-ой – 30 р., 3-ей – 15 р[605].

Станислав 3 степени встречается среди должностей V класса и статских советников, но к этому чину служащие уже обычно получали Станислава 2

[604] СЗРИ. Т. 1. С. 323.

[605] Там же. С. 381.

степени. V класс соответствовал таким важным должностям в губернии, как вице-губернаторы и непременные члены губернских присутствий. На должностях с VI по VIII большинство имело 3-ую степень этого ордена. Только один чиновник без чина имел орден, это был лекарь Михаил Дмитриевич Щенков, который служил младшим ординатором Московской городской больницы, но орден он получил только в 1905 г.[606] Скорее всего орден был получен не по выслуге лет, а за боевые заслуги, так как имеются сведения, что награждения происходило по приказу главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии[607]. Некоторые чиновники получали Станислава 3 степени в честь коронования Николая 2, например, так награды удостоился податной инспектор А.В. Стоппс[608]. Кроме того, встречаются случаи награждения Станиславом за усердие, проявленное во время первой всероссийской переписи населения 1897 г. За перепись награды был удостоен податной инспектор Бронницкого уезда А.И. Юшков[609]. Некоторые награды могли быть получены не по гражданской службе, а по деятельности в различных обществах. Податной инспектор Г.Д. Яньков получил орден Станислава 3 степени за работу по обществу поощрения трудолюбия[610].

Орден Св. Анны, учрежденный Гольштейн-Готторпским герцогом Карлом Фридрихом, появился среди российских наград еще в XVIII в. Носился этот орден на красной ленте с желтой каймой. Самая распространенная 3-ая степень имела вид небольшого кружка с императорской короной, в котором помещался красный эмалевый крестик. Было выявлено 60 (11%) чиновников, награжденных данным орденом. Награждать Анной начинали с X класса, как и предписывалось по закону. Наименьшим чином, награжденным Анной 3 степени был губернский

[606] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 179 Оп. 50 Д. 905 Л. 64-67.

[607] Там же.

[608] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 46.

[609] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 154.

[610] Там же.

секретарь, но это было редкостью. Так, например, в этом чине орденом был награжден чиновник особых поручений VII класса А.А. Ширинский-Шахматов. Большинство же чиновников получали орден Анны 3 степени, начиная с VIII класса должности, что соответствовало помощникам уездных исправников, младшим чиновникам для особых поручений в губернских правлениях, бухгалтерам казенной палаты, врачам и младшим ординаторам, одним словом служащим среднего звена и близким к руководящим постам. Анну 3-ей степени можно было получить, выслужив 20 лет в одной должности[611], в Московской губернии встречались случаи награждения Анной 3-ей степени за гражданские заслуги. Например, Сергей Александрович Соколов, который в 1900 г. служил начальником 1 отделения казенной палаты получил орден Анны 3 степени за составление справочной книги для податных инспекторов. Также этот служащий принимал участие в особой комиссии по выработке дополнительной росписи и инструкций положения о промысловом налоге[612]. Гражданские чиновники могли получить Анну 3-ей степени за приведение в порядок запущенных дел, если они смогли безошибочно закончить их в срок. Полицейские чиновники, которые быстро закончили трудное уголовное дело, приведя к ответственности всех фигурантов или вернув в казну сумму более 30 000 рублей. Единовременный взнос за награду уплачивался в размере 150 р. За 1-ую степень, за 2-ую – 35 р., за 3-ую – 20 р[613].

Носилась Анна 3-ей степени с 1815 г. в петлице, 4-ую степень «за храбрость» получали чаще всего военные, к 3-ей степени за боевые заслуги добавлялись мечи и бант. Если 4-ую степень ордена Св. Анны получал классный чиновник, то вместо надписи «за храбрость», он получал темляк цветов ордена[614]. В Московской губернии было выявлено только 8 обладателей этой награды.

---

[611] СЗРИ. Т. 1. С. 373

[612] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г Ф. 51. Оп. 13. Д. 46.

[613] СЗРИ. Т. 1. С. 373-376.

[614] Там же. С. 372.

Следующей наградой, которая часто встречалась среди московских чиновников был орден Станислав 2 степени – 33%. Законом предписывалось награждать этим орденом чинов не ниже надворных советников VIII класса, что соблюдалось. Один чиновник (Л.В. Полонский) со Станиславом 2 степени получил его не за гражданскую службу, а за военную. В частности, за действия против турок. Также он был награжден Станиславом 3 степени с мечами и бантом, а позже, поступив в полицию был «переименован» из ротмистра гвардии в надворные советники[615]. Анна 2 степени встречается еще реже, только 21 % служащих имели этот орден.

Орден Владимира 4 степени - четвертый по популярности среди чиновников Московской губернии, давали его за 35 лет в классных чинах, он представлял собой небольшой крестик, покрытый красной финифтью, носили этот знак на ленте красного цвета с черной каймой[616]. В статуте ордена говорится, что он установлен за «подвиги, совершаемые на поприще государственной службы, и в воздаяние трудов, для пользы общественной»[617]. Награждений орденом Св. Владимира 4 степени выявлено 28 (19%), его получение ограничивалось не только классом должности, но и чином надворного советника, но, как видно из таблицы, тут тоже имели место некоторые отклонения: 2 чиновника занимали должности X класса и один XII: первые два с чинами титулярных советников (IX) и другой в чине майора, который по табели о рангах приравнивался чину коллежского асессора (VIII). Титулярные советники получили орден за 35 лет беспорочной службы. Из них Тихомиров Иван Константинович состоял на службе секретарем полицейского управления Можайского уезда с 1862 г. К 1900 г. ему было уже 66 лет, 22 августа 1893 г. он получил знак отличия за беспорочную службу, а 22 сентября 1889 получил

[615] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101. Л. 254.

[616] СЗРИ. Т. 3. С. 361.

[617] Там же.

Владимира 4 степени[618]. Другой чиновник Л.М. Орлинков служил помощником бухгалтера Московской казенной палаты, ему был уже 61 год[619]. Третий чиновник исправник Дмитровского уезда А.Н. Грибский состоял в чине майора, который был отменен в 1884, но по закону «состоящие на действительной службе в гражданских ведомствах, оставались в сем чине впредь до особого распоряжения»[620]. При этом Грибский был назначен на пост исправника еще 18 мая 1891 г., но отказался от чина коллежского советника и в награду получил 750 р., когда приходил срок чинопроизводства он всегда отказывался от повышения и получал деньги и 6 сентября 1900 г. все-таки удостоился ордена Владимира 4 степени[621]. Также Величкин Петр Иванович, состоя в чине коллежского секретаря и занимая должность XII класса (канцелярский чиновник Московской казенной палаты) удостоился этого ордена, к 1900 г. ему было уже 73 года[622].

Срок для ордена Св. Владимира 4 степени с надписью 35 лет считался с первого классного чина и с возраста 16 лет, т.е. самому молодому кавалеру этого ордена должно было быть более 51 года. Законом предусматривались различные льготы и ограничения. Например, получившим высочайшее благоволение в установленный срок, из необходимого времени вычитался 1 год. Если чиновник оставался за штатом, то из этого срока ему засчитывалось только 2 года[623]. Лишались этого права все штрафники, уволенные, перемещенные с высшей должности на низшую, бывшие под судом и др. Таким образом, получить орден за 35 лет службы могли только самые добросовестные и стойкие чиновники. Чаще всего орден получали в порядке постепенности. Единовременный взнос при получении ордена Владимира 2-й степени составлял 225 р., по 3-й степени – 45

[618] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101 Д. 254 Л. 225-229.

[619] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 154.

[620] СЗРИ. Т. 3. С. 149.

[621] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101. Д. 254. ЛЛ. 203-213.

[622] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 46.

[623] СЗРИ. Т. 1. С. 366.

р., 4-й – 40 р. При получении ордена за 35 лет службы выплата сокращалась на 50%[624].

В целом Владимира 4-ой степени имели чиновники старше 40 лет. Самым молодым чиновником, представленным в статистике, который получил этот орден был старший делопроизводитель канцелярии генерал-губернатора Гжельский Александр Павлович. Если разбить всех чиновников, имевших данный орден, на возрастные группы по 5 лет, то получится, что в возрастной группе 36-40 лет окажется 1 чиновник (3% от общего количества чиновников, имеющих орден Св. Владимира 4 степени), 41-45 – 7%, 46-50 – 21%, 51-55 – 10%, 56-60 – 21%, старше 61 года – 21%, по возрасту 4 чиновников не имеется данных. Таким образом, этот орден можно признать наиболее соответствующим смыслу слова награда. Его получение действительно требовало долгой службы в гражданских и военных должностях, хотя и соблюдалась определенная «закрытость» ордена для низших служащих, но, как показано, на примерах из практики и законодательных норм все же оставляли некоторые допущения. Кроме того, можно было удостоиться этого ордена, после получения ордена Св. Анны за приведение в порядок запущенной части или за успешное окончание непомерно накопившихся дел, если второй раз повторить «подобное же усердие»[625].

Ордена после Владимира 4 степени уже являлись редкостью и означали принадлежность к бюрократической элите. Законом для ордена Владимира 3 степени и Станислава 1 степени устанавливался порог не ниже V класса, но в VI классе мы видим большое количество чиновников, которым этот орден не полагался, среди них старшие советники губернского правления, старший делопроизводитель канцелярии генерал-губернатора и др. Остальные ордена присутствовали только у главных лиц губернии. Первая степень ордена Владимира жаловалась исключительно царем. Генерал-губернатор Федор

[624] Там же. С. 371.

[625] СЗРИ. Т. 1 С. 360-362.

Васильевич Дубасов на 1906 г. имел орден Белого орла, Владимира 2 степени, Анну и Станислава 1-ых степеней, а также орден Св. Георгия 4 степени[626], полученный 15 мая 1877 за подрыв турецкого монитора «Сельфи», 6 декабря 1906 г. награжден орденом Александра Невского[627]. С.К. Гершельман тоже имел орден Св. Георгия 4 степени с надписью «за храбрость» за бой под Мукденом.

Следует обратить внимание, что среди чиновников были распространены и иностранные ордена. Большая часть их была выявлена у служащих канцелярии Московского генерал-губернатора, были обнаружены такие чиновники и в московской полиции. Получали такие награды во время официальных визитов важных особ из других стран, за что администрация и получала эти пожалования. Из чинов полиции награждались те, которые занимались обеспечением порядка во время подобных визитов. Также иностранные ордена имели и некоторые другие чиновники: помощник управляющего казенной палаты С.А. Милов имел персидский орден Льва и Солнца 4 степени, но, скорее всего, это не было связано с его деятельностью по Министерству финансов, так как ранее он по распоряжению директора архива гофмейстера барона Берга сопровождал его в командировку на Археологический съезд, за что Министерством иностранных дел 2 октября 1881 г. Милову была выражена признательность за содействие осуществлению памятного съезда[628]. Также звенигородский уездный исправник князь В.М. Друцкий-Соколинский 21 мая 1902 г. был удостоен ордена Спасителя Командорского креста от короля Греции, а великим герцогом Гессен-Дармштадским он был пожалован командорским крестом 2 класса гессенского ордена Филиппа Великодушного. Кроме того, исправник имел орден Румынской короны 3 степени за сражения времен русско-турецкой войны[629].

---

[626] Список врачей служащих в учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения на 1906 г. СПБ. 1906 г.

[627] Черкесов В.В. Указ. соч. С. 341-342.

[628] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 46.

[629] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101. Д. 254.

Наличие иностранных орденов также было связано с занятием какой-то особой публичной должности, которая обязывала принимать участие во встречи иностранных делегаций торжествах, на которых присутствовали представители иностранных государств. Например, на приеме у генерал-губернатора по случаю Нового года присутствовал в числе свиты Сергея Александровича управляющий канцелярии Истомин, на прием собирались не только старшие чины администрации, военные и придворные, но и генеральные консулы иностранных держав, вице-консулы и консулы иностранных государств, из высшей московской бюрократии был губернатор А.Г. Булыгин, вице-губернатор Л.А. Боратынский, начальники отделений губернского правления, начальник врачебного управления В.М. Остроглазов и председатель цензорного комитета В.В. Назаревский[630]. Не будем перечислять иностранные награды генерал-губернатора, так как это может занять половину страницы, лучше приведем перечень иностранных орденов управляющего его канцелярией. Среди них офицерский крест ордена почетного легиона, сербский орден Св. Саввы, орден Баден Церинген, персидский орден Льва со звездой 2 степени и Льва и солнца 2 степени, а также орден румынской короны 1 степени[631]. Чем выше статус чиновника высшего губернского учреждения, тем больше у него представительских функций, соответственно, тем больше вероятность получения иностранных орденов.

Недостаточно было получить иностранный орден или медаль, необходимо еще было обзавестись разрешением на его ношение. Без «Высочайшего соизволения» такой орден носить было нельзя. Для этого необходимо было обратиться с ходатайством в министерство, в котором служил награжденный чиновник. Министр этого ведомства запрашивал Министерство иностранных дел

[630] Московский листок. 1900. № 2.

[631] Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел в губерниях, областях и градоначальствах. 1900 г. Ч. 2. СПб., 1900.

ходатайствовать о получении разрешения[632]. Сохранилось множество таких документов. Например, из дела «О разрешении принять и носить пожалованные некоторым лицам иностранные ордена» видно, что среди награжденных 14 июля 1899 Румынскими и Болгарскими орденами полицейских были только чины городской полиции, уездных полицейских чиновников в этих списках нет[633]. Среди всех наиболее высоких наград удостоились полицмейстер Константин Свешников и помощник участкового пристава князь Владимир Вадбольский. Они получили Орден Румынской короны 3 степени, румынскую корону 5 степени получил другой помощник участкового Дмитрий Померанцев. Остальные были удостоены медалей и крестов. 9 околоточных надзирателей получили – Румынские медали 1 класса, такие же награды получил экзекутор канцелярии Московского Обер-Полицмейстера, Румынские звезды разных степеней получили полицмейстер Будберг (командорский крест) и помощник участкового пристава (5 степень). 7 городовых получили медали 2 класса[634]. 9 марта 1900 были получены аналогичные разрешения носить сербские и болгарские ордена: кавалерский крест за гражданские заслуги и кавалерский крест Александра, городовые (5 человек) и некоторые околоточные надзиратели получали бронзовые медали за заслуги с короной, а некоторые городовые – без короны (4 человека) [635]. Таким образом, это были абсолютно формальные награждения, где начальствующие чины получали награды более высокие, а самые нижние довольствовались медалями. Притом особы благородного происхождения выбивались из этого правила и получали более значимые награды. Например, вышеупомянутый князь Вадбольский получил награду наравне с полицмейстером, несмотря на то, что все другие приставы получили более низкие награды.

---

[632] СЗРИ. Т. 1. С. 327.

[633] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 198. Д. 51.

[634] Там же. Л. 6.

[635] Там же. Л.32-33.

Другим случаем для получения награды был визит российского монарха в Москву. Для Московских чиновников это была достаточно хорошая возможность, так как «вторую столицу» император посещал часто. Но кроме ордена или медали в качестве награды можно было получить и другие награды, например, придворный чин. И опять основными дивидендами становилась верхушка губернской администрации, полицейские и жандармские части, обеспечивавшие порядок во время визита царя. Хотя пожалование придворных званий не считалось личной наградой самому чиновнику, но считалось «знаком монаршего внимания к заслугам рода». Поэтому, к получению упомянутых званий представляются чиновники из дворянства, а также сыновья, внуки или родственники лиц, отличившихся какими-либо особыми заслугами. Изъятия из этого правила составляли редкое исключение, допускаемое «по каким-либо особым уважениям, как, например, при занятии почетных должностей, при службе по дворянским выборам и при нахождении при посольстве»[636].

Управляющий канцелярией Московского генерал-губернатора Истомин и без того не обделенный наградами был удостоен орденом Владимира 4 степени. Кроме того, придворное звание гофмейстера получил И.Ф. Тютчев «в виду 14 летнего пребывания в чине Действительного Статского советника»[637], который также находился в кругу служащих, пользующихся благосклонностью у Московского генерал-губернатора. Московский Обер-Полицмейстер хвалил охрану и агентуру за проделанную работу.

Проанализировав таблицу № 19, можно сказать, что принцип награждения при визите царя основывался в первую очередь на чинах. В качестве награды в некоторых случаях жаловался чин, наибольший приоритет среди наград отдавался придворным чинам, которые жаловались особенно часто. Истомин, получивший орден уже имел придворный чин гофмейстера III класса, уже не мог

[636] Карнович. Е. Указ. соч. С. 87.

[637] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 199. Д. 52. Т. 2. Л. 8.

получить более высокий чин, на должности которую занимал[638]. Из 12 человек (не считая предводителей дворянства, нижних чинов полиции и крестьянина) награжденных – 5 (41%) получили чины, 1 (8%) – орден – остальные 51% получали символические награды в виде высочайших благоволений и подарков. Также известен случай, когда верейский уездный исправник Зверев Николай Алексеевич получил подарок от великого князя Николая Николаевич за распорядительность при охоте[639]. Одной из самых почетных наград считался портрет императора в драгоценной раме. Например, такого подарка был удостоен московский губернатор В.Ф. Джунковский за подготовку торжеств в Москве во время приезда императора в честь 100-летия Отечественной войны[640].

Наградная система Российской империи представляет собой сложную структуру. Награды являлись элементами, формирующими статус чиновника, ставившие его на определенную ступень социальной иерархии. В большинстве случаев они дополняли систему чинов. При этом ордена являлись намного более гибким способом поощрения, хотя ограничения и привязки к классам должностей существовали и у них. В Московской губернии существовал дисбаланс между управлением генерал-губернатора и другими ведомствами. Даже при одинаковых классах должностей, награды распределялись неодинаково.

В начале XXв. чиновничество все еще представляло достаточно закрытый слой, множество законодательных барьеров ограничивало проникновение в эту среду «нежелательных» элементов по социальному, гендерному, национальному признакам. Недостаток кадров побуждали власть искать новые источники для комплектования учреждений. При этом искусственные сдержки карьерного роста для определенных сословий никуда не делись. Жесткая зависимость от начальства в отношении наказаний и увольнения, заставляли чиновников либо становиться покорными исполнителями любых приказаний, либо искать лазейки

---

[638] Не каждый министр имел чин действительного статского советника.

[639] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г Ф. 17. Оп. 101. Д. 254. Л. 56-60.

[640] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 63.

и упущения контроля для достижения собственных выгод. При наличии положительных черт, таких как профессиональный ценз для некоторых должностей, стремление привлечь на службу образованных людей, закрытость и сословный характер государственной службы не позволяли большим группам населения, которые могли приносить пользу стране, влиться в слой чиновничества. Вместо этого они пополняли ряды недовольных и людей, не имеющих возможность найти себе честного заработка. Сословный характер государственной службы порождал негативные моменты и в самой среде чиновников. Не могло не разочаровывать, что люди более благородного происхождения делали карьеру быстрее, а незнатный мелкий чиновник мог целую жизнь оставаться на низшей должности с мизерным жалованием, постоянно находясь под угрозой внезапного увольнения, вследствие которого он мог оказаться без средств к существованию.

Глава 3. Социальный состав чиновников отдельных ведомств Московской губернии

§ 1 Сословный состав управления московского генерал-губернатора

По данным справочника «Вся Москва» в канцелярии Московского генерал-губернатора служило 29 чиновников[641], по памятной книжке Московской губернии за 1899 – 28[642]. По другим данным на 1903 г. в канцелярии служило 43 человека на гражданской службе и 4 по вольному найму. По данным 1908 г. – 39 и нет сведений о вольнонаемных чиновниках[643]. Насчитывалось 4 старших делопроизводителя, каждый из них возглавлял свое отделение. 4 младших делопроизводителя. Остальные должности были вспомогательными (журналист, бухгалтер, экзекутор). Канцелярских чиновников и служителей было 14 и 4 сотрудника по вольному найму. Для получения достоверных данных приходилось прибегать к анализу комплекса различных источников: памятные книжки Московской губернии, сведения из общих списков служащих канцелярии, справочная книга «Вся Москва». Благодаря этому из 33 (всего по формулярным спискам) чиновников удалось установить происхождение у 25 чиновников за 1900-1903 гг. Подавляющее большинство служащих канцелярии имели дворянское происхождение. Они занимали все должности выше VII класса, т.е. должности делопроизводителей (6-7 классы), управляющего канцелярией и чиновников особых поручений оставались за привилегированным сословием.

Всего к дворянскому сословию среди служащих канцелярии Московского генерал-губернатора в 1900-1903 гг. принадлежало 19 человек (75% от лиц, у которых удалось установить происхождение). 2 человека являлись детьми священнослужителей, 2 происходили из обер-офицерских детей и 2 являлись детьми чиновников (по 8%). При этом выборка по канцелярским чиновникам (XII класс) не может считаться репрезентативной, так как в неё попало небольшое

---

641 Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1900 год. М., 1900.

642 Памятная книжка Московской губернии на 1900 год. М., 1900.

643 ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 225 Д. 1301; Ф. 16. Оп. 225. Д. 1273.

количество чиновников относительно их общего числа, но это не существенно для общей картины. По чинам разброс намного больше. При этом стоит заметить, что чиновники недворянского происхождения занимают должности, соответствующие их классу. Также можно обратить внимание (см. таблицу № 7), что чиновник в чине коллежского секретаря занимает должность VII класса, это происходит за счет того, что эти служащие являлись исполняющими обязанности. 8 человек имели придворные звания, в основном это были чиновники особых поручений при генерал-губернаторе и управляющий, который имел самый высокий чин среди чиновников канцелярии – чин гофмейстера. 2 человека имели титул князя – это С.Н. Мещерский и А.И. Кудашев, 1 – барон (А.П. Оффенберг) и 1 граф (Н.Я. Эссен Стенбок-Фермор).

Можно сказать, что в сословном отношении в Канцелярии Московского генерал-губернатора была представлена элита московского общества того времени. Особенно, если рассмотреть список чиновников для особых поручений, то можно встретить много титулованных дворянских фамилий.

К 1913 г. канцелярия генерал-губернатора практически потеряла свое значение. Должность генерал-губернатора после отставки С.К. Гершельмана оставалась незамещенной, а управление городом и губернией отходили к губернатору и градоначальнику. Падение роли этого ведомства в управлении городом можно проследить по уменьшению числа дел в фондах канцелярии и по уменьшению численности чиновников. К 1913 г. по справочной книге «Вся Москва» в канцелярии числилось 16 чиновников. Некоторые занимали две должности сразу. Николай Павлович Гжельский занимал должность чиновника, состоящего при МВД и откомандированного в распоряжение генерал-губернатора и исполнял обязанности старшего делопроизводителя. Удалось выявить 11 формулярных списков, подходящих для выяснения сословного состава за 1913 г. (см. таблицу № 8) Происхождение удалось установить только у 9. При этом большая часть чиновников не сменилась с 1900 - 1903 гг. Большинство по-прежнему оставалось за дворянами, к этому сословию

принадлежало 6 человек (66%). Состав ведомства изменился слабо. Все указывает на падение роли данного учреждения в управлении губернией. Тем не менее, сократившись еще сильнее, управление генерал-губернатора просуществовало до 1917 г. Развитие этого ведомства продемонстрировало то, как старые учреждения перестали отвечать новым требованиям.

Таким образом, управление московского генерал-губернатора по своему составу было преимущественно дворянским. Многие из них принадлежали к знатным родам и окончили привилегированные учебные заведения.

§ 2 Полицейские чиновники и органы губернской полиции

Главным органом полиции в губернии было полицейское управление, оно подчинялось напрямую губернатору и губернскому правлению. Полицейское управление разделялось на два подразделения: уездная и городская полиции[644]. Все органы поддержания правопорядка относились либо к одному, либо к другому.

По данным «Памятной книжки Московской губернии» в уездных полицейских управлениях служило около 110 чиновников[645]. Скорее всего, их было больше, так как данный источник не отражает численность всех служащих. Канцелярия московского обер-полицмейстера по данным справочника «Вся Москва» насчитывала 31 человека. По городу насчитывалось около 206 полицейских чиновников[646], не считая пожарных и медицинских чинов полиции. Таким образом, примерная численность губернской полиции по справочным изданиям составляла 349 человек. Фактическое число чинов полиции было намного больше, так как в эту цифру не включаются нижние чины, такие как околоточные надзиратели и канцелярские служители. Городовые, полицейские

[644] СЗРИ. Т. 2. С. 76.

[645] Памятная книжка Московской губернии на 1900 год. М., 1900.

[646] Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1900 год. М., 1900.

команды не будут учитываться в статистике, так как они не являлись чиновниками.

Всего за 1900 г. выявлено 93 формулярных списка чиновников полицейского уездного управления, для увеличения выборки предполагается возможным расширить хронологические рамки до 1904 г., в таком случае количество формулярных списков может быть увеличено до 112. В то время, как из Московского городского полицейского управления удалось привлечь всего 6. Но, как показал анализ формулярных списков, чиновники двух управлений часто переходили из одного ведомства в другое. Многие чиновники уездной полиции часто начинали службу в качестве околоточных надзирателей в Москве поэтому для исследования социального положения можно их объединить. Таким образом, выборку списков за 1900-1904 гг. можно считать репрезентативной относительно общего числа полицейских. При этом за 1913 г. не удалось собрать достаточного количества формулярных списков по полиции. Даже с расширением дат с 1910 – 1916 г. удалось найти всего 25 списков, но изложение этих данных может дополнить общую картину.

Н.П. Ерошкин высказывал мнение, что управление пореформенного уезда по-прежнему оставалось в руках помещиков-дворян. Исправники назначались губернатором из местных представителей привилегированного сословия[647]. Исправник являлся непосредственным начальником полиции в уезде. Ему подчинялись все полицейские служащие уезда. В его задачи входило рассмотрение жалоб частных лиц и требований присутственных мест, изменение количества чиновников в станах и сотнях (административные полицейские единицы), обнародование высочайших указов и манифестов, надзор за правильным исполнением законов и др. Также он осуществлял непосредственное управление канцелярией полицейского управления: распределял дела между чиновниками, следил за соблюдением законов секретарями и канцелярскими

[647] Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 226.

чиновниками. Мог устранить от должности полицейского чиновника в случае совершения им преступления. Исправник находился непосредственно в уездном городе, но по службе для производства дознаний, обозрения уезда или выполнения особых поручений мог отправиться в уезд. Свои действия начальник уездной полиции согласовывал с губернатором[648]. Работу исправника помогала осуществлять канцелярия, в которую входили: секретарь, 2 столоначальника и регистратор. Вспомогательную роль выполняли писари, сторожа, рассыльные, на содержание которых также отпускались дополнительные средства из казны[649].

Как следует из анализа формулярных списков (см. таблицу № 9 в приложениях), не все исправники Московской губернии были дворянами, как на это указывал Ерошкин. К привилегированному сословию принадлежало 54% (6 из 11) исправников, 1 (9%) являлся сыном священнослужителя, 4 (36%) происходили из обер-офицерских детей, которые, впрочем, тоже могли быть дворянами, например, верейский уездный исправник Н.А. Зверев был утвержден в дворянском достоинстве 21 марта 1900 г.[650] Серпуховской уездный исправник П.И. Гетманенко юридически числился дворянином, так как был утвержден в дворянском достоинстве 26 июня 1897 г., но при этом происходил из купеческого сословия. Он не имел земельной собственности и службу свою начал из самых низов. При поступлении на службу он был зачислен в 3-ий разряд канцелярских служителей, поэтому едва ли можно считать таких новоиспеченных дворян частью настоящего потомственного дворянства. Гетманенко получил домашнее воспитание и своей удачной карьерой обязан собственному трудолюбию и удачному стечению обстоятельств. Во время русско-турецкой войны чиновник состоял в Киевском управлении общества попечения о раненых и больных воинах, за работы в этом обществе 11 февраля 1877 г. он был удостоен ордена Станислава 3 степени, после чего его карьера пошла в гору: сначала он стал

[648] СЗРИ. Т. 2. С. 95-98.

[649] ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 37. Ч. 3. 1862. С. 543.

[650] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101. Д. 254.

правителем канцелярии подольского губернатора, 12 ноября 1878 стал старшим чиновником особых поручений при подольском губернаторе. Видимо, способности П.И. Гетманенко были оценены по достоинству, так как на него возлагались поручения по производству дознаний по особым делам[651].

Но были среди исправников Московской губернии представители настоящей родовой знати. Звенигородским исправником был князь В.М. Друцкий-Соколинский. Карьера этого чиновника характерна для многих дворян: он имел домашнее образование, начал службу в армии, участвовал в подавлении польского восстания 1863-1864 гг., затем участвовал в русско-турецкой войне. 18 августа 1886 г. он вышел отставку в чине ротмистра и 24 ноября 1888 уже занял должность звенигородского исправника. В ранние годы он занимал должность чиновника для особых поручений при Смоленском губернаторе, поэтому ему нельзя совсем отказать в отсутствии опыта работы в гражданских учреждениях[652]. Сложно ставить в один ряд этих двух исправников, хотя формально они и принадлежали к одному сословию.

Уездные города также относились к уездному полицейскому управлению. В городах основными уездными полицейскими были полицейские приставы, их помощники и надзиратели. Некоторые города управлялись городскими полицейскими управлениями, возглавляемые полицмейстерами[653]. Полицмейстеры выполняли те же функции в городах, что и исправник по отношению к уездной полиции[654]. В Московской губернии такой город был только один (не считая Москвы) – Сергиев посад. В нашем распоряжении имеются формулярные списки двух полицмейстеров посада. В 1900 г. эту должность занимал 47–летний Василий Петрович Всесвятский, происходивший из семьи священнослужителей. Образование имел среднее: окончил Московскую

[651] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101. Д. 254. Л. 158-184.

[652] Там же.

[653] Там же.

[654] СЗРИ. Т. 2. С. 106.

духовную семинарию. Служба его проходила в пределах Московской губернии, за это время он снискал ордена и медали (Станислава 3 ст., Анну 3 ст.). Позже в 1901 г. Всесвятский был перемещен на должность Исправника Бронницкого уезда, а его место занял дворянин Петр Васильевич Протопопов. Образование этот человек имел домашнее. Сложно судить о его уровне, но по законам для получения первого чина все равно пришлось пройти испытание. Мы можем также многое сказать о служебной карьере, которая помогла ему занять пост полицмейстера. Протопопов начал военную службу, но она по каким-то причинам не заладилась, так как действительного срока службы он не выдержал и был уволен в «первобытное состояние» по полку. До того, как стать полицмейстером в Московской губернии он успел проявить себя на постах полицмейстера города Нежин, где получил благодарность за усмирение беспорядков в городе Стародуб и посаде Клинец в 1891 г. и за сопровождение переселенцев из Одессы в Южно-уссурийский край. При этом во время ревизии городского управления города Нежин был отмечен образцовый порядок в ведомстве и в городе. Позже Протопопов служил полицмейстером города Орла, где тоже были отмечены его умелые и целесообразные действия при задержании сбытчиков краденного[655]. Джунковский писал о Протопопове, что это был «большой ловкач». Он знал, как правильно выслуживаться перед начальством. Когда было необходимо обеспечить проезд великого князя Николая Николаевича через Московскую губернию в 1905 г., Протопопов догадался соорудить локомотив с одним вагоном, который доставил великого князя «до 10-й версты от Москвы, где его высочество пересел в ожидавшую его тройку»[656], за что Протопопов удостоился ордена Владимира 4 степени. В 1913 г. П.В. Протопопов был причислен к МВД и откомандирован в распоряжение московского губернатора[657].

[655] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101. Д. 254.

[656] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 70.

[657] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 97. Д. 660.

Также различались и другие должности полицейских. В уездах Московской губернии главными исполнительными чиновниками были становые приставы, в Москве действовали участковые, городские приставы и их помощники и полицейские надзиратели[658]. Соответственно уезд делился на станы, а город - на участки. Размер стана определялся в зависимости от уезда и численности населения. Изменить количество этих административных полицейских единиц губернатор мог, только получив разрешение царя, зато границы станов начальник губернии мог свободно изменять своей властью[659].

Становой пристав являлся аналогом современного участкового, в городах должность называлась участковый пристав (так как руководил он не станом, а участком). Закон говорит об этом полицейском, как о «непосредственном блюстителе общественной безопасности, спокойствия и порядка в участке или стане, ему вверенном». В 1905 г., когда пост генерал-губернатора в Московской губернии занял А.А. Козлов, участковые приставы заменили при нем адъютантов, которые были при предшественнике Козлова – Сергее Александровиче[660]. На должность становых приставов законом рекомендовалось принимать на службу дворян, имеющих в губернии недвижимость. Дворянское собрание составляло список чиновников, которые могли бы занять эту должность. Список предоставлялся губернатору. Определением на должности полицейских чиновников занималось губернское правление[661]. Н.П. Ерошкин приводит данные, что большинство становых приставов в 60-е гг. XIX в. являлись дворянами, как того требовало законодательство[662].

Но анализ формулярных списков полицейских Московской губернии показал, что вопреки предписанию законодательства сословный состав становых

---

[658] СЗРИ. Т. 2. С. 77.

[659] ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 37. Ч. 3. 1862. С. 543.

[660] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 49.

[661] СЗРИ. Т. 2. С. 81.

[662] Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 233.

приставов был совсем уж пестрым. Из 23 чиновников только 10 (43%) происходили из дворянства, 2 (8%) происходили из духовенства, по 3 (13%) – из детей чиновников и обер-офицеров. Остальные 5 (21%) чиновников происходили из разных сословий: из солдатских детей, почетных граждан, детей купцов. У некоторых сложно установить точнее происхождение из-за неточных записей в формулярах. Например, у станового пристава 2 стана Дмитровского уезда Матвея Мальгиева в графе сословие указано «из свободного [неразборчиво]». Образование этот человек имел приличное: окончил фельдшерскую школу, что не очень характерно для дворян, чин коллежского регистратора, карьеру начал с военного госпиталя в 1881 г. ушел в отставку в 1887 г. с должности старшего фельдшера и был награжден чином коллежского регистратора[663]. У другого чиновника в происхождении указано «из гоф-фурьерских» детей, т.е. отец имел придворное звание IX класса. В службу поступил после окончания московского 3-классного городского училища, а первого классного чина удостоился, прослужив 5 лет околоточным надзирателем[664]. Некоторые приставы, обозначенные как дети чиновников, в будущем получали дворянское достоинство. Н.А. Савельев, пристав Серпуховского уезда 31 мая 1901 г., был внесен в 3-ую часть родословной книги, а 25 февраля 1902 г. был утвержден в дворянском достоинстве[665].

Также не соблюдался и имущественный ценз. Только один становой пристав Волоколамского уезда Н.А. Машин имел 188 десятин благоприобретенной земли в Коломенском и Верейском уездах. При этом по формулярному списку он даже не был дворянином, а числился как сын чиновника. Остальные не имели собственности[666].

---

[663] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101. Д. 254. Л. 30-35.

[664] Там же. Л. 47-50.

[665] Там же. Л. 146-151.

[666] Там же.

На становых приставов возлагалась непростая задача по охране безопасности в селениях, на дорогах, базарах, ярмарках, торгах, почтовых станциях, трактирах и даже в лесах и полях. Становой пристав мог взять виновника «буйства, драки и бесчиния всякого рода» под стражу и инициировать уголовное судопроизводство. Одним словом, становой пристав осуществлял надзор за законностью в границах одного стана или участка. В законе также встречаются нормы о том, что дом пристава «доступен всякому по всякой причине, как прибежище на случай опасности и нужды». Он должен был всегда выслушать жалобы и оградить просившего от «обид и насилия»[667].

Работа пристава была связана с серьезным риском для жизни. Губернатор В.Ф. Джунковский приводит случай гибели «одного из лучших становых приставов» Московского уезда Белянчикова. 11 марта 1909 г. Полицейский чиновник увидел двух людей на санях, к которым были привязаны лошади. Заподозрив их в конокрадстве Белянчиков, потребовал остановить сани, но появились еще два человека, которые произвели в пристава 4 выстрела, от которых он скончался. Украденные лошади были брошены неподалеку в лесу. Бывший губернатор писал, что пристав «отличался бесстрашием и вел неутомимую борьбу с конокрадами, благодаря чему в его стане за последнее время почти прекратились кражи лошадей»[668]. Убийцей оказался Иван Журавлев, он был задержан 12 мая 1910 г. надзирателем Московской сыскной полиции Муратовым[669].

22 августа 1911 г. бандой было совершено нападение на станового пристава Гончарова в Рузском уезде. Позже организованная шайка совершила еще ряд преступлений в уезде. Звенигородский исправник Рубцов приложил все усилия для поимки злоумышленников. Исправник Рубцов вместе с приставом Алексеевым-Войцеховским ночью 31 августа наткнулись на неизвестного

---

[667] СЗРИ. Т. 2. С. 98-99.

[668] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 383.

[669] Там же. С. 487.

человека в г. Воскресенск, который открыл по ним огонь, в результате чего был ранен пристав. В ходе розыскных мероприятий шайку удалось поймать, Рубцов был награжден 150 р., а Алексеев – 100 р.[670]

Становые приставы занимались сбором справок, взысканием пошлин и недоимок по налогам[671]. Пристав 1 стана подольского уезда Н.И. Яковлев в 1896 г. за взыскание недоимок с казенного окладного налога получил благодарность от начальства[672]. Кроме того, в каждом номере Московских губернских ведомостей раздел о торгах начинался фразы, что пристав такого-то стана сообщает о продаже какого-либо имущества или имения. Сбор налогов чинами полиции не всегда проходил гладко, на это уже указывалось в параграфе о ответственности чиновников. Современник, служивший земским начальником, обратил внимание, что «исправник Сидор Кондратьевич Сусликов-Грызун[673] и его помощники, становые приставы и урядники, были неумолимы при взыскании казенных податей и земских сборов… Сусликов не ограничивался репрессиями по податной части в деревнях и селениях; он часто собирал в городе со всего уезда старост и старшин для начальнических внушений»[674].

Становой пристав был чиновником, который наиболее близко взаимодействовал с населением, разрешал вопросы сельских и городских обывателей, поэтому от его авторитета во многом зависело успешное исполнение им обязанностей. Например, упомянутый выше, пристав Белянчиков, по словам В.Ф. Джунковского, пользовался «большой популярностью и симпатиями». Среди надписей на венках, возложенных на похоронах погибшего пристава, были «От крестьян – погибшему за защиту имущества крестьян», «Доброму приставу, погибшему за защиту крестьян». Если пристав был некомпетентен исполнить ту

---

[670] Там же. С. 596.

[671] СЗРИ. Т. 2. С. 98-102.

[672] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101. Д. 254. Л. 6-14.

[673] Скорее всего, вымышленное имя.

[674] Из деревни // Русская старина. Т. 128. 1906. № 11. С. 485.

или иную просьбу или прореагировать на жалобу, то он мог её направить прямо в уездное полицейское управление.

Кроме законности и правопорядка становой пристав инициировал борьбу с саранчой, дикими зверьми, оповещал начальство о возникновении эпидемий, собирали информацию об урожаях и др.[675] Например, Становой пристав Клинского уезда Добролюбов Николай Иванович получил за борьбу с холерой награду в размере 100 рублей[676]. Осенью 1907 появились сообщения о случаях заболевания холерой в Коломне и приволжских городах России. Приказом московского губернатора полиции предписывалось «следить за чистотой в городах и селениях и в местах большого скопления народа – на фабриках, заводах и проч.»[677].

В 1908 г. в Московской губернии произошло одно из самых больших наводнений. При предотвращении последствий полиция играла не последнюю роль. Как только появились первые сообщения о разливе Москвы реки в Мневниках, вместе с московским губернатором на место событий прибыл исправник Виноградов. Чины полиции принимали активное участие в спасении жителей и доставлении им хлеба[678]. Звенигородский исправник князь Н.В. Вадбольский[679] вместе с приставом Д.И. Чуфаровским[680] и чиновником особых поручений при губернаторе Андросовым на лодке посетили все затопленные в звенигородском уезде селения[681]. Бывший губернатор В.Ф. Джунковский писал, что небольшое количество несчастных случаев с людьми было заслугой и результатом «неутомимой работы чинов полиции, которые первыми являлись для

---

[675] Там же.

[676] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101. Д. 254.

[677] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 245.

[678] Там же. С. 298.

[679] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф, 17. Оп. 101. Д. 254.

[680] Там же.

[681] Джунковский В.Ф. Т. 1. Указ. соч. С. 300.

подания помощи – я их встречал мокрыми, оборванными, голодными»[682]. Из-за сильной засухи в конце июля в 1912 г. в Московской губернии начались пожары. Чины полиции и лично губернатор В.Ф. Джунковский играли ключевую роль в ликвидации последствий[683].

Если становой пристав имел канцелярию, то он был обязан содержать её из отпускаемых ему квартирных окладов[684]. Также закон давал право Министру внутренних дел разрешать ходатайства различных учреждений и частных обществ об учреждении новых должностей полицейских чиновников вне городов[685]. Например, в Московской губернии существовали специальные полицейские надзиратели при фабриках и мануфактурах. Если ходатайство исходило от частного учреждения, то содержание такого полицейского ложилось на эту организацию. При этом такие исполнительные чиновники являлись государственными служащими, подчинялись полицейскому управлению и действовали, исходя из законодательства о полиции.

Многие приставы Московской губернии имели опыт военной службы – 9 (39%). 5 из них принимали участие в походах. Пристав города Серпухова участвовал в русско-турецкой войне в осаде Плевны, за что был награжден Станиславом 3 степени с мечами и бантом[686]. Пристав 2 стана Можайского уезда Л.А. Крассовский за сражение при деревне Церковна 9 сентября 1878 г. был награжден Анной 4 степени «за храбрость»[687].

Урядники являлись помощниками становых приставов. Количество урядников зависело от населения и от местных особенностей, их число устанавливалось исправниками или губернаторами. Они могли перемещаться на

---

[682] Там же. С. 307.

[683] Там же. С. 300 - 307.

[684] СЗРИ. Т. 2. С. 78.

[685] Там же. С. 77.

[686] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101. Д. 254. Л. 91-102.

[687] Там же. Л. 235-242.

лошади, но могли быть и пешими. Пешим урядникам в жалование включались деньги на разъезды.

Также непосредственно становому приставу подчинялись сотские[688]. Десятские не входят в состав чинов полиции, а находятся в заведывании сельского и волостного начальства[689]. Деятельность этих лиц была похожа на работу постовой службы. Им не жаловались чины, а должности не имели классов, поэтому они не относятся к предмету нашего исследования, но не упомянуть их было нельзя для полноценной картины структуры полицейского уездного управления.

Доля дворян существенно падала на должностях XII класса, это должности столоначальников и регистраторов. Эти должности не были связаны с поддержанием порядка в губернии. Из 26 чиновников XII класса, только 3 (11%) являлись дворянами, основную массу составляли дети священнослужителей – 11 (42%), затем шли обер-офицерские дети – 6 (23%). Остальную незначительную часть составляли дети чиновников, мещан и почетных граждан. М.И. Ушаков был сыном личного дворянина, нами он был отнесен к дворянам по происхождению, хотя формально не принадлежал к этому сословию. Этот чиновник служил регистратором Дмитровского полицейского управления. Службу он начал в качестве писаря в войсках Кавказского военного округа и имел образование уездного училища[690]. Также к чиновникам XII по классу должности относился помощник надзирателя, в Волоколамском уезде эту должность занимал А.И. Мнев, его образование и происхождение существенно отличаются от остальных чиновников того же класса: он окончил кадетский корпус и Александровское военное училище по 1 разряду, происходил из потомственных дворян[691].

---

[688] СЗРИ. Т. 2. С. 87.

[689] Там же. С. 79.

[690] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101. Д. 254.

[691] Там же.

Секретари, регистраторы, столоначальники, канцелярские служители и др. занимались непосредственно делопроизводственными вопросами. Должности полицейских, обязанности которых связаны с поддержанием правопорядка, в законе называют «исполнительными чиновниками» (надзиратели, приставы, урядники, исправники). И те, и другие являлись чиновниками, но последние ближе к современной полицейской администрации (руководители УВД, участковые и др.). Это разграничение не мешало первым часто временно замещать должности вторых. Несмотря на то, что обязанности были различны, в Московской губернии это было достаточно распространенным явлением. Секретарь рузского уездного полицейского управления Петр Щеголев неоднократно исполнял обязанности станового пристава[692]. Некоторые чиновники совмещали сразу две должности. Например, Василий Щелков, являясь Столоначальником Верейского полицейского управления занимал еще и должность надзирателя того же уезда[693]. Судя по всему, они также помогали приставам собирать налоги: столоначальник Верейского полицейского управления С.В. Смирнов 11 февраля 1898 г. получил благодарность за сбор казенных повинностей во время командировки, скорее всего, подобные командировки были связаны с исполнением должности надзирателя города Верея по поручению исправника[694]. Канцелярские чиновники полиции не имели специального образования и не имели опыта военной службы (из 25 служащих только 1 имел опыт военной службы – столоначальник Верейского управления В.П. Остров). Вся их подготовка в лучшем случае заканчивалась уездным или духовным училищем.

Вообще можно сказать, что дворянство сохранило большинство в органах полиции, хотя и не подавляющее. Рекомендации законодательства о привлечении дворян к должностям становых приставов соблюдать не всегда удавалось. Тем

[692] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 65. Д. 393. Л. 51-54.

[693] Там же. Л. 90-92.

[694] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101. Д. 254. Л. 41-46.

более, не получалось подбирать становых приставов из дворян, владевших собственностью. При этом происхождение многих дворян не всегда отличалось знатностью, иногда это могли быть дворяне в первом или втором поколении. Значительная часть в органах полиции принадлежит детям обер-офицеров (17%), священнослужителей (17%) и чиновников (9%). При этом обер-офицерские дети и чиновники также могли быть дворянами. Остальные сословия были представлены слабо. Доля крестьян невелика, они занимали должности писцов, околоточных надзирателей, а также полицейских надзирателей на некоторых фабриках Московской губернии. Также анализ сословной структуры органов полиции позволяет сделать вывод, что дворяне не задерживались на полицейских должностях, связанных с делопроизводством.

Некоторые чиновники имели военные чины, но их немного: 3 штабс-капитана, 1 поручик и 1 майор. Из чиновников, проанализированных за 1900-1904 гг., военную службу проходило 30 человек, что составляет 27 % от общего числа. В непосредственных боевых действиях принимали участие 8 человек (7%). Т.е. боевой опыт не был обязательным для служащих полиции в Московской губернии, хотя и значительная доля чиновников пришли в органы правопорядка из армейских структур. При этом большая часть военнослужащих относится к исполнительным чиновникам, среди которых, судя по всему, военная подготовка являлась преимуществом.

За 1913 г. удалось обнаружить гораздо меньше формулярных списков (см. таблицу № 10 в приложениях). Приведем полученные данные. Так как очень плохо представлены должности выше X класса, то сложно представить реальное количество дворян. В 1900 на должностях X класса состояло 10 дворян, в 1913 – 1. При этом крестьян уже 4 (50%), т.е. больше, чем всех остальных сословий. В 1900 г. на должностях XII класса преобладали дети обер-офицеров и священнослужителей. В 1913 на этих должностях наблюдается преобладание крестьян. Из 11 чиновников 6 (54%) происходили из крестьян, количество мещан осталось на прежнем уровне. Количество дворян среди этих чиновников

составило 9%, что немного меньше чем в 1900 г. При этом священнослужителей вообще не было обнаружено, а обер-офицерские дети составляют небольшую часть (1). Основная масса формуляров приходится именно на этот класс, поэтому в данном случае можно утверждать, что по нему статистика частично отражает картину действительности того времени. Стоит обратить внимание, что все чиновники без чинов относились именно к крестьянам и мещанам (70% всех представленных крестьян). Это говорит о том, что людей недавно назначили на классные должности, и они не успели выслужиться в канцелярских служителях. Также, вероятно, уровень образования у них был недостаточным для получения первого классного чина. Оба предположения находят себе подтверждение в данных формулярных списков. Это позволяет сделать вывод, что даже в таких важных для власти органах, как полиция, на низших должностях теряют свое положение те сословия, которым традиционно отдавалось предпочтение (духовенство, дети чиновников и обер-офицерские дети). Во многом роль сыграл закон 1906 г., уравнявший все сословия в правах на поступление в государственную службу.

§ 3 Органы Министерства финансов: московская казенная палата и казначейства

Главным учреждением Министерства финансов в губерниях была Казенная палата. В пореформенный период в структуре органов Министерства финансов возник ряд новых органов: губернское акцизное управление, финансовые присутствия (податное, по питейным делам, квартирному налогу). Эти органы ограничили деятельность казенной палаты: заведование косвенными налогами отошло акцизным управлениям, а контрольные функции были переданы контрольным палатам[695]. До 1903 г. Министерство финансов являлось одним из самых могущественных ведомств империи, Я.В. Соловьев охарактеризовал его как «сверхминистерство, определяющее не только финансовую и экономическую политику, но и осуществляющее реальное вмешательство в другие отрасли управления»[696].

В 1885 г. были созданы губернские и уездные по питейным делам присутствия, которые контролировали питейные заведения и следили за соблюдением винной монополии. В ведение Министерства финансов входили казенные банки (государственный, крестьянский и дворянский). В губерниях они имели свои отделения. К Департаменту торговли и мануфактур относилась фабричная инспекция, которая осуществляла надзор за соблюдением фабричного законодательства, принятого в 1882 г. С 1903 г. управление фабричной инспекции перешло под прямой контроль губернатора. Теперь от начальника губернии всецело зависело назначение на должность и распределение чиновников по участкам[697].

Основными задачами казенной палаты были заведование отчетностью по приходу и расходу сумм, обращавшихся в подведомственных палате

---

[695] Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 240.

[696] Соловьев Я.В. Министерство финансов Российской империи в 1858 - 1903 гг.: организация и функционирование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С.165-166.

[697] Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 241-242.

казначействах, дела ревизские, заведывание личным составом, делами по производству торгов, по наложению взысканий за нарушение казенных уставов, назначение пенсий, заведование государственными квартирным и промысловым налогами, также с 1910 г. казенная палата заведовала налогом с недвижимого имущества[698].

Главным должностным лицом был управляющий, он назначался Высочайшим указом по представлению министра финансов[699]. Управляющий мог назначать всех должностных лиц палаты, кроме своего помощника, который тоже назначался министром по представлению Департамента государственного казначейства, это обуславливало относительную независимость Казенной Палаты от местных властей, ведь назначение главного чиновника, происходило в обход губернатора, также в законе прямо закреплялось, что казенная палата не принимала никаких указаний и повелений от ведомств кроме Министерства финансов, Сената и императора, но однако и запрещались споры и противоречия при исполнении законных требований губернатора[700]. Управляющий никак не принимал участие в назначении своего помощника, что, возможно, являлось страховкой от злоупотреблений. Управляющий осуществлял надзор за деятельностью Палаты, при выявлении злоупотреблений мог подвергнуть виновных взысканиям или даже суду. Также он мог присутствовать на разнообразных комиссиях и совещаниях, мог донести губернатору о неэффективном расходовании средств среди чинов полиции. С вопросами, которые управляющий был решать некомпетентен, он входил с представлениями к министру финансов[701].

---

[698] СЗРИ. Т. 2. С. 126.

[699] Там же.

[700] Там же. С. 130.

[701] Там же. С. 127-128.

В 1900 г. управляющим Московской казенной палаты был действительный статский советник из потомственных дворян Семен Иванович Урсати[702], он не окончил Московскую хирургическую академию, из-за участия в студенческих волнениях в 1869, за что был заключен в Петропавловскую крепость, но в 1874 г. получил возможность закончить образование за границей[703]. Это был достаточно опытный чиновник, который пользовался доверием министерства, например, в 1896 ему было поручено участвовать в комиссии по расследованию Ходынской трагедии, за что 13 декабря 1897 г. он получил монаршее благоволение (одна из самых почетных наград в Российской империи[704]), также он участвовал в разнообразных строительных комиссиях, например, по постройке здания Петровско-Александровского пенсиона-приюта московского дворянства в 1900 г. или по постройке в 1903 г. здания для Строгановского центрально художественно-промышленного училища в г. Москве на Мясницкой улице.

В 1913 г. управляющим был Павел Николаевич Кутлер тоже происходивший из дворян и, имевший чин действительного статского советника, закончил Петровскую лесную академию, имел степень кандидата сельскохозяйственных наук. В 90-х гг. XIX в. принимал участие в разработке положений нового промыслового налога[705]. Он являлся братом Н.Н. Кутлера, который служил управляющим Главного управления землеустройства и земледелия, в 1905 г. он подготовил свой аграрный проект, основной задачей которого было «устранение в крестьянской среде мысли о даровом приобретении земли в целях расширения надельного землевладения»[706].

После П.Н. Кутлера 21 июля 1914 пост управляющего занял Андрей Андреевич Стрекалов. Он сильно задержался в Киеве из-за войны. Происходил

---

[702] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 78. Л. 617-627.

[703] Деятели революционного движения в России. Т. 1 Ч.2. М., 1928.

[704] Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 327.

[705] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 1241. Л. 33-34.

[706] Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 731.

он уже не из дворян, а числился как сын инженер-майора и являлся кандидатом исторических наук Московского университета. До этого занимал должности управляющего в Киеве и Херсоне. В частности, в отчете херсонского губернатора императору было отмечено, что податное дело в губернии «удалось поставить на должную высоту лишь со вступлением в управление Херсонской казенной палатой Стрекалова» благодаря исключительной энергии, знанию дела и умению заставить работать своих подчиненных[707].

Управляющие казенной палаты Московской губернии представляли собой тот тип дворянства, который Ю.Б. Соловьев выделал как особый слой дворян, вовлеченных в буржуазное общество, «выходцы из него же вовлекались в предпринимательство, шли в науку, в немалом числе пополняли ряды представителей свободных профессий…»[708]. Также их можно назвать чиновниками-профессионалами.

Губернатор В.Ф. Джунковский отмечает, что на улучшение работы казенной палаты повлияло назначение на должность управляющего «энергичного, требовательного и отлично знавшего дело» П.Н. Кутлера, а на должность начальника отделения «живого и энергичного» Б.Н. Шрамченко вместо И.А. Стефановского, «несносного по медлительности» чиновника, от которого веяло «мертвящей скукой»[709]. Очевидно, что штат сотрудников и организация работы не позволяли справляться с постоянно растущим количеством дел. В этих вопросах особую роль играл профессионализм руководящих должностных лиц.

Одной из важнейших должностей, осуществлявшей контроль за сбором прямых налогов были податные инспекторы. Должность была учреждена еще 30 апреля 1885. Последние изменения закона были приняты на рубеже XIX- XX

---

[707] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г Ф. 51. Оп. 13. Д. 192. Л. 48-68.

[708] Соловьев Ю.В. Указ. соч. С. 5

[709] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 438

веков 24 мая 1899 г. Эти чиновники доводили до сведения казенной палаты об обнаруженных случаях не привлечения к обложению государственным поземельным сбором, им могло быть поручено казенной палатой провести ревизию казначейства, принимать участие в местных коллегиальных учреждениях[710] и др.

В Москве в 1901 г. было 13 участков, на каждом из которых работал свой инспектор и его помощник (26 в губернии). Размеры участков определялись Министром финансов[711]. В каждом уезде Московской губернии служили один или два инспектора. Всего во время учреждения этой должности было предусмотрено 500 инспекторов на всю Россию. Количество участков явно не удовлетворяло потребностям, о чем свидетельствует, что уже в 1900 г. их число по империи было увеличено на 62[712], а в 1902 г. - на 101[713]. К 1910 г. участков в Москве было уже 18, а в том же году было принято решение увеличить их до 21. Управляющему казенной палаты П.Н. Кутлеру были «спущены» из Петербурга кандидатуры на новые вакансии, но он возразил директору департамента окладных сборов, предложив свои, мотивируя это тем, что «именно в интересах дела…представлялось наиболее желательным, чтобы в особенности на первых порах» его деятельности в Московской губернии была бы предоставлена возможность подбора хорошо известных сотрудников, за которых управляющий мог бы принять на себя полную ответственность». Однако все заверения П.Н. Кутлера никак не повлияли на решение и на должности назначили кандидатов, предложенных Петербургом[714]. В 1913 г. число податных инспекторов в Московском уезде достигло 44, из которых 25 приходилось на город Москву[715].

---

[710] ПЗРИ. 2-е собрание. Т. 19. Ч.1. С. 516.

[711] Там же.

[712] ПЗРИ. 2-е собрание. Т. 20. Ч. 1. С. 107.

[713] Там же Т. 22. Ч.1. С. 599.

[714] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 5. Д. 184.

[715] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 154.

Сами инспекторы назначались министром и относились к Департаменту окладных сборов, но при этом причислялись к Казенной палате. Любые сношения с министерством все равно проходили через управляющего, который осуществлял надзор за их деятельностью и производил ревизию их делопроизводства[716], так что их сложно назвать независимыми «ставленниками» центральной власти в губерниях. Положение о податных инспекторах предусматривало высокие требования к их образованию, прежде всего это должны были быть люди, «окончившие полный курс наук в одном из высших учебных заведений империи», имеющие опыт работы и прошедшие соответствую подготовку по налоговому делу, также было необходимо получить заверение от управляющего палатой о том, что кандидат на должность податного инспектора действительно способен выполнять свои обязанности[717]. При этом закон оставляет «лазейку», которая в «особо уважительных случаях» давала возможность назначить не более 6 человек без высшего образования, а также лиц, «проявивших выдающиеся способности и отличное знание податного дела». В Московской губернии можно сказать всецело соблюдалось это условие. Из просмотренных формуляров на 1 января 1900 г., 33 податных инспекторов и их помощников, 30 (90%) имели высшее образование, 1 – неоконченное высшее (3%), и 2 (6 %) человека получили среднее образование. Большая часть (17 человек (51%)) имели профессиональное образование, т.е. окончили юридические факультеты, а 8 (24%) человек имели техническое образование. 5 чиновников обучались в высших военных учебных заведениях (училища), а 1 - в среднем (кадетский корпус), что составляет 18% от общего числа рассматриваемых инспекторов и их помощников. Двое имели богословское[718] и историко-филологическое образование, составляя по 3% от общего числа. О характере образования 1 чиновника сведения отсутствуют. Одним из лиц

[716] Там же.

[717] Там же.

[718] Среднее – окончил Владимирскую духовную семинарию.

получивших среднее образование был Статский советник Мавровский Яков Матвеевич – «старый служака», которому в 1900 г. уже исполнилось 70 лет, за свою долгую службу[719] в Московской казенной палате он занимался акцизами по табаку, а также неоднократно получал денежные вознаграждения от начальства[720]. Так, что мы можем предположить, что именно для назначения таких служащих была сделана вышеупомянутая «лазейка» в законе. О другом чиновнике со средним образованием нет никаких примечательных сведений. Из 6 лиц, получивших военное образование, 5 сделали карьеру в военной сфере, доля чиновников с такой подготовкой среди податных инспекторов очень велика относительно общего числа военных в казенной палате и казначействах. Так среди просмотренных формулярных списков на 1900 г. общее количество военных составляло 9 (3%) человек[721], а среди податных инспекторов их 6, то есть более половины от общего количества военных в органах министерства финансов относились именно к податной инспекции, тогда как количество списков инспекторов составляет всего 12% от общего числа просмотренных. Податной инспектор Подольского уезда Статский Советник Ярыгин Владимир Павлович даже участвовал в боевых действиях во время Русско-турецкой войны и был удостоен звания штабс-капитана за осаду Карса 6 (18) ноября 1877 г., был награжден орденами за боевые заслуги: Станиславом 3 степени с мечами и бантом, Анной 3 степени и за отличную службу пожалован званием майора[722]. Сословный состав податной инспекции отражен в таблице № 11 в приложениях. Как видно, среди податных инспекторов и их помощников преобладали дворяне и дети чиновников, которые могли принадлежать к дворянству. Доля остальных

[719] В службу вступил в 1851 г.

[720] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 46.

[721] Следует пояснить, что под профессиональными военными подразумеваются люди, выслужившиеся выше вольноопределяющегося либо окончившие высшее военное учебное заведение.

[722] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 46.

сословий составляла 27,2%. Высокий образовательный ценз ограничивал все возможности непривилегированных сословий занять эту должность.

Податные инспекторы имели один из самых высоких уровней образования среди чиновников Московской казенной палаты, среди них было достаточно широко распространено юридическое образование. Именно институт податных инспекторов стал местом притяжения для тех немногих в казенной палате служащих, вышедших в отставку из вооруженных сил. Они были не только одной из самых образованных групп чиновников, но и пользовались особым доверием, так Архипов Сергей Павлович в свои 56 лет имел невысокий чин коллежского секретаря (X класс), но при этом он был командирован в качестве секретаря комитета по устройству кустарного отдела на Парижской Всемирной выставке 12 марта 1900 г.[723], разумеется, такую ответственную работу едва ли могли поручить плохо зарекомендовавшему себя служащему. Должность инспектора относилась к VI классу, по закону 1885 г. содержание было установлено в размере 1500 р. в год, из которых жалование составляло 900 р. Министр финансов мог поощрить сотрудника усилением вознаграждения до 1800 р.[724], такое содержание в Московской губернии получали 39% инспекторов, оно слагалось из жалованья, стволовых и квартирных. Так как характер работы требовал постоянных дорожных издержек, законом предполагались, разъездные[725], но судя по формулярным спискам в Московской губернии их никто не получал.

В 1913 г. сословный состав податных инспекторов изменился. Если в 1900 г. там преобладали дворяне, то в 1913 г. их серьезно потеснили дети чиновников, которые вместе с детьми священнослужителей стали составлять большинство (вместе 66%). Увеличилось количество представителей и других сословий: крестьян и мещан (см. таблица № 12 в приложениях). При этом уровень образования оставался на прежнем высоком уровне. 100% податных инспекторов

[723] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51 Оп. 13. Д. 47.

[724] ПЗРИ. 3-е собрание. Т. 5. С. 180.

[725] Там же.

имели высшее образование и окончили университеты империи (Варшавский, Петербургский, Харьковский и Московский). 13 человек (60%) имели юридическое образование. Д.И. Раскин, проанализировав биографии министров начала XX в., приходит к выводу, что такие должности, как податной инспектор являлись первой ступенькой к креслу министра или директора департамента[726].

Казенная палата состояла из 3 отделений[727], каждое из которых возглавлялось начальником. Для некоторой категории дел существовало Общее присутствие, в которое входил управляющий казенной палаты, его помощник и начальники отделений, в случае решения вопросов, не входящих в ведение Министерства финансов, в присутствии председательствовал Губернатор. Присутствуя на заседаниях, губернатор мог просто не разбираться в сложных финансовых вопросах. В.Ф. Джунковский пишет про заседание губернского по промысловому налогу присутствия: «я только хлопал глазами, соглашаясь с мнением управляющего казенной палаты, вернее, с докладчиками, и подписывал журнал»[728]. Присутствие занималось вопросами торговли, подрядов, поставок, выкупных платежей, уничтожением вышедшей из употребления гербовой бумаги уничтожением испорченных ассигновок и др.[729] Решение, несмотря на количество голосов, все равно принималось управляющим, начальники отделений имели лишь право совещательного голоса и могли подавать особые мнения[730]. Таким образом, мы можем согласится с тезисом Н.П. Ерошкина о том, что управляющий мог решать все дела практически единолично[731].

Нельзя полагаться только на штаты в вопросе определения общего числа чиновников, так как в Казенную Палату законом разрешалось принимать до 6

[726] Раскин Д.И. Указ. соч. С. 38.

[727] СЗРИ. Т. 2. С. 125.

[728] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 437.

[729] СЗРИ. Т. 2. С. 127.

[730] Там же. С. 130.

[731] Ерошкин Н.П. Указ. Соч. С. 247.

сверхштатных чиновников не дольше, чем на год, без жалования для выполнения особых поручений или для приготовления к занятию должностей[732]. Штаты не отражали численность канцелярских служителей и вольнонаемных писцов, определением их количества занимался Министр финансов[733]. Благодаря тому, что удалось обнаружить списки служащих Московской казенной палаты, мы можем с достаточной долей точности установить численность чиновников, но при этом допускается небольшая погрешность, так как при сопоставлении списков за разные годы было выявлено незначительное количество несовпадений. На 1900 г. в палате служило 132 человека, из которых 44 были канцеляристами. В московском губернском казначействе служило около 48 человек (16 канцеляристов), а в уездных казначействах -74, в том числе примерно 13 канцеляристов. Таким образом, общая численность чиновников Казенной палаты с казначействами составляла примерно 254 человека, включая 73 (71[734]) канцеляриста[735]. Кроме классных чиновников и канцеляристов можно выделить еще категорию писцов по вольному найму, которые не занимали классных должностей, в отличие от канцелярских служителей, не пользовались преимуществами по государственной службе. По приблизительным подсчетам их количество было около 36[736]. Они часто поступали на службу и уходили с неё, иногда они могли сделать карьеру чиновника. Кроме того, в казначействах значительную часть персонала представляли присяжные счетчики, следившие за сохранностью денежных средств, в уездных казначействах, как правило, их было по 6-7 счетчиков, в губернском в 1900 г. их числилось 20 (всего 92)[737]. Присяжные счетчики не относятся к предмету нашего исследования, так как их нельзя причислить к чиновникам. Общее число списков, выявленных за 1900 г.,

[732] ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 41. Ч.1. 1866. С. 594.

[733] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 20. Ч.1. 1900. С. 701.

[734] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 45. Л. 28.

[735] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 42.

[736] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 45. Л. 28.

[737] Там же.

составляет 295, включая писцов и счетчиков, число формуляров пригодных для статистики составляет 253, включая писцов (7), которые также учитываются в статистике, так как их можно расценивать как начинающих чиновников. За 1913 г. зафиксировано 458 (без учета вольнонаемных писцов) чиновников и канцеляристов[738], за 13 лет численность чиновников увеличилось почти в два раза. На 31 декабря 1913 было выявлено 362 формулярных списка (включая присяжных), из которых выборка составила 298 человек.

Как можно видеть из таблицы № 13 в приложениях, господство по-прежнему сохранялось за дворянством и духовенством – по 68 (27%) человек, на втором месте находились дети профессиональных чиновников – 44 (17,4%). Последняя категория во многом смыкалась с дворянством и священнослужителями. Другая крупная категория – обер-офицерские дети, в которые входили дети, родившиеся до получения их отцами потомственного дворянства, т.е. сословие во многом схожее с такими категориям, как дети военных и дети чиновников, так как их родители добились своего положения исключительно благодаря их профессиональной деятельности. На V-VII классных должностях преобладали дворяне, но при этом они равномерно распределялись между всеми классами должностей, кроме самого низкого XIV – на нем привилегированное сословие задерживалось не долго. Доля крестьян по сравнению с другими группами ничтожно мала. При этом один крестьянин, Николай Григорьевич Петров, все-таки проник на должность VI класса податного инспектора, благодаря образованию, он закончил Московский университет на физико-математическом отделении[739]. Другой крестьянин вопреки закону 1866 г., Клементьев Николай Иосифович, занимал должность VIII класса бухгалтера Коломенского казначейства, был сыном бывшего дворового и совершенно не имел никакого выдающегося образования – не окончил духовное училище и не имел чинов. Самое удивительное, что в 1913 г. он уже стал казначеем

[738] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 154.

[739] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 46.

Коломенского казначейства и получил орден Станислава 3 степени[740]. Можно предположить, что это был человек достаточно высоких природных способностей, либо обладал карьеристской хитростью. Но при этом основная масса крестьян не только не поднималась выше IX класса, как того предписывал закон, но и не получала чинов.

В связи с демократизацией государственной службы в 1906 г.: всем российским подданным безразлично от их происхождения, за исключением инородцев, были предоставлены одинаковые в отношении государственной службы права[741]. Были сняты ограничения при поступлении на службу с крестьян и бывших податных сословий.

По таблице № 14 (см. приложения) видно, что за короткий период в 13 лет доля дворян упала более чем в два раза, составив 34 человека (11%), доля же крестьян возросла в 6,5 раз. Крестьянский элемент существенно вытеснил и другие сословия, которые в отличие от дворян продолжают сохранять свои позиции. Дети священнослужителей – 54 (18,1%) и дети профессиональных чиновников – 52 (17,4%), а обер-офицерские дети по численности занимают первое место – 78 (26%). Должность V класса (управляющего палаты) по-прежнему остается за представителем из дворян, хотя как указывалось выше, это заслуга скорее образования, чем происхождения. Среди других классов дворяне практически полностью потеряли свое господство. Следует также упомянуть, что многие дети чиновников фактически являлись дворянами, об этом есть некоторые свидетельства. Например, Шумский Евгений Николаевич числился как сын чиновника, но из его формулярного списка известно, что он являлся сыном Статского Советника[742], т.е. еще его отец должен был быть пожалован потомственным дворянством. К тому же он был зачислен в 1 разряд канцелярских служителей, куда попадали только потомственные дворяне. Некоторые

[740] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 48.

[741] СЗРИ. Т. 2. С. 126.

[742] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 192. Л. 21-23.

служащие, поступая в службу, порывали и с сословными организациями, кассир 1 разряда Московского казначейства Некрасов Алексей Алексеевич был исключен из мещанского общества[743], бухгалтер 1 разряда того же казначейства Савин Лука Евгеньевич 31 января 1908 г. был исключен из крестьянского общества[744]. Такие служащие начинали свою карьеру вольнонаемными писцами, так как не могли попасть в канцелярские служители по происхождению. При этом, как указывалось в предыдущей главе, достаточно распространенной служебной карьерой для служащих из крестьян или мещан было, когда они поступали вольнонаемными писцами, иногда занимали какие-то классные должности без чинопроизводства, по которым это допускалось законом, а после указа 5 октября 1906 они начинали считаться состоящими на государственной службе. И старшинство их чинопроизводства считалось с этой даты. Похожая карьера была у Зайцева Василия Ивановича, который 5 мая 1901 начал службу в качестве писца Можайского казначейства, 13 января 1907 г. он была зачислен в канцелярские служители, но старшинство его службы отсчитывалось от 5 октября 1906 г. К 1913 он уже имел чин губернского секретаря и должность бухгалтера 1 разряда Коломенского казначейства[745].

Таким образом, в ведомстве Министерства финансов Московской губернии постепенно возрастало преобладание бывших податных сословий. Дворянство вытеснялось под давлением других социальных групп. Духовенство продолжало сохранять свои позиции благодаря начальному и среднему образованию, которое дети священнослужителей получали в богословских заведениях на льготных условиях.

В подчинение у казенной палаты находились губернское и уездные казначейства. Н.П. Ерошкин отмечает рост значения уездных казначейств во второй половине XIX в.: губернские казначейства превратились в расходные

[743] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51 Оп. 13 Д. 130. Л. 160-162.

[744] Там же. Л. 197-198.

[745] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 111. Л. 237-238.

кассы, а уездные — в приходные[746]. Именно в казначействах находились кредитные билеты, золото, серебряная и медная монета, числящаяся на балансах государственного Банка, а также поступления государственных доходов, специальных средств и депозитов[747], тогда как казенная палата никаких доходов не получала и не хранила[748]. Средства поступали как прямо от плательщиков, так и от учреждений, назначенных для их сбора. Кроме того, казначейства занимались пересылкой различных сумм, продажей гербовой бумаги, выдачей разнообразных акцизных свидетельств и др.[749]

По уровням эти учреждения разделялись на губернские и уездные. Губернское казначейство было более многочисленным и его штат значительно отличался от аналогичного органа в уезде. Тем не менее, и те, и другие возглавлялись казначеем, который подчинялся казенной палате, куда он отправлял рапорты и донесения, с другими присутственными местами переписка шла в виде сообщений[750]. Летом 1900 г. были приняты новые штаты казначейств, установившие их разряды, которые определялись исходя из количества финансовых операций в уезде[751]. От разряда зависело жалование чиновников. Наиболее существенные различия в классах и составе должностей были между 1-4 и 5-7 разрядами, так в первой группе предполагались должности журналиста, письмоводителя и старшего кассира. К 1-4 разрядам относились Московское губернское казначейство, а также Коломенское и Серпуховское уездные казначейства. Последние два уезда отличались от других по уровню экономического развития, о котором можно косвенно судить по разряду казначейств.

---

[746] Ерошкин Н.П. Указ. Соч. С. 247.

[747] СЗРИ. Т. 2. С. 133.

[748] Там же. С. 129.

[749] Там же. С. 133.

[750] Там же. С. 132.

[751] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 20. Ч.2. 1900. С.262-264.

На начало XX в. в Московской губернии насчитывалось 13 уездов, в которых располагалось 12 уездных и одно губернское казначейство. 28 мая 1911 г. было учреждено еще одно казначейство в Сергиевом посаде[752], которое было отнесено к 6 разряду. Причинами для образования нового учреждения стали: неудобная связь с уездным городом Дмитровом, из-за чего средства отправлялись в Москву, рост предприятий с крупным денежным оборотом и привлекательность городского поселения для паломников, которых с каждым годом становилось все больше. Трудность с образованием нового казначейства была связана с поиском временного помещения. Изначально Троице-Сергиевская лавра предложила разместить казначейство в своем здании странно-приемной гостиницы, но этот вариант был признан неудобным, и у местных купцов Сергея и Тихона Серебренниковых арендовали дом. На первых порах столкнулись со сложностью охраны казначейства, так как не хватало присяжных счетчиков для нового казначейства. Примечателен эпизод заседания Хозяйственно-распорядительной Комиссии Московской казенной палаты 20 июня 1911, на котором распределяли новые должности. По вопросу о кандидатуре на должность старшего бухгалтера мнения разделились между тремя кандидатами, председатель комиссии раскритиковал двух кандидатов, а третьего представил управляющему для назначения[753].

В казначействе вся исполнительная власть принадлежала казначею, все остальные служащие были лишь подспорьем ему. Он должен был отчитываться перед Казенной Палатой и многие операции (сложение недоимок, отсрочки платежей и др.) мог осуществлять только с ведома палаты. Казначей, как должность, связанная с обращением денежных средств, при вступлении в должность, обязан был дать подписку, что без дозволения, не будет злоупотреблять положением и производить от себя, жены или детей какие-либо незаконные финансовые операции. Выше уже приводился случай, когда 29 июля

[752] Там же. Т. 31. Ч. 1. 1911. С. 434.

[753] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 5. Д. 181. Л. 1-142.

1899 Министр финансов циркуляром сообщил, что наличие родственников является причиной злоупотреблений и просит не допускать родственников казначеев, их помощников и бухгалтеров.

Одним из средств контроля за деятельностью казначейств было «срочное свидетельство», которое проводилось под присмотром Общего присутствия из заседателей местных дворянских Опек и полицмейстера или уездного исправника[754] регулярно в установленные сроки, также проверка могла нагрянуть и внезапно в лице чиновника от министерства финансов, управляющего казенной палаты и лично губернатора. Если проверка выявляла какие-либо недостатки в работе канцелярской части или в счетоводстве, то она устраняла их на месте, в случае же недостачи «казенных сумм или имуществ» казначей отстранялся от должности[755]. Из всех должностей казенной палаты казначей более других находился под пристальным вниманием и контролем со стороны начальства. Общему присутствию предписывалось не только следить за сохранностью средств, но и обращать внимание на образ жизни и поступки казначея, за недостачи он отвечал собственным имуществом, также в случае недостачи средств могли поплатиться частью жалования и чиновники, производившие освидетельствование, все органы, включая Казенную палату, в случае их явного потворства, могли быть признаны соучастниками. За растрату средств по уложению о наказаниях, в зависимости от суммы, виновный мог быть заключен в тюрьму, отрешен от должности, а в случае если сумма превышала 300 рублей, то он лишался всех преимуществ по состоянию и отдавался в испытательные арестантские отделения[756].

Как видно из таблицы № 15 (см. приложения) преобладающей сословной группой в 1900 г. в казначействах были чиновники из обер-офицерских детей (25%) и дети священнослужителей (24%). При этом доля дворян была не так

[754] СЗРИ. Т. 2. С. 136.

[755] Там же.

[756] СЗРИ. Т. 15. С. 43.

велика и примерно равнялась доле детей чиновников 15 % и 13 % соответственно. При этом тоже самое соотношение наблюдается и среди казначеев 5 (42%) из Обер-офицерских детей, 4 (33%) – духовенства, 3 (25%) - из дворян. При этом казначей Московского Губернского казначейства, которое не было включено в эту статистику, являлся дворянином. Из этих данных можно сделать вывод, что дворяне не сильно стремились в уездные органы министерства финансов Московской губернии.

Специфической группой служащих казначейств, которые не включены в статистику, были присяжные счетчики. Они пополнялись из среды бывших военных, из крестьян и мещан, часто имели дома в городах, где служили. Это были очень важные кадры для казначейств, особенно в тех уездах, где ощущался недостаток полицейской стражи, и не было военного постоя. Казначейства очень неохотно командировали своих присяжных, ссылались на загруженность их работами, нехватку персонала. Присяжные счетчики были привязаны к своему месту жительства. Так, например, по сведениям из Можайского уезда счетчики проживали в ближайших окрестных деревнях, занимались сельским хозяйством, что давало им, обремененным большими семействами, возможность существовать, поэтому переход на службу в другой город ставил их в крайне затруднительное материальное положение[757].

Таким образом, казенная палата несла в себе все недостатки присущие в целом бюрократической системе Российской империи - излишняя централизация, бюрократизация и волокита. В начале XX в. активно шел процесс вытеснения привилегированных сословий, в учреждениях Министерства финансов этот процесс проявлялся особенно ярко, из-за нужды в квалифицированных кадрах. Дворянство более не могло удовлетворять эту потребность. Государство было вынуждено развивать систему образования и снимать барьеры на пути к государственной службе. При этом, как видно из анализа уровня образования

[757] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 5. Д. 181. Л. 105.

(Глава 2. §3.), в органах министерства финансов начала XX в. он снизился. Как отмечает Я.В. Соловьев, отток из финансового ведомства молодых образованных специалистов обусловливался традиционно низким жалованием, при том, что финансовые чиновники могли легко устроится на коммерческую службу[758]. Но также можно предположить, что это было вызвано разбавлением числа служащих представителями непривилегированных сословий.

[758] Соловьев Я.В. Бюрократический аппарат Министерства финансов в пореформенную эпоху // Вопросы истории. 2006. № 7. С.22.

§ 4 Медицинские чиновники Московской губернии

Врачей часто не относят к чиновникам, так как род их деятельности совсем иной, чем у «классического» бюрократа. Но, так как в начале настоящей работы было указано, что чиновниками мы будем считать лиц, пользующихся правами государственной службы, имеющих чин и пользующихся другими преимуществами государственной службы, то и врачи попадают в эту категорию.

Как и многие другие чиновники, врачи относились к МВД, в составе которого существовали медицинский совет, ведавший цензурой медицинских сочинений, рассмотрением и испытанием медицинских открытий на практике, изданием инструкций для медицинских и аптекарских чиновников и др.[759] В Российской империи врачи образовывали достаточно замкнутую и привилегированную касту, внутри слоя государственных служащих. Замкнутость этой группы отражается даже в факультетском обещании врача: «Принимая с глубокою признательностью даруемые мне наукою права врача и постигая всю важность обязанностей, возлагаемых на меня сим званием, я даю обещание в течение всей своей жизни ничем не помрачать чести сословия, в которое ныне вступаю»[760].

Врачи могли пользоваться правами гражданской службы, как и другие чиновники, получали чины, могли получить награды, а также пользовались правом на пенсию. Следует обратить внимание, что даже в работах современников мы находим упоминания об этом моменте. Так, например, Г.А. Коваленко, критикуя врачей, пишет о том, что став чиновниками они стали ставить карьерные устремления и корпоративные интересы выше своих обязанностей[761]. При этом, стоит сказать, что не все врачи пользовались правами государственной службы, а только состоящие в определенных государственных

---

[759] Сборник кратких сведений о правительственных учреждениях. СПб.: В Типографии Департамента Уделов, 1889. С.158-159.

[760] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф.1. Ф. 4. Оп. 3.

[761] Коваленко Г.А. Врачи и общество. СПб.: Медицинский журнал, 1905. С. 47.

учреждениях, к ним относятся городские больницы, полицейские учреждения, государственные учебные заведения (училища, гимназии, университеты) и др. Кроме того, чиновниками в полном смысле слова были те врачи, которое состояли в присутствиях по воинской повинности, медицинском отделении губернского правления.

Врачи имели высокий социальный статус в Российской империи, хотя уважительное отношение к «людям в белых халатах», характерно вообще для всех эпох. Но до революции огромную роль в положении человека в обществе играли такие формальные, неэкономические элементы, как чины и награды. По мнению некоторых современников, принадлежность врачей к чиновничеству проявилась в погоне за служебными привилегиями и поощрениями: «Еще одно обстоятельство стало усиленно интересовать врачей в земстве: получение чинов. Врачи имеют привилегию, состоя на земской службе, числиться якобы на государственной и получать чины. Когда-то врачи этим пренебрегали, но затем нравы изменились, и врач-чиновник стали обычным явлением»[762]. Автор публицистического очерка считает, что это серьезно снизило качество их работы, они уподобились «канцеляристам, или другим людям, неудовлетворенным своим делом, и только ради получения куска хлеба влекущими свою служебную лямку, как неизбежное зло». Кроме того, обращаясь к той же работе Г.А. Коваленко можно заметить, что у врачей появилась какая-то особая спесь: «Вероятно, врачи надели форменные фуражки – для более удобного «общения с народом», для лучшего выполнения «Культурной миссии… как - никак, а все же мужики шапки снимают и низко кланяются, видя кокарду…»[763]. Разумеется, все эти выводы отражают только одну грань. В Московской губернии в конце XIX - начале XX в. врачи продолжали пользоваться уважением. Так, например, известный Московский деятель общественного управления Н.И. Астров в своих

[762] Там же.

[763] Там же.

воспоминаниях описывал случаи, когда его отец не подвергался ограблению, лишь потому что нападавшие признавали в нем врача[764].

Как уже указывалось выше, к началу XX в. не представлялось возможности заместить все должности дворянами, это заставляло прибегать к привлечению на врачебные должности самых широких слоев населения. Правами на поступление на гражданскую службу по образованию пользовались сыновья докторов медицины, лекарей, магистров фармации, магистров ветеринарных наук, провизоров и ветеринаров[765]. По происхождению сыновья лекарских учеников и фельдшеров имели право на поступление в государственную службу в канцелярские служители 3-го (самого низшего) разряда. Как уже упоминалось выше, медицинское образование открывало путь к гражданской службе для многих лиц, лишенных этого права по национальному признаку, например, евреев. По медицинской и фармацевтической частям могли быть определены иностранцы[766], несмотря на то, что последние фигурировали в числе лиц, не допускавшихся на службу.

В Российской империи признавалось два основания для поступления на государственную службу: по происхождению и по образованию. Врачи, конечно, относятся в первую очередь к последней категории. Это давало им определённые преимущества над теми чиновниками, которые начинали восхождение по служебной лестнице по происхождению. Однако права медиков были такими же как у других лиц, имеющих высшее образование. Так доктор медицины и хирургии и доктор медицины пользовался правами VIII класса, магистры фармации и магистры ветеринарных наук - пользовались преимуществами IX класса (титулярный советник), Зубные врачи, провизоры, ветеринары - X класса (коллежский секретарь), аптекарские и ветеринарные помощники и дантисты - XIV класса (Коллежский регистратор). Вообще образование врача давало

[764] Астров Н.И. Указ. соч. С. 119.

[765] СЗРИ. Т. 3. С. 3.

[766] Там же. С. 7.

значительные преимущества при получении чинов непривилегированными сословиями. И.П. Чулков происходил из мещан, поступив в медицинский департамент в 1890 г. к 23 июля 1896 г. он получил чин титулярного советника, а 18 ноября 1905 г. уже стал статским советником[767]. Для получения такого чина по происхождению в других ведомствах, ему бы потребовалась целая жизнь. При этом стоит сказать, что это относится не ко всем медицинским работникам, а только к тем, кто имел высшее образование. Старший фельдшер Московской 2-ой городской больницы А.В. Минин не был утвержден в чине коллежского регистратора (хотя занимал должность 10 лет), так как его должности не было присвоено класса[768]. Однако по должности он пользовался правами государственной службы и даже был внесен в наградной список от Московской 2-ой городской больницы[769].

Медицина являлась способом профессиональной реализации для женщин, так как именно в этой сфере (а еще и в сфере образования и некоторых других) они получали возможность занять должность в государственных местах, чаще всего женщины не пользовались правами государственной службы и были лишены карьерного роста и могли претендовать лишь на низшие должности[770]. Но получив диплом на звание лекаря, они получали право на медицинскую деятельность и службу, кроме прав на чинопроизводство. Женщины врачи могли работать в качестве специалисток по женским и детским болезням, например, в женских институтах, гимназиях, родовспомогательных заведениях и детских больницах. Они могли быть допущены к заведыванию земскими медицинскими участками и всеми медицинскими учреждениями, которые находились в этих участках. Кроме того, женщина-врач могла выполнять функции помощницы

[767] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 1. Оп. 4. Д. 3.

[768] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 179. Оп. 50. Д. 769.

[769] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 80. Д. 206. Л. 50-55.

[770] СЗРИ. Т. 3. С. 40.

судебного врача при проведении судебно-медицинского освидетельствования женщин и детей в судах.

При этом существовал ряд ограничений. Женщины-врачи не допускались к заведыванию в городах общими больницами и мужскими отделениями больниц, они не привлекались к работе в присутствиях по воинской повинности[771]. В Московской губернии подавляющее большинство врачей были мужчинами. Так, например, из всех медицинских чиновников при учебных заведениях Министерства народного просвещения (всего 100) в Московской губернии в 1906 г. было выявлено только 4 женщины-врача. 2 из них закончили женские курсы при Николаевском военном госпитале, это заведение, которое по закону давало право женщинам занимать штатные места, две другие женщины получили образование за границей: в Бернском университете и в Париже на медицинском факультете[772].

Кроме врачей, женщинам были доступны акушерские и фельдшерские должности в женских лечебных заведениях, а также должности повивальных бабок, которые также могли пользоваться правами государственной службы. Например, повивальная бабка, при предоставлении соответствующего аттестата исключается «немедленно из податного состояния, в коем числился»[773].

Медицинские чиновники в городах и уездах были представлены уездными врачами. На уезд предполагался один уездный врач[774] (В Московском уезде - 3[775], так как этот уезд был самым крупным в России в начале XX в.). Звание уездного врача давалось после окончания высшего учебного заведения. Для этого будущие врачи подвергались испытаниям. Уездный врач – это учено-служебное

[771] СЗРИ. Т. 13. С. 182-183.

[772] Список врачей служащих в учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения на 1906 г. СПб.: Типография Акционерного Общества «Слово», 1906. 586 с.

[773] СЗРИ. Т. 13. С. 205.

[774] Там же. С. 180.

[775] Там же. С. 186.

наименование, также врачи имели и учено-практические степени, к которым относились начальная степень – лекарь, а также доктор медицины и доктор медицины и хирургии. Большая часть врачей имели степень лекаря и звания уездного врача. Фармацевты в учебном заведении могли приобрести звание и степени аптекарских помощников, провизоров, магистров фармации, в данном случае степень фактически являлась должностью. Тоже самое было у ветеринаров, которые разделялись на ветеринарных помощников, ветеринаров и магистров ветеринарных наук[776]. Оценка за испытание на степени и звания ставилась либо удовлетворительно, либо неудовлетворительно. Получивший неудовлетворительную оценку мог повторно пройти испытание через 3 месяца или через полгода со сдачей всех предметов[777]. Для обсуждения всех дел, касающихся врачебной части, при уездной управе состоял санитарный совет, в состав которого кроме уездных земских врачей, входило 6 гласных, избранных уездным земским собранием, попечители земских лечебниц, санитарные врачи – городского и губернского земства, врачи земско-фабричных лечебниц и ветеринарные врачи. В Московской губернии на безвозмездной основе проводилось прививание оспы, с этой целью земские врачи посещали каждое село[778].

Врачам предоставлялись широкие возможности для усовершенствования своих знаний, для этих целей их могли откомандировать к клинике или больнице, а также за границу[779]. Например, И.П. Чулков 1 марта 1890 г. поступил сверхштатным младшим медицинским чиновником при медицинском департаменте, также он состоял ординатором при клинике венерических

[776] Там же. С. 252.

[777] Там же. С. 254.

[778] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 92. Д. 26. Т. 2. Л. 34.

[779] Там же. С. 182.

болезней, где работал без жалования. Для усовершенствования в науках он был откомандирован в МГУ, там ему было назначено содержание 500 р.[780]

Губернатор и градоначальник своей властью могли назначить сверхштатных врачей в города на казенное содержание с правами государственной службы[781]. Кроме того, медицинские чиновники V и VI классов назначались непосредственно Министерством внутренних дел. При увольнении, назначении на должность, переводе сверхштатных врачей на государственную службу составлялись специальные протоколы за подписью губернского врачебного инспектора и подавались губернатору на утверждение[782].

Контроль за городскими больницами, окружными и сельскими лечебницами, тюремными лазаретами и другими гражданскими медицинскими учреждениями производил лично губернатор[783]. Также начальник губернии своей властью разрешал дела об определении и увольнении городовых и уездных врачей и фармацевтов[784]. Медицинской частью заведовало губернское правление, в составе, которого состояло медицинское отделение.

В Московской губернии начальником врачебного отделения был доктор медицины Василий Михайлович Остроглазов. Он занимал эту должность с 1885 г. и дослужился до чина тайного советника. Начальник врачебного управления присутствовал в Московском комитете для устройства фабрик и заводов, также он распределял обязанности между уездными врачами, предварительно утверждая у губернатора[785]. В.Ф. Джунковский описывает его как «упрямого старика, находившего, что все у него идет очень хорошо, рутинер, бумажный чиновник, умевший хорошо отписываться». В.М. Остроглазова на этой

[780] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 1. Оп. 4. Д. 3.

[781] СЗРИ. Т. 13. С. 182.

[782] Там же. С. 183.

[783] СЗРИ. Т. 2. С. 33.

[784] Там же. С. 60.

[785] Там же. С. 186-187.

должности сменил П.И. Кольский – «очень честный хороший человек», но «не талантливый, серенький», не способный оживить управление[786]. Отдельно губернатор выделяет непременного члена врачебного управления Н.Я. Суслова, «очень скромный, незаметный, но поистине труженик»[787].

При начальнике отделения состоял инспектор врачебного управления, в 1900 г эту должность занимал Петр Иванович Зарин[788], в его обязанности входило неоднократно в течение года обозревать все больничные заведения в губернии и представлять рапорты об этом в Министерство внутренних дел, также инспектор был обязан участвовать в заседаниях губернских земских собраний, губернских комитетов, городской думы и др.[789] В управление врачебной частью в Москве входили старший врач московской полиции, непременные и совещательные члены врачебного управления, фармацевт и делопроизводитель с помощником[790]. Губернскому медицинскому управлению подчинялись все медицинские чиновники губернии. Кроме того, врачебное управление устанавливало контроль над аптеками, если в аптеке нарушались нормы приготовления лекарств, управляющему заведением выносилось предупреждение. В.Ф. Джунковский отмечает, что это становилось поводом для многочисленных злоупотреблений и взяточничества[791]. Также управление разрешало продажи разнообразных косметических средств. Изучался состав вещества, после чего выдавалось удостоверение о безвредности продукции. Импортная косметика, напитки, минеральные воды, привозимые из-за границы, все это проходило проверку. Кроме того, чиновники медицинского управления проводили освидетельствования различных групп лиц: больных чиновников, сумасшедших,

---

[786] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 433.

[787] Там же. С. 434.

[788] Список лиц, служащих по ведомству МВД в губерниях, областях и градоначальствах. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1900. С. 318.

[789] СЗРИ. Т. 13. С. 180.

[790] Там же. С. 186.

[791] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 433.

раненных военных и других чинов, просящих пенсию, а также арестантов на предмет возможности работать и др.[792] «Освидетельствование … проходило по четвергам в особом присутствии врачебного управления, состав коего был предусмотрен в законе. Помимо врачей в него входили судебные власти в лице председателя суда и прокурора, предводителя дворянства в случае освидетельствования дворян, представителя сиротского суда и др. Освидетельствование проходило в зале заседания губернского правления, куда привозили больных, и только в случае невозможности по состоянию здоровья привезти больного все присутствие отправлялось на квартиру больного или в ту больницу, в которой он находился»[793].

В.Ф. Джунковский отмечал, что во врачебном управлении его поразила «рутина, граничащая с небрежностью». «Заседания особого присутствия происходили не регулярно, а по мере накопления дел, а если предстояли поездки на квартиру бального или в больницу, то выжидали удобного времени, чтобы не ездить из-за одного больного в больницу, а ждать, когда их будет несколько, и т.д.» Сотрудники управления относились «формально» к запросам историй болезни, «не торопились пересылать их»[794].

Для надзора за больницами гражданского ведомства (кроме больниц, принадлежащих ведомству императрицы Мари) в Москве существовал особый инспектор московских больниц, он подчинялся непосредственно генерал-губернатору, а назначался и снимался с должности высочайшим приказом[795]. В его обязанности входило несколько раз в год проводить осмотр московских больниц.

Таким образом, можно говорить о том, что несовершенство губернских учреждений оставляло свой след на деятельности чиновников врачебных

[792] СЗРИ. Т. 13. С. 178-179.

[793] Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 434.

[794] Там же.

[795] СЗРИ. Т. 13. С. 187.

учреждений. Значительный контраст с врачами, заседавшими в различных органах власти, представляли врачи-практики, многие из них продолжали проявлять живой интерес к своей профессии и совершенно не превратились в равнодушных канцеляристов, как об этом писал Г.А. Коваленко в приведенной выше цитате.

Н.И. Астров передает рассказы известного московского доктора, который занимался лечением душевнобольных, Н.П. Страхова: «Среди новой жизни остались еще в изобилии темные углы полные старого, еще не выметенного сора и мусора. Дореформенные порядки и нравы еще сказывались повсюду и, в особенности, в наших старозаветных учреждениях, перешедших к городу из Приказа общественного призрения, как Матросская богадельня и Преображенская больница»[796]. Н.П. Страхов был одним из старейших московских врачей, 9 июня 1900 г. исполнилось 50 лет со дня утверждения его в степени лекаря, в начале XX в. он занимал должность старшего врача Екатеринского богаделенного дома. С 14 декабря 1876 г. он состоял ординатором Преображенской больницы, с 15 февраля 1888 г. в должности старшего врача Екатерининского богаделенного дома, все время заведовал лечением душевнобольных. Судя по всему, именно к этому периоду относится приведенная Н.И. Астровым цитата. Кроме того, Н.П. Страхов бесплатно нес службу по Лефортовской и Басманной частям города Москвы в качестве врача для бедных Человеколюбивого общества. «Состоя ординатором в Преображенской больнице, выделялся среди своих сослуживцев особо гуманным отношением к названным больным, живым интересом к только нарождавшейся тогда отрасли медицины – психиатрии и настойчивым стремлением к проведению в жизнь вырабатываемых ею положений»[797].

Медицинский персонал играл немаловажную роль и в органах полиции. При каждом полицейском участке Москвы имелся приемный покой, который

[796] Астров Н.И. Указ. соч. С. 133.

[797] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 200. Д. 21. Л. 169-175.

обслуживали врачи и фельдшеры. Они подчинялись не только Московскому врачебному управлению, но и Обер-полицмейстеру, а когда эта должность была упразднена, то - градоначальнику. Главой врачебно-полицейского управления был старший врач, под его началом находился весь штатный персонал управления: полицейские врач, повивальные бабки и фельдшеры. Кроме штатных должностей существовали и сверхштатные с правами государственной службы, они отбирались Обер-полицмейстером и назначались Министром внутренних дел. Штатный персонал отбирался старшим врачом и назначался генерал-губернатором по представлению начальника полиции[798]. Медицинские служащие полиции также представлялись к чинам. В 1899 г. по московской городской полиции представлялись к производству в следующий чин статского советника В. фон-Беккер и С. Шепетилов и штатный акушер И. Юрасовский – к чину надворного советника[799].

Также врачи служили в учебных заведениях. Они могли получать жалование как из казны, так и из средств земств, городских обществ, сословий или частных лиц[800]. Врач занимался освидетельствованием учеников и следил за здоровьем учащихся. Например, в учительском институте, поступающие осматривались врачом для выявления имеющихся телесных недостатков, которые могли препятствовать выполнению обязанностей учителя[801]. В гимназиях врачи также следили за соблюдением гигиенических условий в помещениях, свои замечания они представляли педагогическому совету для обсуждения[802]. При этом жалование врача в учебном заведении Министерства народного просвещения было ощутимо ниже по сравнению с зарплатами в больницах, где ординатор мог получать 1200 р. в год, в то время, как жалование

[798] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 1. 1881. С. 59 -60.

[799] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 198. Д. 18.

[800] ПСЗРИ. Собрание второе Т. 47. Ч. 1. 1872. С. 728.

[801] Там же С. 734.

[802] ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 46. Ч. 2. 1871. С. 92.

врача учительского института[803] или прогимназии[804] составляло всего лишь 300 р. в год, хотя обе должности были положены в VIII классе. При этом можно предположить, что работа врача в больнице намного более интенсивная, чем при учебном заведении. Владимир Никитович Кулигин, который служил врачом-хирургом в Егорьевской городской земской больнице, к 42 годам успел поучаствовать в военных действиях на Дальнем востоке во время Русско-японской войны, был земским врачом в Харьковской губернии, состоял преподавателем в Тобольской фельдшерской школе и одновременно тобольским санитарным врачом, с 1910 г. стал хирургом вышеупомянутой больницы, штатным врачом Егорьевского училища, с 1914 – врачом Егорьевской гимназии. В период с 1906 по 1908 гг. служил госпитальной хирургической службе Московского университета, где проводил свою научную работу. Несмотря на совершенно нехарактерную для чиновников деятельность, своей службой этот человек получал чины наравне с другими государственными служащими. Всего Кулигин с 1911 по 1917 гг. провел 1532 операции и получал дополнительную плату за занятие хирургией сначала 300 р., а затем 600 р. в год[805]. Сложно оценить загруженность работой хирурга начала XX в. Судя по характеру операций, в условиях работы небольшой земской больницы практически отсутствовала специализация. Все операции различны по сложности, поэтому нельзя считать их равноценными друг другу.

В начале XX в. в Москве функционировало большое количество больниц. По законам Российской империи все больничные заведения делились на три типа: больницы под высочайшим покровительством, больницы ведомства Министерства внутренних дел и военные врачебные заведения военно-сухопутного, военно-морского и других ведомств. Больницы могли существовать из казенных средств или из средств благотворителей. Но даже уставы частных

[803] ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 47. Ч. 3. 1872. С. 281.

[804] ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 49. Ч. 3. 1874. С. 175.

[805] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 1. Оп. 3. Д. 210.

больниц должны были пройти предварительное утверждение губернатора и местного врачебного управления, а затем быть принятыми центральной властью. Например, 19 апреля 1885 был утвержден устав больницы братьев Петра, Александра и Василия Бахрушиных в Москве для больных хроническими болезнями. Бахрушины происходили из личных почетных граждан и являлись известными благотворителями, на их средства и была открыта больница, также она получала ежегодное финансирование от процентов пожертвованного капитала. По уставу в больнице значилось 200 кроватей, по этому показателю больница относилась ко 2-ому классу. На общем основании больница подчинялась столичному и медицинскому начальству. Всеми кадровыми перестановками внутри больницы занимался совет из 4 попечителей и директора больницы, должность которого занимал главный доктор[806]. В уставе не указано, имели ли врачи больницы братьев Бахрушиных права государственной службы, но Василий Титович Попов был назначен с этими правами на должность врача ассистента в эту больницу с 5 октября 1893 г[807].

П.И. Кузьмин с 29 октября 1889 г. состоял врачом при больнице фабрики товарищества мануфактур Людвига Рабенек и 15 ноября 1899 он был произведен в Коллежские советники, но жалование ему выплачивал владелец фабрики[808].

Некоторые больницы Московской губернии были настоящими научными центрами. Например, Московская глазная больница служила базой для клинического преподавания офтальмологии. С 1846 по 1892 г. больница была глазной клиникой Московского университета, в ней преподавали известные профессора. С 1905 г. ординатор больницы Н.Г. Правосуд, имевший степень доктора медицины, проводил занятия со студентами по оперативной хирургии. Главным врачом больницы с 1897 по 1911 гг. был талантливый администратор и

[806] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 5. 1885. С. 163-167.

[807] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 179. Оп. 50. Д. 755. Л. 12-13.

[808] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 1. Оп. 4. Д. 264.

врач С.Н. Ложечников, благодаря его работе удалось существенно улучшить материальное положение больницы[809].

Известно, что и многие другие больницы имели в штате врачей, пользовавшихся правами государственной службы. Александровская больница обратилась к генерал-губернатору по поводу производства в чины К.Бари и И.Ганнушкина. В деле указывается, что «документы лекаря… приложены были при представлении к удовлетворению его на должность ординатора больницы, с правами государственной службы 4-го марта 1897 г.»[810]. Если врач поступал на службу в больницу, то его определением занимался попечительский совет этой больницы. Московский генерал-губернатор являлся почетным попечителем больницы имени Александра III, поэтому совет больницы ходатайствовал перед главным начальником о производстве врачей в чины. Генерал-губернатор направлял ходатайство в медицинский департамент Министерства внутренних дел. Затем приказ о производстве в чины объявлялся по гражданскому ведомству, как и для других чиновников.

Назначением на должности врачей городских больниц ведала управа (с утверждения губернатора). Главный врач больницы обращался к управе с просьбой назначить того или иного врача. Врачи-экстерны Н.Е. Хлебников и А.В. Бекетов были назначены в Сокольническую больницу «без содержания и без прав государственной службы», а доктор медицины Московского университета А.А. Ануфриев назначался на должность согласно статье 107 городового положения[811], гласившей, что «при определении… на службу по общественному управлению лиц, которые не занимают должностей, замещаемых по выборам, но пользуются правами государственной службы, применяются правила, установленные в уставе о службе.»[812].

---

[809] Дислер О. Врач. Воспоминания об отце // Московский журнал. 1996. № 10. С. 53-54.

[810] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 200. Д. 30. Л. 1-13.

[811] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 179. Оп. 50. Д. 680. Л. 14.

[812] СЗРИ. Т. 2. С. 291.

Кроме тяжелых обязанностей врачи имели и ряд преимуществ. Например, уездные врачи, которые из-за недостатка персонала были вынуждены работать в нескольких уездах, получали двойное жалование за этот период[813]. При этом в законе подчеркивается, что все вообще врачи МВД имеют право занимать другие должности только по учебной части[814]. В случае возникновения эпидемии, врачей могли отправить на борьбу с болезнями. В этом случае они получали прогонные деньги, если медик командировался в другую губернию, то сверх жалованья и прогонных денег, выдавались деньги на подъем[815]. Эти деньги назначались по чинам или по ученым степеням, а женщинам врачам по занимаемым должностям[816].

В 1908 г. Москве и губернии угрожала холера, поэтому губернатором было принято решение о создании санитарно-врачебной комиссии, которая должна была указать на наиболее угрожающие в отношении холеры места. Комиссия обратила внимание на неудовлетворительное состояние орошения полей г. Москвы. Губернатор даже оштрафовал инженера, который был ответственен за эту ситуацию. Начальник губернии отмечал энергию, с которой врачи принялись за работу[817]. Во многом благодаря деятельности московских врачей удалось избежать массового распространения болезни.

15 января 1909 г. в речи на открытии сессии Московского губернского земского собрания московский губернатор В.Ф. Джунковский выразил благодарность земским врачам за «предупреждение и прекращение холеры… несмотря на несколько бывших спорадических случаев заболевания, эпидемия в губернию не была допущена»[818].

---

[813] Там же. Т. 13. С. 206.

[814] Там же. С. 207.

[815] Там же. С. 208.

[816] Там же. С.207, 208.

[817] Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 395.

[818] Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 357.

Если обратиться к таблице № 16 (см. приложения), то можно увидеть, что распределение по классам должностей среди врачей не очень равномерное, это вызвано тем, что найти штатные расписания с указанием классов должностей для каждого медицинского или учебного заведения, где работали врачи, было достаточно сложно. Поэтому класс должности большинства врачей был принят за VIII класс. Такое решение основано на исследование большого количества штатных расписаний. Например, VIII класс имели врачи по штатам учительского института[819], прогимназии[820] и в разных других заведениях. К VIII классу относилась должность врача при Лазаревском институте восточных языков[821], врачи училищ имели право на временные или постоянные вознаграждения, а также наделялись правами государственной службы[822], поэтому все врачи при уездных училищах были отнесены к VIII классу. При коммерческих городских училищах должность врача относилась к VII классу[823]. Врачи в больницах носили наименование ординатор – врач военного госпиталя, заведующий палатой или отделением. Ординаторы делились на старших и младших[824]. Ординаторы также относились к VIII классу[825]. Также к этому же классу относились ординаторы Павловской больницы в Москве[826]. При Московской Мариинской больнице старшие ординаторы относились к VII классу, а младшие к - VIII[827]. Старшие ординаторы московских тюремных больниц относились к VII классу, младшие

[819] ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 47. Ч. 3. 1872. С. 281.

[820] Там же. Т. 49. Ч.3. 1874. С. 175.

[821] Там же. Т. 42. Ч.2. С. 301.

[822] Там же. Т. 51. Ч. 1. 1876 С.154.

[823] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 19. Ч. 1. 1899. С. 1039.

[824] Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 22. СПб.: Семеновская Типо-Литография И. А. Ефрона, 1897.

[825] ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 36. Ч. 2. 1861. С. 1.

[826] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 2. 1882. С. 358.

[827] ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 54. Ч.3. 1880. С. 151.

также – к VIII[828]. Остальные медики, такие как врачи-ассистенты, штатные аптекари при больницах относились к тому же классу.

При тюрьмах и больницах состояли врачи-консультанты, они принадлежали к разным классам должностей. Например, консультант при Московской Голицынской больнице по нервным болезням состоял в VI классе, по акушерству – в V классе[829], врачи консультанты при софийской детской больнице состояли в VI классе[830], в делопроизводственных документах консультант по ушным и горловым болезням значится как должность VII класса[831]. Консультанты при тюремных больницах Москвы причислялись к VI классу (как и старшие врачи[832]).

Прозекторы (современное – патологоанатом – в буквальном смысле производящий вскрытие), при больницах эти медики полагались для вскрытия трупов с целью «проверки прижизненного диагноза и для производства гистологических исследований»[833]. По штату лечебных заведений Министерства внутренних дел прозекторы приравнивались к старшим врачам, соответственно имели либо VI, либо VII класс в зависимости от класса больницы. Например, при больнице для чернорабочих прозектор имел VII класс[834].

Как можно видеть из таблицы № 16 (см. приложения), дворянство сохраняло небольшое преимущество среди врачей Московской губернии, из 165 врачей 34 были дворянами (20%), 32 принадлежали к мещанам (19%). В целом нет ярко выраженного преобладания какого-либо одного сословия. Дворянам

---

[828] ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 37. Ч.1. 1862. С. 149.

[829] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 16. Ч. 1. 1896. С. 576.

[830] Там же. Ч. 2. 1896. С. 189.

[831] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 179. Оп. 50. Д. 755. Л. 20

[832] ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 37. Ч.1. 1862. С. 149.

[833] Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 25. СПб.: Семеновская Типо-Литография И. А. Ефрона, 1898.

[834] ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 52. Ч. 2. 1877. С. 259.

было проще получить высшее медицинское образование, но карьера врача была сложна, а благородное сословие имело массу других способов получить награды и чины. К тому же традиционно карьера лекаря не считалась престижной для привилегированного класса. Для мещан получение высшего медицинского образования было хорошим способом поступить в гражданскую службу. Тоже самое относится и купечеству, хотя их число заметно меньше, потому что купцы обычно имели большую финансовую независимость и тяготели к коммерческой деятельности. Также к мещанам и купцам часто относились семьи крещеных евреев, с которых медицинское звание снимало ряд ограничений. С 27 ноября 1861 г. евреям, имеющим дипломы на ученые степени доктора медицины и хирургии или доктора медицины, было разрешено поступать в службу по всем ведомствам, без ограничения места пребывания чертой оседлости, а 1865 г. был принят закон о допущении в службу военно-медицинского ведомства и тех евреев, которые не имеют ученой степени, позже норма была распространена и на другие министерства[835]. Евреям врачам, не имеющим высшей медицинской степени, разрешалось поступать в медицинскую службу везде, кроме столиц «с их губерниями», т. е. для Москвы это исключение продолжало действовать[836].

В качестве хорошего примера судьбы такого врача может послужить карьера М.И. Авербаха. 16 декабря 1895 г. советом университета он был утвержден в звании уездного врача, 31 мая 1900 стал доктором медицины. Службу начал именно в военном ведомстве 30 июня 1896 г. запасным чиновником военно-медицинского ведомства по Мариупольскому уезду. Он был специалистом в области глазных болезней по которым он защитил диссертацию по теме «К диоптрике глаз различных рефракций», состоял сразу в двух больницах Бассманной и в больнице имени Александра III[837].

---

[835] ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 41.Ч. 1. 1866. С. 554.

[836] Там же. С. 9.

[837] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 1. Оп. 4. Д. 3.

В списках за 1913 г. количество мещан уже больше, чем дворян, но из-за небольшого числа формуляров сложно судить, являлось ли такое изменение тенденцией. В большинстве случаев по окончании университета врач получал чин титулярного советника (IX) по образованию. Чины X и XII нехарактерны для врачей. В эти категории попали Уманец Лев Игнатьевич Врач комиссаровского технического училища, управляющий аптекой Московской 1-ой городской больницы Видмонт Петр Иванович и Врач Московской 6 гимназии Карпов Владимир Саввич. Врачи, не имеющие чина, обычно только недавно вступили в службу, еще не успели получить прав на чинопроизводство по происхождению или недавно получили права государственной службы. Большинство врачей имело чин коллежского советника (VI) – 43 (26%), что соответствовало должностям податных инспекторов, земских начальников или губернского архитектора и инженера, между чинами других классов врачи распределены более равномерно.

Таким образом, можно сказать, что врачи как государственные служащие являлись наиболее образованной и профессиональной категорией чиновничества. Они получали существенные преимущества по чинам и наградам за счет быстрого прохождения карьерной лестницы. При этом какие-то должности давали права государственной службы, а какие-то – нет. Работа врачей в разных учреждениях имела свою специфику. Фактически на врачей не распространялась норма, по которой в службу можно было поступать по происхождению, поэтому медицина стала для многих непривилегированных слоев отличным способом повысить свой социальный статус.

Глава 4. Образование, семейное положение, возраст и вероисповедание чиновников Московской губернии

§ 1 Образование чиновников Московской губернии в начале XXв.

В уездах особенно остро ощущался недостаток в квалифицированных кадрах. Это можно проследить по тому, на какие должности и с каким образованием поступали чиновники. Например, 16 января 1900 г. в Бронницах не окончивший даже одного класса московской духовной семинарии сын дьякона сразу же был принят на службу столоначальником Бронницкого полицейского управления[838]. Таких случаев было выявлено большое количество. Многие чиновники получали образование по месту жительства, т.е. довольствовались тем, что было им доступнее всего. Российская империя была разделена на учебные округа. В Московский учебный округ входили губернии: Владимирская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Московская и др. Среди них Московская губерния лидировала по числу учебных заведений при этом превышая все остальные губернии по их общему количеству в три раза. Высшие учебные заведения были только в Московской и Ярославской губерниях. При этом в первой их было 8, а в Ярославской - только одно. В этом отношении жители Московской губернии имели некоторое преимущество. В числе 8 высших учебных заведений, находившихся в городе Москве, значатся 3 частных: высшие юридические курсы кн. С.К. Голицыной и В.А. Полторацкой, частные женские высшие историко-словесные курсы при женской гимназии Констант и частные педагогические курсы при комитете общества воспитательниц и учительниц[839]. Стоит также отметить, что Московская губерния являлась единственной, в которой имелись частные высшие учебные заведения[840]. Среди государственных высших учебных заведений можно выделить Московский университет,

---

[838] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17 Оп. 65. Д. 337. Л. 13.

[839]Список учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения по городам и селениям. СПб.: Департамент народного просвещения, 1908 С. 71.

[840] Там же. С. 77.

Лазаревский институт восточных языков, лицей в память цесаревича Николая, Императорское техническое училище. Вообще в империи насчитывалось 33 таких заведения и доля Москвы составляла 24%. В губернии насчитывалось 47 мужских гимназий, прогимназий и реальных училищ, что более чем в 4 раза больше, чем в любой из остальных губерний московского учебного округа. Все средние учебные заведения делились на правительственные (их было большинство), частные с правами правительственных или с правами только для учащихся, также существовали гимназии и реальные училища, которые находились при церквях иностранных исповеданий, их было всего 4 в Московской губернии. В губернии был 1 учительский институт, 2 учительские семинарии, 26 городских училищ положения 1872, 1869 гг., 5 средних технических училищ и 12 низших ремесленных, технических и промышленных учебных заведений[841]. В уездных городах чаще всего имелись городские 3-классные или 4-классные городские училища.

По данным таблицы №1 (см. приложения) гимназии имелись в немногих уездах. Во всех городах Московской губернии имелись городские училища. В некоторых работали низшие ремесленные школы. Наиболее развитыми городами в этом отношении можно считать Коломну и Серпухов. Н.И. Астров положительно отзывается о Коломенской гимназии в 80-е гг. XIX в.: «У нас в округе считалась наиболее благополучной по латинской и греческой чуме[842] гимназия в Коломне. Одно время в Коломенскую гимназию был форменный наплыв московских путешествующих[843]. И это были далеко не «отпетые», не бездарные, не классические лентяи»[844].

---

[841] Там же. С. 60.

[842] Автор пишет о господстве классического образования, включавшего изучение греческого и латинского языков, которые преподавались чаще всего, используя формальную «зубрежку».

[843] Гимназисты, которые часто меняли место обучения с целью укрыться от «свирепствующих греков и латинистов».

[844] Астров Н.И. Указ. соч. С. 175.

При этом зависимость между количеством учебных заведений в уезде и поступлением в них местных чиновников достаточно слабая. Например, в учебных заведениях Звенигорода и Рузы вопреки тому, что их было немного, поступало наибольшее количество будущих чиновников. Просмотрев списки 72 чиновников, которые служили в полиции и казначействах и обучались в уездных учебных заведениях, получается, что Звенигородские учебные заведения по данным на 1900 г. (не только Министерства народного просвещения, но и духовные) выпустили 14 чиновников (19%), а рузские – 12 (16%). Особенно мало было выпускников в Верее и Клину. При этом примерно половина чиновников 33 (45%) не находили места службы в том уезде, где получала образование.

Также образование можно было получать и в духовных заведениях, училищах и семинариях. Духовные заведения переставали служить своей изначальной цели (подготовке священнослужителей), многие выпускники делали карьеру чиновников, часто они происходили из детей священнослужителей. В качестве примера можно привести судьбу отца Н.И. Астрова: «В сороковых годах прошлого столетия отец был отдан в духовное училище и оттуда перешел в семинарию. В естественном порядке вещей он должен был по окончании семинарии стать священником или идти в духовную академию. Но в те времена уже многие семинаристы, не теряя связи с корнями духовного воспитания, шли в университеты и избирали себе специальность по собственному влечению»[845].

Многие чиновники ограничивались лишь получением начального образования в городских училищах. Городские училища по положению 1872 года разделялись на 2 классные, 3 классные и 4 классные, свой целью считали «доставление детям всех сословий начального умственного и религиозно-нравственного образования». Для прохождения курса обучения отводилось 6 лет. При этом в 4 классных заведениях курс первых двух классов продолжался по два года в каждом классе, курс 3 и 4 классов продолжался по одному году в классе.

[845] Астров Н.И. Указ. соч. С. 39.

Способные ученики могли закончить обучение досрочно. Программа состояла из общеобразовательных предметов, которые давали общие знания. Закон божий, чтение и письмо, русский язык, церковно-славянское чтение с переводом на русский язык, арифметика, практическая геометрия, география, история отечества, некоторые сведения из зарубежной истории, естествознание, физика, черчение, рисование, пение и гимнастика, также с разрешения министерства народного просвещения могли преподаваться и дополнительные приметы. Дети всех сословий и всех вероисповеданий могли приниматься в училища с семилетнего возраста без ограничений. Дети старшего возраста должны были иметь некоторые знания по закону божьему и истории. Неимущие семьи могли быть избавлены от платы за обучение по усмотрению педагогического совета. Те, кто успешно проходили курс училищ, в 10-13 лет могли без испытаний поступать в гимназии и реальные училища[846]. Таким образом, большинство чиновников не имело никаких специальных знаний по праву, делопроизводству или основам управления, но этого и не требовалось, так как все были обязаны начинать службу с канцелярских служителей. Постигать все тонкости чиновнику приходилось в процессе службы, начиная от старательного написания бумаг красивым почерком и кончая некоторыми познаниями в законодательстве.

Некоторые будущие чиновники оставались при училище, а в 16 лет поступали в первый класс учительского института. Учительские институты готовили учителей для городских училищ, но при этом они давали средне-специальное образование, срок обучения в них составлял 3 года. Обучающийся должен был вносить по 150 рублей в год и еще 50 при поступлении, но большинство воспитанников содержалось за счет министерства народного просвещения. При поступлении необходимо было сдать экзамен по закону божьему, русскому языку, арифметике, геометрии, истории, географии.

[846] ПСЗРИ. Собрание второе Т. 47. Ч. 1. 1872. С. 728-732.

Воспитанники, которые содержались из сумм министерства, должны были позже прослужить учителем не менее 6 лет.

Училищный институт давал расширенную программу училища, предметы были те же, к ним добавлялась алгебра и профильный предмет - педагогика[847]. Среднее образование в Московской губернии было представлено гимназиями. Устав этих учебных заведений был утвержден 30 июля 1871 г. Гимназия давала общее образование, а также подготавливала учеников к поступлению в высшие учебные заведения. В гимназии предполагалось 7 классов, из которых седьмой класс составлял двухгодичный курс, прогимназия представляла собой сокращенный вариант с 4 низшими классами гимназии. В гимназическом курсе будущим чиновником преподавали древние языки латинский и греческий, последний преподавался только там, где для этого имелись преподаватели, а также современные немецкий и французский, очень важное для будущей службы чистописание, по желанию за дополнительную плату можно было заниматься рисованием или черчением. Остальные предметы повторялись из училищ (закон божий, русский язык и др.). В гимназии принимались дети всех сословий, для поступления необходимо было сдать вступительное испытание, которое включало в себя знание главнейших утренних и вечерних молитв, умение бегло читать, пересказывать, писать под диктовку, знание простых арифметических действий, но обучение было доступно не всем из-за необходимости вносить плату. Некоторые дети по решению педагогического совета могли быть освобождены от платы, но таких учеников не могло быть больше 10% от общего числа учащихся. Выдающимся ученикам могла быть назначена стипендия[848].

Еще одним распространенным средним учебным заведением являлось реальное училище. Устав реальных училищ был принят 15 мая 1872 г. Реальные училища могли быть шести, пяти, четырех, трех и двухклассные. Если в гимназиях давалось классическое образование, то в реальных училищах –

[847] Там же. С. 732-735.

[848] ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 46. Ч. 2. 1871. С. 86-90.

техническое[849]. Среди предметов не было древних языков, зато в полном объеме присутствовали черчение, рисование, физика, химия. Для поступление в высшее учебное заведение по специальности существовал дополнительный класс, в котом была механико-техническое и химико-техническое отделения, в них изучалась механика, химическая технология и другие специальные дисциплины[850].

Теперь более подробно остановимся на уровне образования Московских чиновников.

За 1900 г. было проанализировано образование 603 чиновников (см. таблицу № 2 в приложениях). Выборка проводилась по всем категориям московского чиновничества, что объясняет такой высокий показатель служащих с высшим образованием, так как для некоторых должностей оно являлось обязательным. Это, например, касается врачей или податных инспекторов[851]. Количество чиновников с высшим образованием составляло 267 человек или 44%. При этом без врачей чиновников с высшим образованием всего 118 (19%). Первая цифра ближе к данным, которую приводит П.А. Зайончковский, основываясь на материалах инспекторского отдела е.и.в. Канцелярии: «из 4339 лиц, определенных на службу с 1 ноября 1894 по 1 августа 1895 г., высшее образование имели 32,52%»[852], но без учета врачей получается, что уровень остальных чиновников в Московской губернии был ниже, приведенного историком. Также причиной расхождения тут может быть в том, что многие чиновники служили уже давно, а данные П.А. Зайончковского охватывают новых служащих. При этом доля чиновников с домашним и начальным образованием оставалась достаточно высокой – 186 (30%). Людей с начальным образованием нет на должностях выше VII класса, а с домашним образованием – выше

[849] Там же. Т. 47. Ч. 1. 1872. С. 626-627.

[850] Там же. Ч.3. С. 262.

[851] Для податных инспекторов допускались некоторые исключения (См. Главу 3).

[852] Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 34.

должностей VI. К этому классу принадлежали такие должности, как земский начальник, полицмейстер, советник губернского правления, губернский инженер и другие. Домашнее образование могло дать неплохой уровень знаний, но для его подтверждения необходимо было сдать соответствующие испытания. Среднее образование менее всего было распространено среди чиновников, составляя всего 12% от общего числа. Это сочетается с тем, что на стадии обучения люди чаще всего уходили, не доучившись, именно из средних учебных заведений. Действительно, оно не давало существенных преимуществ для службы по сравнению с высшим образованием, поэтому учащиеся гимназий чаще всего готовились для поступления в университет. Небольшой процент чиновников имел высшее техническое образование. Например, Б.Н. Пенкин секретарь Московского губернского статистического комитета окончил Николаевское инженерное училище по 1 разряду[853].

В 1913 г. выборка составила 351 человек, при этом среди формулярных списков значительно меньше врачей, поэтому уровень высшего образования составил всего 55 (15 %) человек, уровень среднего образования остался почти на прежнем уровне, снизившись совсем немного, он составил 10%. Уровень неоконченного среднего образования тоже осталось на прежнем уровне - 8%. При этом можно явно говорить о росте чиновников с начальным образованием, в процентном соотношении их число увеличилось с 41% до 58%. Чтобы убрать погрешность, в расчет не принимались чиновники с высшим образованием, т.е. процент высчитывался от общего числа чиновников без высшего образования. Понижение уровня образования может свидетельствовать о нехватке кадров и об изменении социального состава служащих.

Подробное рассмотрение образовательного уровня каждого ведомства в отдельности позволяет сузить выборку и выявить некоторые специфичные черты, которые присущи определенным группам чиновников. По понятной причине мы

[853] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 65. Д. 333. Л. 1.

не будем останавливаться на врачах, так как звание лекаря и уездного врача можно было получить только выдержав испытание в университете. Перечень учебных заведений, которые заканчивали медики, тоже не слишком разнообразен. Большая часть получала образование в Московском университете. 3 человека из 151 закончили Харьковский университет, еще 8 Московскую хирургическую академию, 4 – Казанский университет, 2 – Военную медицинскую академию и 1 человек вышел с дипломом лекаря из Дерптского университета. В данном случае бесспорным является факт, что основным поставщиков кадров для медицины в Московской губернии являлся Московский университет.

Управление Московского генерал-губернатора является одним из центральных органов Московской губернии, поэтому очень важно посмотреть уровень образования этих чиновников (см. таблицу № 4 в приложениях). В 1900-1906 гг. в ведомстве преобладающую массу составляют служащие с высшим образованием, людей с начальным образованием тут уже нет, но существенную долю составляют чиновники со средним уровнем образования – 27%. В том числе среднее образование имел и в будущем управляющий канцелярией Сергей Михайлович Борденав, который окончил Московскую военную гимназию. По чинам люди с домашним образованием опережают многих, которые имеют среднее образование. В данном случае знатное происхождение заменяло собой высшее образование. Одним из чиновников, получивших домашнее образование, был граф Николай Яковлевич Эссен-Стенбок-Фермор. 3 чиновника закончили пажеский корпус, который являлся элитным военным и придворным заведением, основной его целью являлось «доставление сыновьям заслуженных родителей, предназначаемых к офицерской службе, преимущественно в войсках гвардии, как общее и военное образование, так и соответствующее их происхождению воспитание»[854]. Семь общих классов по учебному курсу соответствуют кадетским корпусам и военным училищам, а два старших специальных класса – военным училищам. Принимались в это заведение только по особому указу императора и

[854] ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 9. 1889. С. 3.

только сыновей и внуков лиц, состоящих на государственной службе в чинах первых трех классов[855]. Другим привилегированным учебным заведением, которое заканчивали чиновники управления Московского генерал-губернатора, является Императорский лицей в память цесаревича Николая, его закончили 2 человека. Московский генерал-губернатор являлся почетным попечителем этого лицея[856]. Лицей также давал среднее и высшее образование. «Сообщать обучающемуся в нем юношеству среднее образование» (8 гимназических классов) и «содействовать возможно успешному прохождению воспитанниками университетского курса», в том числе и по юридическому факультету[857]. Трое закончили Александровский лицей, знаменитый бывший царскосельский лицей. Основной целью этого заведения было «воспитание благородного юношества, для гражданской службы по всем частям, требующим высшего образования, преимущественно же для служения по Министерству внутренних дел». Этот лицей также был ориентирован на дворянство, при этом разрешалось принимать дворян, внесенных в шестую или пятую часть родословной книги, а также детей военных чинов не ниже полковника, а гражданских не ниже статского советника. Курс лицея разделялся на подготовительный и окончательный, включал следующие предметы: история, геометрия, алгебра, юридические науки и др.[858], что позволяет причислить данное учебное заведение к профессиональным, которые давали юридическое образование. 2 чиновника получили образование в Демидовском юридическом лицее, он давал сугубо профессиональное образование, основанное на юридических науках. Еще 5 чиновников получили образование Московском университете. Среднее образование в основном представлено военными школами, гимназиями и небольшим количеством духовных заведений.

---

[855] Там же. С. 8.

[856] СЗРИ. Т. 11 Ч. 2. С. 105.

[857] Там же.

[858] ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 23. Ч. 1. 1848. С. 237-238.

Таким образом, можно сделать вывод о высоком уровне образования у чиновников управления Московского генерал-губернатора. Юридическое профессиональное гражданское образование преобладает над военным (около 20%). Из-за того, что за 1913 г. роль учреждения существенно снизилась, а количество служащих сократилось, но большинство чиновников продолжило работу на своих должностях, уровень образования не сильно изменился. Доля чиновников со средним образованием сохранилась на уровне 27 %, с высшим образованием – на 54%.

Анализируя выборку из чиновников полиции (см. таблицу № 3 в приложениях), можно сказать, что доля высшего образования значительно меньше, чем в общей статистике, и составляет всего 16 (13%), начинает преобладать начальное и домашнее образование, которое составляет 50%. По данным инспекторского департамента из 1609 чиновников МВД, принятых на службу с 1 ноября 1894 по 1 августа 1895 г., высшее образование было только у 17%[859]. В данном случае цифра по Московской губернии опять получается меньше, это можно объяснить, что статистика департамента собиралась не только по чинам полиции, а по всем служащим МВД. Соотношение неоконченного образования остается прежним. Наиболее хорошее образование в этой группе чиновников имели выпускники военных и юнкерских училищ, хотя по уровню их нельзя приравнять к университетам. Некоторые служащие не смогли достигнуть и этого уровня, так пристав 3 стана Серпуховского уезда Петр Константинович Тымульсов был отчислен из Одесского юнкерского училища. В училище он попал не после гимназии или кадетского корпуса, а был откомандирован из армии, где служил вольноопределяющимся. После этого он много раз поступал на службу и вновь увольнялся. Но при этом отсутствие образования не мешало ему неплохо справляться со своими задачами. Так, например, в его формулярном списке отмечается, что 9 октября 1891 он предпринимал активные действия по разысканию и задержанию лиц, обвиняемых в краже, позже 14 июня 1892 г. ему

[859] Там же.

была объявлена благодарность за особую энергию и находчивость при розыске и задержании злоумышленников, совершивших крупную кражу[860].

Большинство полицейских, обучавшихся в юнкерских училищах, было откомандировано туда из армии (всего 12). При этом многие изначально поступали на службу вольноопределяющимися (6 вольноопределяющихся 3 разряда, один – 2 разряда). Из 38 полицейских чиновников со средним и неоконченным средним образованием, служивших в 1900 г. в уездной и городской полиции, 9 (23%) окончили духовные учебные заведения, 5 (13%) получили среднее образование, окончив Московскую военно-фельдшерскую школу, еще двое имели художественное образование Училища живописи ваяния зодчества и Училище живописи художественного общества Императорского Двора.

Среднее военное образование тоже было достаточно широко распространено (36%), будущие полицейские чиновники оканчивали кадетские корпуса, военные гимназии и др. Среди начальных учебных заведений больше всего были распространены городские и уездные училища, доля которых, как и средних, составляла примерно 22%. Дворяне, служившие в полиции Московской губернии, чаще всего являлись выпускниками военных училищ. Все чиновники полиции, имевшие высшее образование, принадлежали к привилегированному сословию.

При этом современник в своей записке для министра внутренних дел отмечал, что «наша полиция и в уезде, и в городах стала лучше, чем она была в эпоху дореформенную, что средний уровень образованности органов полиции поднялся, что все реже и реже встречаются типы беззастенчивых цинических грабителей и взяточников. Нравы стали мягче и пороки получили более изящную форму»[861].

---

[860] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101. Д. 254. Л. 138-145.

[861] Берендтс Э.Н. Указ. соч. С. 269.

В целом, уровень образования в уездных полицейских учреждениях оставался достаточно низким. Ощущалась нехватка людей со специальным юридическим образованием. Предпочтение отдавалось военному образованию, при том, что многие полицейские должности, такие как становой пристав, требовали знаний законодательства. За 1913 г. не удалось собрать статистику об изменении уровня образования у полицейских. По тем данным, которые удалось найти, можно сказать, что уровень чиновников с высшим образованием на должностях до VIII класса оставался низким, преобладало начальное и домашнее образование (не было выявлено ни одного чиновника с высшим образованием из 26).

Уровень образования чиновников Министерства финансов (казенная палата, казначейства, податные инспекторы) был значительно выше, чем среди полицейских (см. таблицу № 5 в приложениях). Из 253 чиновников 53 (20%) имели высшее образование, но доля домашнего и начального образования оставалась по-прежнему высокой 43%, при этом доля чиновников с неоконченным средним образованием превышает число чиновников, получивших среднее образование. Большое количество чиновников на должности 6 класса объясняется тем, что к этому классу принадлежала должность податного инспектора. Эти чиновники были наиболее образованными среди остальных служащих Министерства финансов. При этом чиновники с начальным и домашним образованием не занимали должности выше VII класса. К этому классу относилась должность уездного казначея. Они, судя по данным таблицы, не имели высшего образования, а большая их часть имела за спиной всего лишь курс уездного училища. По сравнению с полицией военное образование было распространено слабо, по большей части его получали податные инспекторы и некоторые бухгалтеры, среди лиц с высшим образованием количество таких чиновников составляет всего 7 человек (13% от общего количества лиц с высшим образованием), среди всех чиновников вообще - 17 (6%). Большая часть чиновников со средним образованием заканчивали гимназии – 24 человека. Многие получали образование в духовных учебных заведениях – 45 (17%), при

этом 41 из них являлись детьми священнослужителей. Столоначальник Московской казенной палаты, а позже помощник податного инспектора Нечаев Алексей Саввич даже являлся кандидатом богословия и закончил Московскую духовную академию[862].

С 1893 г. Министерство финансов начало активно внедрять коммерческие училища «для распространения в Империи коммерческих знаний»[863]. С 1894 г. министерство получило право разрешать организацию этих заведений «собственной властью»[864]. Состояли эти учебные заведения в ведении Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов, а позже перешли в образованное Министерство торговли и промышленности[865]. В начале XX в. директор департамента В.И. Ковалевский в интервью объяснял важность коммерческого образования[866], в 1899 в ведении Министерства финансов числились 2 политехнических института, 13 общественных и 11 частных коммерческих училищ, 21 торговая школа, 8 торговых классов, 20 бухгалтерских и счетоводных курсов, 6 художественно-промышленных и 7 технических и ремесленных заведений, 10 сельских ремесленных учебных мастерских[867]. При этом среди чиновников Министерства финансов в Московской губернии коммерческое образование было практически не распространено, всего 1 человек закончил коммерческое училище, 3 других закончили Набилковское коммерческое училище в Москве, которое было открыто купцом Набилковым еще в первой половине XIX в.

---

[862] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 46.

[863] СЗРИ. Т. 11 Ч. 2. С. 551.

[864] С.Ю. Витте. Собрание сочинений и документальных материалов. М., 2002. Т. 4. С. 153.

[865] СЗРИ. Т. 11 Ч. 2. С. 551.

[866] Дорошевич В.М. В.И. Ковалевский (воспоминание журналиста) // Собрание сочинений: литераторы и общественные деятели. Т. 4. М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1905. С. 171.

[867] Представление С.Ю. Витте в Государственный совет «о преобразовании Департамента торговли и мануфактуры в Главное управление торговли промышленности» // С.Ю. Витте. Собрание сочинений и документальных материалов М., 2002. Т. 4. С. 271.

К 1913 г. доля чиновников с высшим образованием снизилась до 33 (11%), большинство чиновников с высшим образованием являлись податными инспекторами (см. таблицу № 6 в приложениях). Специальное юридическое образование имелось у 19 человек (6%), 8 имели физико-математическое образование. Также встречаются чиновники с аграрным, историческим или медицинским образованием. Дворяне уже не занимают лидирующие позиции среди чиновников с высшим образованием. Большинство служащих с высшим образованием являлись детьми чиновников 39%, 18% - дети священнослужителей, 15% - дворяне. Доля военного образования снизилась до 2%, духовное образование осталось на прежнем уровне, составив 14%. Среди чиновников не было выявлено тех, которые заканчивали коммерческие училища, но появились выпускники торговых школ (4 человека). Трое происходили из крестьян, а 1 был сыном чиновника. Служащие окончили Виленскую торговую школу, Московскую городскую торговую школу имени В.А. и А.А. Алексеевых, торговую школу императора Александра III, Частную торговую школу С.И. Ростовцева в Москве. Школы также относились к категории коммерческих учебных заведений, целью которых было «приготовление учащихся… к службе в торгово-промышленных учреждениях». Для поступления в такие учебные заведения было необходимо иметь начальное образование или выдержать испытание в науках. Различались одноклассные и трехклассные школы. В последних курс обучения включал русский язык, бухгалтерию, коммерцию, торгово-промышленное законодательство, коммерческую арифметику, коммерческую корреспонденцию, в одноклассных – он был сокращен за счет некоторых общеобразовательных предметов[868].

Таким образом, уровень образования в различных ведомствах имел свою специфику и существенно отличался от общих показателей по Московской

[868] СЗРИ. Т. 11 Ч. 2. С. 555-556.

губернии. В высших губернских учреждениях, таких как управление генерал-губернатора достаточно широко распространилось высшее профессиональное образование, отмечается небольшое число лиц с военным образованием, многие из чиновников этого учреждения заканчивали привилегированные учебные заведения. Для органов полиции характерен низкий уровень высшего образования, самую высокую подготовку в уездных полицейских учреждениях имели отставные военные, окончившие военные или юнкерские училища.

Уровень образования чиновников Министерства финансов в 1900 г. также был низким, профессиональное образование было распространено слабо. Высшее образование было распространено только среди тех категорий чиновников, которым оно предписывалось по закону. Люди с начальным образованием преобладали. Существенное снижение доли чиновников с высшим образованием в 1913 г. связано со снятием ограничений на поступление в государственную службу в 1906 г. и изменение сословного состава служащих. Также можно сказать, что коммерческие учебные заведения не нашли популярности у служащих министерства финансов.

§ 2 Семейное положение чиновников Московской губернии в начале XX в.

В Российской империи чиновник для вступления в брак должен был получить свидетельство у начальства[869]. Например, канцелярский служитель канцелярии Московского генерал-губернатора Сергей Козлов просит разрешения на брак с мещанкой Анной Павловной Никифоровой и просит выдать ему свидетельство об этом. В итоге Козловым было получено запрашиваемое свидетельство, в котором значилось, что он холост, 27 лет, православный, препятствий для вступления в брак со стороны гражданского начальства не имеется[870]. Сохранилась также аналогичное прошение о разрешении брака от

[869] СЗРИ. Т. 10. С. 1.

[870] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 199 Д. 116. Л.1,20.

чиновника, откомандированного в распоряжение Московского губернатора, Андриана Михайловича Устинова (в будущем московского вице-губернатора). В этом документе чиновник испрашивает разрешение на брак с разведенной женой штабс-капитана и дочерью коллежского советника Быстрицкой (Лестард) Марией Владимировной[871]. Но такие дела встречаются не часто. Возможно, это связано с тем, что данная норма считалась анахронизмом. Во всяком случае, сведения о семейном положении вносились в формулярные списки.

Среди просмотренных списков чиновников Московской губернии 70 % являлись женатыми людьми, 30% оставались холостыми (см таблицу № 22 в приложениях). При этом количество холостяков становится почти равно женатым начиная с XII класса, это объясняется тем, что служащие без чинов или коллежские регистраторы были еще молоды, только вступали в службу и еще не успевали обзавестись семьей. С получением первого классного чина и с последующим карьерным ростом чиновники постепенно обзаводились семьями. Мы специально не стали рассматривать классы должностей, так как чин в какой-то степени (если не учитывать скорость чинопроизводства у разных сословий) пропорционален сроку службы. Как можно видеть из таблицы, в чине III класса уже не выявлено холостых чиновников. Из наиболее известных холостяков можно назвать московского губернатора В.Ф. Джунковского. К 1906 г. он занял пост губернатора, ему был 41 год, и он был не женат. Впрочем, таковым он остался до своей смерти[872]. Среди неженатых 18 вдовцов (10%), а также 2 разведенных, наибольшее их число обнаружилось среди чинов полиции. Редко в делопроизводственных документах можно найти информацию о происхождении жен. На её основе можно посмотреть, какое происхождение было у жен московских чиновников.

[871] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 65. Д. 330. Л. 17.

[872] Семкин А.Н. «Зачислить за ВЧК впредь до особого распоряжения». Дело В. Ф. Джунковского в московской Таганской тюрьме // Отечественные архивы. 2002. № 5.

Как видно из таблицы № 23 (см. приложения), большая часть чиновников женилась на дочерях чиновников 32%. Скорее это определялось их кругом общения, так как выбирали себе жен из дочерей сослуживцев. Так как все присутственные места чаще всего находились в городах, соответственно и служащие селились в городской черте, это объясняет большое количество сословий, населявших города: мещане, купцы, разночинцы и почетные граждане. В категорию разночинцы попали дочери учителей и учительницы. Хорошим способом понять порвали ли чиновники с сословной средой можно, рассмотрев с какими сословиями они вступали в браки, искали ли они себе пару из того же сословия, к которому принадлежали, или вступали в неравные браки. С этой целью предлагается составить иерархию сословий Российской империи. На верхней ступени окажутся дворяне, как самое привилегированное и держащееся за «чистоту» рода сословие, на второй – чиновники, военные и обер-офицерские дети, т.е. люди, которые происходили из среды, имеющей отношение к службе, которые могли либо уже иметь дворянство, либо потенциально претендовать на него. На следующей ступени стоит духовенство, дальше – городские сословия, некоторые из них для компактности объединены в группы. Полное соответствие в происхождении мужа и жены означает равный брак, близкий брак считается, если союз заключался между людьми близкими по происхождению, например, между дворянами и чиновниками, купцами и мещанами. Не совсем равным браком можно считать союз между дворянами и представителями духовенства, представителями духовенства и купеческими детьми. Неравный брак (мезальянс) условно считается, если между его участниками находится два сословия, например, между дворянином и учительницей. Такой подход является условностью и предназначен только для систематизации статистики по данному вопросу.

1. Дворяне
2. Чиновники, военные, обер-офицерские дети
3. Священнослужители
4. Разночинцы, почетные граждане

5. Купцы
6. Мещане
7. Солдатские дети
8. Крестьяне

По такой классификации равных браков выявлено 19 (18%), браки близких сословных групп составляли примерно 46 (45%), браки между далекими группами и неравные браки составляли 12 (11%) и 24 (23%) соответственно. Следует также сказать, что многие чиновники были женаты вторым и третьим браком, в данном случае учитывается сословие жены, которое было указано в 1900 г. Данные цифры говорят о том, что большинство чиновников были не прочь вступать в браки с сословиями, стоящими ниже на социальной лестнице. Имеют место случаи, когда чиновники неблагородного происхождения женились на представительницах более привилегированных слоев. При этом большинство предпочитало жениться на социально близких группах. Чиновники дворянского происхождения тоже нередко вступали в браки с представительницами других сословий. Случаев неравных браков зафиксировано 10 (22%) и 2 (4%) - между далекими социальными группами. В высших учреждениях империи дворяне преимущественно женились на дворянках 7 (15%) или на близких социальных группах 25 (56%). Эти показатели могут быть гораздо выше, так как сословия многих жен в формулярных списках фиксировалось неточно. Среди чиновников казенной палаты выявлены даже браки между дворянами и крестьянами или солдатскими детьми.

Нельзя забывать, что браки с некоторыми представителями непривилегированных сословий могли серьезно изменить материальное положение, например, браки с дочерями купцов. С.Ю. Витте упоминает, что А.Н. Попов, с 1894 г. старший председатель Московской судебной палаты, был «человеком очень богатым, по жене, которая была из купчих»[873]. На вдове

[873] Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 126.

фабриканта С.Т. Морозова З.Г. Морозовой женился московский градоначальник А.А. Рейнбот. Это был не первый брак Рейнбота, который растратил все состояние своей первой жены[874].

Таким образом, анализ семейного положения показал, что большинство служащих не были склонны выбирать себе супругу из представителей своего сословия, но и на откровенно неравный союз тоже были не готовы. Это говорит о том, что старые сословные связи начинали разрушаться, но формирование бессословной общности чиновников еще не произошло. Наибольший консерватизм в этом отношении проявляло дворянство.

§ 3 Вероисповедание чиновников Московской губернии

В Российской империи на законодательном уровне были закреплены «первенствующие и главенствующие» позиции православного вероисповедания[875]. Император признавался как верховный «защитник и хранитель» догматов веры[876]. Некоторые лица, не принадлежащие к православию, существенно ограничивались в правах. В том числе и в отношении государственной службы. В первую очередь мусульмане (магометанского вероисповедания) и иудеи. Более лояльным было отношение к христианским религиям, таким как католицизм (римско-католическое вероисповедания) и протестантизм (евангелическо-лютеранское вероисповедание). С 1905 г. предпринимались попытки по установлению свободы совести, но проекты так и не были приняты, по мнению А.А. Дорской «работа над законопроектами… была блокирована, во-первых, позицией правительства, борющегося за сохранение православием прав господствующей церкви; во-вторых, деятельностью Государственного совета, который не одобрил ни одного из немногочисленных принятых Думой по данному вопросу законопроектов; в-третьих, общим потоком

[874] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 141.

[875] СЗРИ. Т. 1. С. 5.

[876] Там же. С. 5.

дел»[877]. В 1908 г. Московский губернский учительский совет не допустил к исполнению обязанностей учительницы Казачкову, армяно-григорианского вероисповедания. «Губернский училищный совет находил, что при излишке учителей и учительниц православного вероисповедания нет оснований допускать учительницу инославного вероисповедания и вручать ей десятки русских детей»[878].

Многие исследователи объединяют вероисповедание и национальность, начиная с Зайончковского, который писал, что «в дореволюционной России сведения о национальности… устанавливаются с большой степенью точности на основе данных о вероисповедании»[879], но этот подход не совсем верен, так как для улучшения своего положения или для вступления в брак многие люди переходили в православие. К тому же даже, если отец сохранял свое вероисповедания, дети часто записывались как православные. Из 1045 чиновников Московской губернии 969 исповедовали православие (92%). 26 принадлежали к римско-католическому вероисповеданию (2%), 9 - к евангелическо-протестантскому (0,08%), 4 – к иудейскому (0,03%), 2 – к армяно-григорианскому (0,01%), по вероисповеданию 33 чиновников не имеется данных, также 1 чиновник относился к раскольникам и 1 – к православной секте. Все чины иудейского происхождения были врачами. Чиновников мусульман в Московской губернии не было выявлено.

Некоторые чиновники переходили в православие из других религий. Например, Александр Александрович Мейнгард, который в 1900 г. служил начальником 3 отделения московской казенной палаты, перешел в православие, хотя при этом его жена французская гражданка так и осталась римско-

---

[877] Дорская А.А. Российское законотворчество о свободе совести в 1905-1917 гг. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XX - XX веков. СПб.: Алетейя, 1999. С. 354-355.

[878] Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 332.

[879] Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 10.

католической веры. При этом уровень образования этого чиновника (он закончил Московский университет со степенью кандидата) позволял ему сделать успешную карьеру и без этого шага[880]. Податной инспектор Гивартовский Виктор Бенедиктович перешел в православие из «польской церкви» (католичество). Происходил он из потомственных дворян, а образование получил в Московском университете[881]. При наличии таких данных его вероисповедание вряд ли затрудняло продвижение по службе, поэтому переход в православие, скорее всего, являлся признаком желания ассимилироваться в обществе или жениться, так как в 30 лет этот чиновник все еще был холост.

В отчетах губернатора фиксируются факты перехода в православие из других религий. Первое место в 1912 г. по этому показателю занимают евреи: 75 мужчин и 45 женщин, из раскольников – 53 мужчин, 76 женщины[882], из римско-католического вероисповедания – 19 и 26, из лютеранской церкви – 15 и 18. Мусульмане занимают последнее место по количеству переходов за 1912 г., всего 7 человек мужского пола (всего в отчете упоминается 176 случаев изменения вероисповедания среди мужчин и 169 – среди женщин)[883]. Можно предположить, что переход в православие мужчин обусловлен как вступлением в брак, так и снятием определенных социальных ограничений, переход в другую веру женщин в большей степени вызван вступлением в брак.

§ 4 Возраст чиновников Московской губернии

Оценка среднего возраста чиновничества также является немаловажным аспектом для нашего исследования.

Возрастной ценз являлся одним из условий поступления в государственную службу. Стать чиновником можно было с 16 лет. Данные по возрасту чиновников представлены в таблице № 24 (см. приложения). Число совсем молодых людей

[880] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г Ф. 51. Оп. 13. Д. 46.

[881] Там же.

[882] Сложены показатели «поповщинской» и «беспоповщинской» сект

[883] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 19. Д. 26. Т. 2. Л. 6

среди чиновников было невелико. По крайней мере, сведений о них было выявлено не так много. Чаще всего они находились в должностях вольнонаемных писцов. В Казенной палате вообще не было выявлено чиновников до 20 лет, в полиции они чаще всего занимали должности канцелярских служителей и регистраторов. При этом лиц старше 21 в должностях XIV класса намного больше, именно этот класс обычно присваивался должностям канцелярских чиновников. Если смотреть по чинам, то молодые люди в большинстве своем не имели чинов до 26-30 лет. После 30 их становится меньше, но они все равно преобладают над другими чинами. А вот с 36-40 лет служащие без чинов уступают титулярным советникам и коллежским асессорам. В целом большинство чиновников Московской губернии имели возраст от 31 до 50 лет. На службе оставалось большое количество людей преклонного возраста старше 60 лет, их число практически такое же, как и в группе 51-55. Должность III класса (генерал-губернатор) в 1906 г. занимал Дубасов, которому на тот момент уже был 61 год.

В 1909-1913 гг. соотношение возрастов существенно изменилось. Людей старше 61 практически не осталось. При этом число молодых чиновников возросло. Министр иностранных дел А.П. Извольский в воспоминаниях подмечает разницу между двумя поколениями чиновников: «Любопытно отметить, что старшие бюрократы были проникнуты либеральными тенденциями или, другими словами, духом царствования императора Александра II, в то время как молодое поколение чиновников исповедовало реакционные идеи более позднего периода царствования Александра III»[884]. Е. Карнович отмечал, что на смену им приходил новый тип чиновников-дельцов. Чиновники нового типа «считают себя всеобъемлющими и всезнающими государственными людьми, личностями, необходимыми для правительства… Они забираются в ученые общества, приобретают выгодные и почетные места в акционерных обществах и т.д. Короче, едва ли найдется какая-либо отрасль деятельности, в которую не

[884] Извольский А.П. Указ. соч. С. 78.

забрались эти господа или из корыстных, или из честолюбивых видов, не принося, однако, ни здесь, ни там никакой существенной пользы… они попадают разом в несколько комитетов и комиссий, хотя бы, по-видимому, требование для присутствования там специальных познаний должно ставить им заметную преграду»[885].

Таким образом, основную массу чиновников можно отнести к среднему возрасту. Низовые должности представлены молодыми служащими, к 1913 г. постепенно вытесняются служащие старшего поколения. Это соотносится с данными, полученными на основе анализа медалей.

[885] Карнович Е. Указ. соч. С. 119.

Глава 5. Материальное положение и пенсии чиновников Московской губернии

Материальное положение складывается из разнообразных факторов. Во-первых, для чиновников источником дохода было жалование, которое они получали на службе. Во-вторых, необходимо оценить количество недвижимой собственности, так как именно этим определяется зависимость чиновников от жалования. В-третьих, составной частью финансового благополучия являлась и жизнь после отставки, поэтому важно рассмотреть пенсионное обеспечение.

§ 1 Жалование чиновников Московской губернии

Чиновники в Российской империи получали содержание, которое включало в себя жалование и столовые. Некоторым должностям, в обязанности которых входил объезд различных мест, выплачивались еще и разъездные. Также существовали добавочные и квартирные деньги. Как отмечал С.М. Троицкий: «Неуклонное возрастание роли денежного жалованья для разных категорий чиновников, независимо от их социального происхождения, было важным показателем проникновения буржуазных начал в организацию управления при абсолютизме»[886].

О материальном положении некоторых чиновников нам известно из различных воспоминаний, например, про московского генерал-губернатора П.П. Дурново С.Ю. Витте писал, что он являлся обладателем хорошего состояния, и служба была ему необходима только для карьеры, и уж точно, жалование не являлась для него источником средств существования[887]. В 1916-1917 гг. П.П. Дурново являлся владельцем Тепло-Саксонского лесного имения, находившегося в Нижегородской губернии Ардатовского уезда, при селе Теплове и доходных домов в Петрограде. При имении находился лесопильный завод, оранжерея и парк. В оранжерее находились редкие растения. В частности, в 1917 г. отмечалось, что из оранжерей и парников было похищено около 20 пальм, свыше

[886] Троицкий С.М. Указ. соч. С. 367.

[887] Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 399.

100 шт. цветущих хризантем, обрезали листья и поломали свыше 100 пальм. В общем списке вещей, похищенных из имения П.П. Дурново, были картины Айвазовского, Верещагина, князя Волконского, французских и итальянских художников – всего 77 картин и гравюр, а также фарфоровые скульптуры, фаянсовые изделия, французские сервизы 1815 г. на несколько сот предметов, кресты, образа и др[888]. Про генерал-губернатора А.А. Козлова известно, что он «проживал очень скромно в меблированных комнатах Троицкой у Никитских ворот. Прислугой у него была только одна кухарка», как только вышел приказ о назначении его на должность генерал-губернатора он взял ручной багаж и перенес его в генерал-губернаторский дом[889].

Даже две близкие по классу должности могли принципиально различаться в материальном обеспечении, например, должность градоначальника IV класса и должность вице-губернатора V класса в 1905 г. По первой полагалось содержание 14000 рублей и 12000 на представительство при готовой квартире с освещением и отоплением, тогда как содержание вице-губернатора составляло всего лишь 5000 рублей и без квартиры[890]. При этом должность градоначальника в период революции 1905 г. была гораздо опаснее для жизни, чем должность вице-губернатора. В Списках чиновников МВД жалование вице-губернатора А.П. Сабурова составляло 4500 р[891].

Косвенно о материальном положении могут свидетельствовать долги. Есть некоторые источники, которые указывают, что деньги в долг брали даже высокопоставленные чиновники, например, чиновник по особым поручениям А.С. Федоров (будущий вице-губернатор) состоял в долговых отношениях с

---

[888] Кононов А.А. «Захватчики, именующие себя «народ». Несколько документов из фонда П.П. Дурново. С. 160 – 167.

[889] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 48.

[890] Там же. С. 64.

[891] Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел в губерниях, областях и градоначальствах. 1903 г. Ч. 2. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1903.

некой княжной Марией Александровны Дадиан (в замужестве Арсеньева жена сенатора и тайного советника Н.С. Арсеньева), после смерти которой её брат Антоний Александрович вознамерился получить с чиновника долги, минуя цивилизованные методы обращения в суд и стараясь получить деньги через начальство вышеупомянутого чиновника. Долг составлял 4000 р., сумма по тем временам была немаленькой. Опекун имущества покойной С.Е. Голубицкий засвидетельствовал, что Федоров рассчитался по долгу и процентам, но при этом брат княжны считал себя обойденным, указывая, что ему еще причитается 274 р. процентов[892]. К справедливости, стоит отметить, что, по крайней мере, из делопроизводственных документов нельзя сделать вывод, что Канцелярия генерал-губернатора пошла на какие-то поблажки для князя Дадиана. Ему привели справку из законодательства, что «Правительственные места или лица не вправе ни разрешать спорных обстоятельств, возникших при рассмотрении ими какого-либо дела и подлежащих судебному рассмотрению». Просителю было рекомендовано обратиться в суд «по установленному порядку»[893]. При этом А.С. Федоров по должности чиновника особых поручений получал 1500 р. в год[894], соответственно чиновник, скорее всего, имел накопления или иные источники дохода. Он был женат на представительнице знатного рода Шереметьевых, поэтому выход из положения может быть объяснен богатым приданным.

Жалование чиновников управления генерал-губернатора находилось на высоком уровне, намного превышая траты условных чиновников, приведенных П.А. Зайончковским. Например, управляющий канцелярией Московского генерал-губернатора по штату 1883 г. получал содержание 4500 р.[895] Но в 1900 г. управляющий В.К. Истомин в дополнение к 4500 получал еще 1500 р.

---

[892] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 197. Д. 218. Л. 1-4.

[893] Там же. Л.2.

[894] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 168. Д. 5.

[895] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 3. 1883. С. 25.

добавочных, также он получал по аренде еще 2000 р. в год. Таким образом, его реальный доход по службе превышал установленное содержание по штату почти в два раза[896]. Последующие управляющие уже не получали таких денег за службу, но их доход тоже был выше, установленной по штату суммы. А.А. Воронин получал – 6000 р. в год вместе с квартирными деньгами[897], С.М. Борденав - 4500 р. и 1000 р. на канцелярски расходы[898]. Скорее всего, у двух последних управляющих не было такого могущественного покровителя, каким был для В.К. Истомина генерал-губернатор Сергей Александрович. Многие чиновники для особых поручений получали за свою службу жалование, так как состояли на сверхштатных должностях, служба для них была скорее способом получения чинов и наград.

Земским начальникам в 1900-1904 г. кроме столовых и жалования (1600 р.) выдавались еще и разъездные деньги (600 р.)[899]. Предполагалось, что они будут активно перемещаться по уезду, выполняя служебные обязанности. Но, как пишет в своих воспоминаниях чиновник, служивший земским начальником в каком-то из уездов юга Московской губернии, «в первые месяцы земские начальники нашего уезда очень много ездили, а затем стали ездить в волостные правления один раз в месяц на самое короткое время, на 2-3 часа, да и то не всегда»[900]. Среднее содержание в полиции в этот же период составляло примерно 684 р. Самым бедным был и.д. регистратора клинского полицейского управления С.К. Стельмахович, за службу он получал 264 р.[901] Приставы и надзирателя

[896] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 168. Д. 5.

[897] Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел. 1906 г. Ч. 2. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1906.

[898] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 209. Д. 19.

[899] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101. Д. 254.

[900] Из деревни // Русская старина. Т. 128. 1906. № 11. С. 483.

[901] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101. Д. 254.

получали 400 – 600 р. в год. Чиновники, занимающиеся канцелярской работой, получали меньше – около 300 р. в год.

В ведомстве министерства финансов среднее содержание было выше, чем в полиции 973 р. Бухгалтеры в уездных казначействах получали 700-800 р. В губернских учреждениях содержание бухгалтеров было выше (около 1000 р.). Также некоторые служащие получали дополнительную плату за банковские операции. Например, эти выплаты в размере 120 р. получал помощник бухгалтера Московского казначейства В.М. Смирнов[902]. Среднее жалование в казенной палате и казначействах в 1913 практически не изменилось, составив 967,4 р.

Остатки от денежных сумм могли быть потрачены на поощрение «деятельнейших и отличнейших чиновников»[903], так, например, это происходило в канцелярии губернатора. Выплачиваемое содержание вносилось в расходный табель. В конце года деньги жаловались в виде наград. Например, правитель канцелярии А.М. Полянский в год получал содержание в размере 1666 р., в месяц – 138 р. 24 декабря 1900 г. правитель получил в награду 214 р. 60 к. Из 10 классных чиновников 5 получили наградные деньги, старшие помощники правителя канцелярии – по 150 р., младшие помощники и регистраторы – по 125 р. Первые получали в месяц 81 р. 66 к., вторые – 65 р. 33 к., регистратор Н.С. Патер получал 57 р. 16 к.[904] Таким образом, наградные выплаты в два раза могли превышать месячный оклад.

В некоторых случаях премия давалась за какую-то определенную заслугу. Такая практика встречалась в разных ведомствах, но она не была очень распространена или не всегда фиксировалась в формулярных списках. Например, начальник 1 отделения Московской казенной палаты С.А. Соколов 7 июня 1897 г. получил 500 р. за составление справочной книги для податных инспекторов.

---

[902] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 54.

[903] СЗРИ. Т. 2. С. 49.

[904] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 74. Д. 188.

Бухгалтер того же учреждения Н.Е. Веселовский 18 октября 1894 г. получил 300 р. за труды в работе комиссии по ремонту Лазаревского института восточных языков в качестве представителя министерства финансов[905]. Подобные случаи были найдены и в полиции: верейский исправник Н.А. Зверев получил денежные вознаграждения за взыскание податей в своем уезде[906]. Но чаще всего начальство ограничивалось благодарностями без денежного поощрения.

Чиновники некоторых ведомств могли скооперироваться для создания капитала, который мог быть потрачен на различные общеполезные цели. В 1913 г. у некоторых учреждений различных ведомств возникла идея о предоставлении лицам, состоящим на государственной службе возможности льготного, а неимущим - бесплатного клинического лечения путем устройства собственных санаториев для помещения больных чинов этих учреждений[907]. Санатории либо выкупались полностью, либо покупались отдельные комнаты. Капиталы собирались на добровольной основе. Такое решение было принято и Московской казенной палатой. Отдыхать в таком санатории должны были чиновники, нуждающиеся в отдыхе или больные, страдающие незаразными болезнями. При этом плата должна была взыматься за содержание, а не за помещение. Для неимущих предполагалось учредить несколько бесплатных мест[908]. Некоторые чиновники произвели единовременный взнос, у некоторых вычитался процент из содержания в течение определенного периода. Самой распространенной ставкой было 0,5% в течение 6 месяцев. К взносам планировалось привлечь не только чиновников, но и служащих по вольному найму, в зимние сезоны сохранить право на пользование санаторием и льготным лечением за отставными чиновниками. Многие чиновники казенной палаты отказались совершать взносы, поэтому руководство выражало обеспокоенность тем, что добровольный взнос не

[905] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 46.

[906] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101. Д. 254.

[907] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 5. Д. 226. Л. 1.

[908] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 5. Д. 226. Л. 2.

позволят собрать необходимой суммы[909]. При этом, например, в третьем отделении казенной палаты принять участие во взносах отказались все чиновники. Во 2-ом отделении начальник не принимал участие в опросе, большая часть столоначальников и их помощников приняло участие в сборе средств, все 6 канцелярских служителей отказались, из 24 писцов по вольному найму только 10 сделали взносы. По первому отделению 27 чиновников из 48 согласились финансово поддержать инициативу[910]. Частые отказы среди канцелярских служителей могут быть объяснены их плохим материальным положением.

В 1900 г. московская пресса писала о том, что от министерства земледелия исходила инициатива по организации общества взаимопомощи чиновников. Основной задачей общества должна была стать постройка трех больших домов с дешевыми квартирами для чиновников: двух – в Петербурге и одного в Москве. При домах предполагалось устроить театры, читальни, рестораны. Автора заметки возмущает этот факт: «устраивать общество взаимопомощи для того, чтобы у чиновников был собственный театр и собственный ресторан – это уж, знаете, «немножко множко»»[911]. В начале заметки автор замечает, что «чиновничество должно быть признано особенно обеспеченным» благодаря правам на пенсию, хотя при этом делает некоторые оговорки: «…но пенсии – это обеспечение условное: поди выслужи её…», «…не всем чиновникам удается воспитывать детей за казенный счет»[912]. В этой заметке хорошо прослеживается взгляд общества на чиновников, как на слой, пользующийся относительным материальным благополучием.

При этом чиновничество представляло собой неоднородную в материальном положении группу. Нельзя сравнивать достаток чиновников на классных должностях с доходами канцелярских служителей. Сложно составить

---

[909] Там же. Л. 55.

[910] Там же.

[911] Московский листок. 1900. № 11.

[912] Там же.

представление об их жаловании, так как обычно они получали содержание «по трудам и заслугам». Канцелярский чиновник Московского уездного казначейства В.И. Тихомиров в 1901 г. жаловался на то, что получает жалование 21 рубль в месяц (252 р. в год), на эти деньги не может прокормить «большую» семью[913]. Содержание канцелярских чиновников и вольнонаемных писцов не прописывалось в штатных расписаниях ведомств, поэтому формулировка «по трудам и заслугам» приобретает буквальное значение. Все канцелярские служители получали жалование в разном размере. Женщины-канцеляристки, хотя и не состояли на государственной службе, могли получать жалование примерно такое же, как и мужчины, которые пользовались правами государственной службы. В 1912 г. в казначействах и Московской казенной палате насчитывалось 86 вольнонаемных писцов, на содержание которых было истрачено 21 984 р. (т.е. 255 р. на человека), но эта цифра не отражает объективной картины, так как жалование как писцов, так и служителей могло отличаться очень сильно. Например, наибольшую зарплату в Московской казенной палате получал служитель четвертого отделения Гусев, его содержание в год составляло – 720 р. Содержание вольнонаемных писцов тоже было очень разным, например, в Московском казначействе они могли получать от 120 до 600 р. Среди служащих Московской казенной палаты было взято 20 писцов, их среднее содержание составляло 468 рублей, среди 38 канцелярских служителей средний показатель содержания составлял 500 р., среди 14 женщин-канцеляристок – 477 р[914]. Таким образом, если судить по сведениям Московской казенной палаты на 1913 г., которыми мы располагаем, жалование нижних чинов было примерно одинаковым независимо от пола и от того, состоял ли чиновник на государственной службе. Жалование нижних чинов зависело также и от учреждения. Например, даже в рамках одного ведомства (Министерства финансов) содержание в казначействах и в палате отличалось. В Серпуховском

[913] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп 5. Д. 51. Л. 2.

[914] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г Ф. 51. Оп. 5. Д. 262.

казначействе за 1913 г. писцы получили не более 348 - 360 р., канцелярские служители – не более 336 – 372 р., в Волоколамском – служители получали 240 – 264 р. и писцы - 300 – 360 р., в Рузском – 240-288 р. и 324 р., в Коломенском казначействе не было канцелярских служителей, писцы получали в год от 168 до 480 р[915]. В 1912 г. в Бронницком казначействе 1 канцелярский служитель получал в год содержание 360 р. и 3 писца - 276 р., 300 р. и 396 р.[916] Таким образом, в казначействах проявлялась такая же тенденция, что жалование служителей и вольнонаемных писцов не различалось, но сам размер платы был меньше чем в казенной палате. В канцелярии губернатора канцеляристы и писцы получали в среднем 30 р. в месяц, что составляет 360 р. в год[917].

Небольшие денежные награды могли вручаться чиновникам к праздничным датам (к Пасхе и к Рождеству). При этом выплаты тоже зависели от должности. Казначей на Пасху в 1912 г. мог получить 90 р. на Рождество – 100 р. Старший бухгалтер по 60 р. Бухгалтера 1 разряда 21 р. – на Пасху и 34 – на Рождество и т.д. Также праздничная премия могла выдаваться на лечение болезни или воспитание детей[918].

Серьезной материальной нагрузкой являлись дети, так как деньги уходили на их содержание и обучение. Податной инспектор Н. Скуратов в 1914 г. проживал в городе Бронницы и имел 4-ех детей, он жаловался на то, что в городе нет средних учебных заведений, поэтому он вынужден оплачивать обучение детей в других городах: в Москве и Рязани, на что уходило 900 р. в год. На обучение двоих младших детей чиновник средств уже не имел. Примерное содержание с квартирными деньгами у податного инспектора в 1913 г. составляло 1800 р. в год[919].

---

[915] Там же.

[916] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 155. Л. 12

[917] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 74. Д. 188.

[918] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 155. Л. 12.

[919] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 5. Д. 262. Л. 1.

Некоторые чиновники были вынуждены искать заработок «на стороне», что отвлекало их от основных служебных обязанностей. В.Ф. Джунковский указывает на то, что губернский инженер получал 2500 р. в год, на квартиру ему приходилось тратить не менее 1200-1500 р. Губернатор оценивает это содержание, как «крайне скудное»[920], при таких оценках содержание писцов и канцелярских служителей можно расценивать как мизерное. Особенно стоит упомянуть, что для многих учреждений жалование прописывалось в штатах общих для всех регионов, тогда как цены в разных губерниях различались.

Е. Карнович писал о современном ему чиновничестве, что все-таки оно «в большинстве своем находится не в благоприятном положении относительно его материального быта»[921]. Также автор говорит о важности повышения материального положения служащих, чтобы они не искали побочных заработков, в том числе и нелегальных[922]. Похожие проблемы испытывали и врачи. Несмотря на то, что их содержание было достаточно высоким, врачи московских больниц, пользовавшиеся правами государственной службы, обычно получали жалование в размере 1200 р., а врачи благотворительных учреждений имели меньший оклад. Только 8 мая 1906 г. на основании доклада особого совещания врачей работного дома при участии заведующего врачебно-санитарной частью А.Г. Петровского были изменены штаты «некоторых благотворительных учреждений». До этого врачи в работном доме получали двое – 900 р., еще двое - 600 р. После изменения штатов содержание в этих учреждениях было доведено до уровня жалования больниц (у старших врачей - до 1800 р. у врачей – до 1200 р. и у фельдшеров – до 480 р.). Участники совещания отмечали, что из-за недостаточного содержания служащие были вынуждены искать себе заработка в других учреждениях[923].

---

[920] Джуковский В.Ф. Указ. соч. С. 439.

[921] Карнович Е. Указ. соч. С. 121.

[922] Там же. С. 126.

[923] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 179. Оп. 50. Д. 933. Л. 2-3.

Если врач пользовался казенным содержанием, то ему запрещалась требовать «непомерную» плату с малоимущих, а у неимущих, порученных надзору врача, плату и вовсе запрещалось брать. То есть фактически закон оставлял вопрос о том, сколько взять с больного, на усмотрение врача, рассчитывая на его порядочность.

Кроме того, медик, состоящий при казенных учреждениях, обязывался лечить чиновников этих мест бесплатно. При этом у людей «достаточных», желающих изъявить свою благодарность за оказанную помощь, дозволялось брать плату, превышающую установленную плату[924]. Согласно норме, доктор медицины «за посещение в городе, с прописанием рецепта» мог взять 30 копеек, «без прописания рецепта» - 15 копеек, «за посещение за городом» - 60 копеек, «за словесный или письменный совет» - 1 р. 90 коп. При этом услуги лекаря, т.е. врача, не имеющего степени по медицине, вознаграждались 15, 30 и 90 копейками соответственно[925]. Фактически, это напоминало легальную форму взятки. Так как, зная, что состоятельный человек может вознаградить труды, врач будет прикладывать больше старания к лечению этого больного, чем к тому, который оплачивал услуги согласно норме или вовсе не имеет средств.

Уровень потребления чиновников был невысок, все сослуживцы знали размер содержания и, когда чиновник начинал тратить большие суммы, это начинало вызывать подозрения. Например, при расследовании по поводу злоупотреблений с почтовыми переводами в Московском почтамте при опросе чиновников выяснилось, что подозреваемый почтовый чиновник 6 разряда Гноринский совершал несоответствующие своему содержанию траты. «… накануне праздника Св. Пасхи, как я припоминаю, мне случилось быть вместе с Гноринским в сырной торговле братьев Бландовых на Мясницкой улице и им куплено закусок около 8 р., в отделение приема заказной корреспонденции заходит торговый Савелий с ветчиной, с курами и прочею снедью, у которого

[924] Там же. С. 210.

[925] СЗРИ. Т. 13. С. 210.

Гноринский покупал много большей частью за наличный расчет». Тот же свидетель отмечает, что вышеупомянутый чиновник получал 30 р. жалования в месяц, но при этом расспросы других сослуживцев показали, что жена чиновника получала около 80 р. в месяц, работая портнихой[926]. Из этого следует, что трата в размере 8 р. считалась значительной и привлекала к себе внимание. При этом речь в данном случае не идет о каких-то крупных покупках, а только продуктах питания, качество которых превышало средний уровень.

О недостаточном уровне содержания, а как следствие и коррупции, пишет В.Ф. Джунковский. «… совершенная необеспеченность чинов врачебного управления, нищенские оклады, получаемые ими, служили причиной большого соблазна при рассмотрении дел о разрешении аптеки в столице, когда каждый подававший прошение об открытии аптеки готов был дать любое вознаграждение, попросту говоря, взятку, чтобы его удовлетворили»[927].

Таким образом, в российском обществе установилась двойственная ситуация, когда в общественном мнении начала XX в. прочно закрепился миф о благополучии чиновничества. Судили в первую очередь по высокопоставленным служащим, которые действительно могли извлекать хороший доход из службы. При этом основная масса чиновников низшего звена не могла похвастаться большим содержанием. Это заставляло служащих искать альтернативные источники средств на стороне или заниматься взяточничеством, растратой казенных средств. При этом не стоит проводить прямую связь между низким уровнем доходов и коррупцией, так как канцелярским служителям или писцам едва ли кто-нибудь стал бы давать взятку. Доходы чиновников Министерства финансов в Московской губернии были выше, чем служащих полиции. Служащие среднего звена могли обеспечить себе хоть и не роскошную, но

[926] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 508. Оп. 13. Д. 901. Л. 76.

[927] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 433.

достойную жизнь, но при появлении в их семье детей их жалования тоже становилось недостаточным.

§ 2 Собственность и имущественные отношения чиновников Московской губернии

У большинства чиновников Московской губернии не было выявлено собственности, у части чиновников сведения об имуществе вообще отсутствуют. Данные изложены в таблице № 20 (см. приложения). В статистику было включено 536 человек, собственностью из них владели всего 76 (14%). Самым популярным видом собственности были дома. Домовладельцы составляли 64% среди всех чиновников, обладающих собственностью. Примерно 35% являлись землевладельцами, что от общего числа чиновников, выявленных для статистики, составляет всего 5%. Данные подтверждают тот факт, что чиновничество Московской губернии пополнялось из городских жителей. При этом дома с земельным участком был достаточной редкостью. Чиновник, владеющий фабрикой, был выявлен всего 1. Это был врач Серпуховского городского училища Игнатов Александр Митрофанович. Совместно с братом у них была красильная фабрика в городе Серпухов[928].

Небольшое количество домовладельцев объясняется тем, что многим чиновникам приходилась переезжать в поисках работы из одной губернии в другую. Сложно определить точную причину перемены места жительства, так как между увольнением с должности в одной губернии и определением на другую часто проходит большое количество времени. Например, коллежский регистратор Чековский служил в дворянской опеке Владимирской губернии,19 марта 1885 г. он был оставлен за штатом. 2 июня 1892 этот чиновник уже был назначен регистратором полицейского управления Подольского уезда, что произошло в его жизни за этот период нам неизвестно. Но ясно, что что-то заставило его изменить место жительства. Во всяком случае смена места службы

[928] Список врачей служащих в учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения на 1906 г. СПБ.

имело положительный результат для Чековского, так как прослужив около 10 лет в опеке Владимирской губернии, не считая службы писцом, он добился только чина коллежского регистратора. Тогда, как в Московской губернии за 4 года получил сразу два чина, хотя старшинство чина губернского секретаря считалось с 1886 г.

Владимирская, Московская и Тверская губернии граничил друг с другом, что значительно упрощало перемещения жителей между административными единицами. Кроме соседних губерний, служащие стекались в Москву и из более отдаленных мест. Достаточно часто среди чиновников можно встретить выходцев из Западного края и других западных регионов России. При этом миграции людей в поисках работы на государственной службе из восточных и южных регионов практически не зафиксировано.

Среди землевладельцев большинство имели надел менее 500 десятин. Также земля могла не вся принадлежать чиновнику, а только на правах совместного владения с братьями и сестрами. Иногда собственность принадлежала не самому служащему, а его родителям или жене. Например, непременный член Московского губернского присутствия А.М. Устинов имел в совместной собственности с братьями и сестрами 1000 десятин земли в Петровском уезде Саратовской губернии[929]. Наиболее бедные чиновники служили в полиции, среди них нет землевладельцев с землей более 500 десятин. Многие из них происходили из мелкопоместного дворянства. Например, Филатов Николай Трофимович, служивший помощником клинского уездного исправника, происходил из потомственных дворян и представлял собой типичного полицейского с собственностью. За ним числилась неразделенная с наследниками земля в Волоколамском уезде, откуда и происходил этот чиновник, так как в службу он вступил в этом же уезде и прослужил на полицейских должностях 40 лет, за это время приобрел в Волоколамске один одноэтажный и другой

[929] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 65. Д. 333.

двухэтажный дом[930]. Очевидно, что собственность не позволяла вести образ жизни дворянина-помещика, образование не позволяло сделать выдающуюся карьеру, поэтому единственным источником заработка для таких чиновников становилась служба. Среди медицинских чиновников также не имелось людей с крупными земельными наделами. У чиновников Министерства финансов наиболее крупные землевладельцы встречаются среди податных инспекторов. Например, Яньков Георгий Дмитриевич происходил из дворян и имел 1000 десятин в Рязанской губернии и деревянный дом в Москве. Другой податной инспектор Бакунин Николай Модестович имели 3000 десятин в Санкт-Петербургской губернии, 600 десятин имел управляющий казенной палатой С.И. Урсати. Наиболее крупные землевладельцы служили в канцелярии генерал-губернатора, чиновники для особых поручений М.Я. Иваненко и П.А. Базилевский имели более 10000 десятин земли. Они состояли на сверхштатных должностях и не получали за них содержания, служба явно не была для них источником средств существования, а была лишь элементом престижа. У М.Я. Иваненко было имение в Таврической губернии размером 11000 десятин, в Астраханской 12000, а у его жены в Московской губернии было 1300 десятин[931]. У Базилевского в Полтавской губернии было 21000, а в Минской - 10000[932]. Достаточно крупным землевладельцем был московский губернатор А.Г. Булыгин, он имел родовых 2675 десятин в Саратовской губернии, 220 благоприобретенных десятин в той же губернии и 265 десятин в Рязанской губернии, у его жены в общем владении с сыном от первого брака был каменный дом в Москве[933].

По чинам крупные землевладельцы занимали должности выше VIII класса, особенно большое их количество соответствует должностям VI класса: земского

[930] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 101. Д. 254.

[931] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 198. Д. 5. Л. 77-78.

[932] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 203. Д. 5. Л. 14-15.

[933] Там же. Л. 51.

начальника, податного инспектора или чиновника для особых поручений. Эти должности в 1900-1906 гг. чаще всего занимали дворяне. Можно проследить явную тенденцию в увеличении числа собственников среди чиновников в зависимости от увеличения класса должности. Например, если взять общее число чиновников, выявленное по определенному классу, и посчитать долю собственников, то получится, что в XIV классе служащие, которые владели собственностью, составляли только 9% от чиновников XIV класса, внесенных в статистику. В XII – 8%, X-15%, в IX классе было обнаружено слишком мало собственников, VIII – 13%, VII – 17 %, VI – 27%. Относительно чинов сохраняется такая же тенденция от лиц без чинов до коллежских советников.

Если рассмотреть сословный состав чиновников-землевладельцев (см. таблицу № 21 в приложениях), то выяснится, что среди них преобладали дворяне. Для компактности статистики мы объединили потомственных и личных дворян, хотя последние по своему происхождению и знатности существенно отличались, но их количество настолько мало, что на общий результат это влияет слабо. Хорошо иллюстрирует ситуацию с собственностью у дворян чиновников история рода Боратынских, к которому принадлежал московский вице-губернатор Лев Андреевич Боратынский. Судя по предисловию, написанному братом Льва Андреевича Михаилом, единственным собственником родового имения в этом роду остался последний. Имение в Кирсановском уезде Тамбовской губернии были пожалованы Павлом I двум братьям Боратынским[934], которые происходят от Андрея Ильича Боратынского, представителя тамбовской ветви дворян Боратынских, после смерти, которого родовое имение было разделено между тремя сыновьями[935]. Старший сын Лев получил свою часть деньгами, второй сын Илья, заплатив ему за его долю, получил две части имения, младшему Михаилу (автору истории рода) досталась часть имения с усадьбой и хозяйственными постройками.

[934] Боратынский М.А. Род дворян Боратынских. М.: Историко-родословн. общество, 1910. С. 5.

[935] В семье было еще три сестры Софья Анна и Наталья.

Судьба этого высокопоставленного чиновника отражает и судьбы многих других чиновников дворянского происхождения, которые рвали свою связь с землей, переходя на государственную службу. Основным источником дохода для них становилось жалование. То, что он взял свою часть наследства деньгами говорит о том, что он изначально не был нацелен на жизнь, связанную с ведением хозяйства. Его братья Илья и Михаил не добились значительных успехов на поприще гражданской службы, а остались помещиками. Илья и продал свою часть имения в Тамбовской губернии и купил себе землю в Хотинском уезде. Какое-то время Иван занимал должность земского начальника в Тамбовской губернии, но эта служба явно не составляла основной источник его дохода. Михаил пошел по военной линии, выйдя в отставку, он продолжил жизнь обычного помещика[936].

Остальные сословия, если и владели землей, то её количество было невелико и не превышало 500 десятин. Землей владели 1 сын чиновника и 1 сын военного, которые также могли иметь дворянское происхождение, 1 мещанин и один сын обер-офицера, но основными землевладельцами все равно оставались представители привилегированного сословия (83%). При этом дворяне преобладали в общем составе чиновничества, а дворяне с собственностью составляли всего 22% от общего количества дворян. А вот среди домовладельцев преобладали лица недворянского происхождения (69%). Домами чаще всего владели дети священнослужителей, так как они вообще были второй крупной группой среди чиновников.

Таким образом, большая часть чиновничества не имела собственности, единственным источником средств к существованию было жалование, которое они получали за службу. Большинство землевладельцев были дворянами, чаще всего они служили на средних или высоких должностях. Крупные землевладельцы чаще всего служили в высших учреждениях Московской

[936] Боратынский М.А. Указ. соч. С. 15-16.

губернии. При этом дворяне реже имели дома в собственности, чем остальные сословия недворянского происхождения.

§ 3 Пенсионное обеспечение чиновников Московской губернии

В Российской империи пенсия не имела массового характера и выплачивалась исключительно государственным служащим. Законом устанавливалось, что пенсию могут получать чиновники, которые беспорочно выслужили установленные сроки. Второй вид выплат осуществлялся за проявленное усердия в случае, если чиновник лишился трудоспособности по болезни[937]. Также пенсия могла выплачиваться по статуту о орденах. Другим видом финансовой поддержки являлись единовременные пособия. Они могли назначаться, если чиновник оставил службу из-за тяжелой неизлечимой болезни, прослужив от 1-5 лет[938].

Чиновников можно считать одними из первых в российской истории людей, которых государство страховало на случай производственных травм при исполнении. Даже канцелярские чиновники на нештатных должностях могли получить пенсию наравне с классными чиновниками[939]. После смерти чиновника пенсию продолжали получать его супруга и дети.

Чиновники, желающие получить пенсию, или их вдовы и родственники подавали об этом прошение начальству[940]. При назначении пенсии также выяснялись следующие обстоятельства: сколько чиновник получал жалования, был ли выплачен последний оклад, не награждался ли он в процессе службы какой-нибудь пенсией, награждался ли при отставке чином. Если обращалась вдова, то выясняли обращался ли умерший чиновник с прошением о пенсии сразу после отставки, по каким причинам не просили, не подвергался ли чиновник суду

---

[937] СЗРИ. Т. 3. С. 181.

[938] Там же. С. 181.

[939] Там же.

[940] Там же. С. 198.

и др[941]. Непосредственное начальство чиновника в течение месяца обязано было представить прошение на рассмотрение в министерство, где министры и главноуправляющие могли назначить пенсию, с этой целью они входили в переписку с министром финансов[942]. Лицам, которые обвинялись во взяточничестве и лихоимстве, пенсия могла быть назначена только через Высочайшее соизволение[943].

Так как пенсия выплачивалась из казенных средств, то назначение её не проходило без одобрения со стороны Министерства финансов, которое часто, ссылаясь на различные законы, стремилось снизить сумму выплат. Так, например, вдова штатного акушера Московской городской полиции Заткевича ходатайствовала о назначении ей усиленной пенсии, министр финансов разъяснил, что Заткевич прослужил 13 лет и получал пенсию 400 р., а вдове полагается половина, т.е. 200 р. В результате по решению министерства финансов была назначена сумма в 200 р[944]. В некоторых случаях начальство было бы радо выхлопотать пенсию побольше, но окончательное слово все равно оставалось за Министерством финансов. Бывший околоточный надзиратель Московской городской полиции Дорофей Наконечный просил пенсию в усиленном размере, так как за 27 летнюю службу по закону ему полагалась мизерная сумма в 57 р. 20 копеек. Бывший полицейский имел проблемы со здоровьем и нуждался финансово. Рассмотрев эти факты, обер-полицмейстер ходатайствует даже не о двойном размере пенсии, а почти о пятерном - 275 р. Из МВД сообщили, что назначили 240 р., так как министр финансов был против изначальной суммы, ссылаясь, что в подобных случаях не назначают пенсию в таком размере[945]. При этом даже для высокопоставленных чиновников было сложно добиться

[941] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 199. Д. 134. Л. 6.

[942] СЗРИ. Т. 3. С. 204-205.

[943] Там же. С. 204.

[944] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 198. Д. 34. Л. 5-7.

[945] Там же. ЛЛ. 33-35.

повышения пенсии вопреки желанию министерства финансов. Старший делопроизводитель иностранного отделения управления Московского генерал-губернатора М. Мостовский по должности мог получать пенсию по 3 разряду 2 степени[946]. Этот чиновник прослужил 37 лет, из них 25 лет по ведомству МВД, 18 – в управлении генерал-губернатора. 35 лет позволяли получать полный пенсионный оклад по разряду, который составлял 428 р. 85 коп[947]. Для чиновника ходатайствовали о назначении пенсии в размере 2000 р. «в качестве монаршей милости»[948]. Столько же он получал, когда состоял на службе[949]. Министр финансов ответил, что не может назначить пенсию выше 1500 р., который составляет ¾ содержания М. Мостовского, поэтому 20 февраля 1901 г. назначили пенсию, указанную министром[950]. Возможно, начальство изначально старалось испрашивать максимальную пенсию, зная, что их решения будут скорректированы финансовым ведомством.

Также М. Мостовский дополнительно к содержанию получал еще и пенсию 496 р. 84 коп. за 15-летнюю службу по ведомству императрицы Марии[951]. Вообще законом не допускалась практика, которая в настоящее время имеет широкое распространение – получать и жалование, и пенсию. Это допускалось только в исключительном случае. Например, когда пенсия жаловалась особенным указом, назначалась за тяжелые ранения или чиновник продолжал службу по выборам от дворянства, по городскому управлению, когда жалование выплачивалось не из государственной, а из городской казны. Исключение делалось и для некоторых категорий служащих: мировых судей, урядников, непременные члены и

[946] ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 3. 1883. С. 25.

[947] СЗРИ. Т. 3. С. 316.

[948] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 199. Д. 302. Л. 8.

[949] Там же. Л. 46.

[950] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 199. Д. 302. Л. 38-44.

[951] Там же.

секретари губернских присутствий[952]. Оставляя одно место и, переходя на другое, чиновник терял право получать пенсию по предыдущему месту службы.

К некоторым лицам проявлялась определенная дискриминация. В эту категорию попадали представители, так называемого, бывшего податного сословия, в отношении которых действовали ограничения до 1906 г. Лица, которые не могли занимать должность, но все же были на неё определены, также не могли получать пенсию, не пользовались выплатами и вольнонаемные служащие[953].

Отпуск не более 4 месяцев не исключался из срока пенсии, а в тех местах, где допускался такой отпуск, - более 6 месяцев[954]. В этом проявлялся некоторый гуманистический элемент законодательства, близкий к современному подход к служащим. Также существовало еще множество уважительных причин, которые давали право чиновнику зачислить срок его отсутствия на службе в срок выслуги пенсии, например, просрочка отпуска из-за задержки в карантине. В пенсиях также прослеживается связь гражданской и военной службы, так как выслуга при переходе из одной в другую сохранялась[955].

На пенсию мог претендовать не только сам чиновник, но и его семья после его смерти. Такие выплаты назначались в нескольких случаях: если чиновник умер на службе или, если он умер в отставке, получая пенсию. При этом усыновленные дети не имели права получать финансовую поддержку за службу своего приемного родителя[956]. Если чиновник умирал, не успев выйти в отставку, то получить его пенсию семейство могло только в случае наличия 3 и более детей. На саму вдову приходилось половина пенсии мужа, а на детей по 1/3. Аналогичное правило распространялось на сирот, они получали ¼ часть на

[952] СЗРИ. Т3. С. 182-184.

[953] Там же.

[954] Там же. С. 191.

[955] Там же.

[956] Там же. С. 185.

каждого так, что 4-го детей вместе получали полную сумму. При этом выдача пенсии вдове прекращалась в случае её замужества, пострижения в монашество, осуждения по приговору суда и пребывание за границей дольше допустимого срока[957]. Дочери переставали получать пенсию в случае замужества, после достижения 21 года, поступление в общественное заведение на казенное содержание прекращало выдачу пенсии сыновьям и дочерям. Сыновьям переставали выплачивать суммы за службу отцов после поступления на государственную службу или при достижении семнадцатилетнего возраста[958].

Все пенсии делились на 9 разрядов, третий разряд делился еще на две степени. Согласно штату каждая должность имела свой разряд. При этом класс и разряд не всегда были одинаковыми. Казначей уездного казначейства и городской участковый пристав имели одинаковый класс должности (VII), но разные разряды пенсий – 5 и 4 соответственно. Но для получения выплат мало было дослужиться до определенной должности, необходимо было провести в ней 5 лет. В противном случае пенсия назначалась по разряду предыдущей должности. Чиновники, оставившие службу по болезни, получали пенсию по последней должности. На суммы, которые чиновники получали в отставке, влияло и жалование, если оно было меньше суммы, причитавшейся по разряду, то бывшему служащему пенсия назначалась по содержанию[959]. Пенсионный срок начислялся только с действительной службы, которая считалась с 16 лет.

Прослужив 25 лет, чиновник мог получить половину оклада, а прослужив 35 лет – полный оклад. Для вышедших в отставку по болезни этот срок снижался, прослужившие от 10 до 25 лет получали 1/3 оклада, 25-30 лет – 2/3 оклада, после 30 лет могли претендовать на полный оклад[960]. Страдавшие неизлечимой болезнью, которая не давала возможности обходится без ухода, могли получить

[957] Там же. С. 193, 195, 208.

[958] Там же.

[959] Там же. С. 187 - 188.

[960] Там же. С. 191, 192.

те же части оклада за 5-10 лет, 10-20 лет и более 20 лет соответственно[961]. Более гуманный подход к больным служащим - определенно положительный момент в законодательстве о службе. Оклад рассчитывался согласно табели разрядов пенсий. При желании начальство могло назначить и усиленную пенсию[962]. Например, столоначальник канцелярии генерал-губернатора[963] Ефим Глущенко при жизни получал усиленную пенсию за свою 35-летнюю службу, хотя по разряду его должности ему полагалось 214 р. 50 коп. В 1900 после его смерти вдова исходатайствовала себе пенсию, которая для неё тоже получилась усиленной в размере 200 р. [964], тогда как по закону должна была быть 107 р. 25 коп[965].

Чтобы доказать, что чиновник не мог продолжать службу по болезни, необходимо было пройти медицинское освидетельствование и предоставить соответствующие документы. Страдающие психическими заболеваниями чиновники, тоже должны были пройти освидетельствование. Оно назначалось по ходатайству родственников. Как отмечает В.Ф. Джунковский, «иногда действительно больной признавался здоровым и в опеке отказывалось, и наоборот». Больному задавались вопросы: имя, фамилия, отчество, есть ли родственники, имеет ли капитал. Некоторые психически нездоровые люди давали гладкие ответы и это являлось основанием для отказа в опеке[966]. Сама процедура была очень неудобной. Присутствие могло признать человека душевнобольным, а опровержение неправильного решения Сенатом часто затягивалось. А человек, признанный душевнобольным, терял дееспособность, доверенности его теряли свое значение, кредитные учреждения отказывали даже родственникам больного

[961] Там же. С. 88.

[962] Там же. С. 188.

[963] Должность существовала до принятия штата 15 февраля 1883 г.

[964] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 199. Д. 134. Л. 5-9.

[965] СЗРИ. Т. 3. С. 319.

[966] Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 435.

и т.д. Это ставило семьи в тяжелое материальное положение. Для ускорения дел В.Ф. Джунковский обращался в полуофициальном порядке к первоприсутствовавшему в судебном департаменте Сената. Некоторое время это имело действие, дела действительно разрешались быстрее, но потом отношения между губернатором и сенатором испортились и опять начались задержки[967]. В похожем положении оказалась Варвара Синичкина жена титулярного советника. С 14 февраля 1895 г. её муж страдал от психического заболевания, вследствие чего был помещен в Мещерскую городскую больницу. Синичкина осталась с 4 детьми и без средств к существованию, просила о переводе мужа в Московскую больницу и о пособии, но все просьбы остались без удовлетворения[968].

Если пенсия рассчитывалась из суммы содержания чиновника, то в него не входили всевозможные дополнительные выплаты, такие как разъездные и на канцелярские расходы. Таким образом, учитывалось только жалование, столовые и квартирные (если они не получались натурой). Лишались права на пенсию те чиновники, которые при отставке испрашивали право на чин, но при повторном поступлении на службу чин с них снимался, а право на пенсию восстанавливалось. Также теряли право на пенсию чиновники, которых по суду лишили прав состояния или освобождали от должности. Даже, если чиновник был помилован, то право на пенсию не восстанавливалось[969]. За усердную службу чиновник мог получить особую награду, чтобы наказания не служили препятствием к получению пенсии[970].

Выслуга лет играла важную роль для получения пенсии, поэтому большая масса чиновников служила на протяжении всей жизни в одном ведомстве. Более успешные продвигались по карьерной лестнице, судьба других была десятилетиями сидеть на одних и тех же должностях и ждать открытия вакансий.

---

[967] Там же. С. 436.

[968] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 199. Д. 284. Л. 1-2.

[969] СЗРИ. Т. 3. С. 184.

[970] Там же. С. 185.

Система была устроена таким образом, что перемена места слишком снижала шансы чиновника вновь получить должность аналогичного класса. Но редко встречались и чиновники, которые, наоборот, очень часто меняли места службы. Например, Иван Филатов еще 14 марта 1866 поступил на службу служителем в Волоколамский уездный суд, как раз в этом году уездные суды в Московской губернии были упразднены указом Сената. Чиновник был оставлен за штатом, а 23 декабря 1866 г – уволен. 19 декабря 1870 он поступил почтальоном в Волоколамский уезд, откуда меньше чем через год тоже был уволен. Затем Филатов достаточно долгий срок проработал в Волоколамской дворянской опеке и к 50 годам он уже служил в низовой должности Регистратора Волоколамского полицейского управления[971].

Для разных ведомств не существовало одинаковых правил на пенсию. Например, привилегии имели чиновники придворного ведомства, за 15 лет они получали 1/3 жалования, за 30 лет – полное жалование и даже за 45 лет полное жалование и 2/3 содержания[972]. Чиновники тюремного ведомства в случае посягательства на их жизнь вследствие исполнения ими служебных обязанностей или вне исполнения обязанностей, но как на должностное лицо, могли получить пенсию независимо от сроков. Сумма могла быть назначена до полного оклада в соответствии с семейным и имущественным положением чиновника[973]. За 20 лет службы врачам давали право на половину жалования, за 30 – на полное. Стоит заметить, что медицинская пенсия составлялась именно из жалования, а не из разряда. При выходе в отставку по болезни врач за 20 лет получал полный оклад, от 1 до 5 лет – 1/3 оклада. За выслугу 10-15 лет полагалось 2/3 жалования. Например, штатный врач высшего оклада Московской городской полиции Николай Пронин по должности получал содержание 1300 р. в год, но через 20 лет по выходе в отставку ему была назначена пенсия всего 300 р. Причина в том, что

[971] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 65. Д. 393. Л. 27-30.

[972] Там же. С. 209-210.

[973] Там же. С. 282-283.

на деле его содержание было меньше, так как из него следует вычесть столовые и разъездные, так как по закону они не включались в сумму пенсии[974].

Служащие по медицинской, ветеринарной и фармацевтической части находились в двойственном положении. С одной стороны, они могли получать пенсии от того ведомства, где служили, но и могли пользоваться правилами для медицинских чиновников. Выплачивалась та сумма, которая была больше[975].

Так как врачи подвергали себя реальной опасности умереть от заразных болезней или погибнуть в военных действиях, то их семейству в случае гибели в ходе сражения гарантировалась полная пенсия врача в зависимости от сроков выслуги лет. Если врача командировали в карантинную зону, где он погибал от болезни, то семье причиталась единовременная выплата в размере годового жалования и пенсия[976]. Например, Николай Васильевич Корзлинский в 1886 г. при выполнении обязанностей в Московской второй городской больнице заразился сыпным тифом, после чего его здоровье существенно ухудшилось, в легком возникла эмфизема, к 1900 г. он вышел в отставку совершенно больным человеком с катаром дыхательных путей и опухолью легкого. Всего штатный ординатор прослужил 24 года (в службу вступил в 1876), но правами государственной службы пользовался только с 25 марта 1879 г., т.е. 20 лет, что по закону давало ему право на полный оклад, который составлял у него с 1 ноября 1882 г. 1200 р., но в результате пенсия была назначена 2/3 от жалования и составляла 722 р 25 коп вместо 799 р 99 коп (что составляет 66,66% от 1200)[977].

Воля начальства при назначении пенсии играла большую роль. Необходимость постоянно прибегать к изменению пенсии по закону свидетельствует о несовершенстве системы. Важнейшими недостатками была привязка к разрядам, которые зависели от должности. Система, при которой для

---

[974] СЗРИ. Т. 3 С. 184.

[975] Там же. С. 292.

[976] Там же. С. 295, 297.

[977] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 179. Оп. 50. Д. 777. Л. 1-18.

получения даже половины суммы оклада по разряду, необходимо было прослужить 25 лет. При этом не существовало никакой плавного пропорционального увеличения размера пенсии. В этой ситуации доход чиновников в отставке был не гарантированным. Даже семья такого важного должностного лица, как начальник уездной тюрьмы, не могла быть обеспечена в достаточной степени. Хорошим примером является начальник бронницкой тюрьмы Владимир Шатский, который прослужил 24 года 9 месяцев 18 дней (начальником тюрьмы 1 год 4 месяца), т.е. чуть-чуть не дослужил до 25 летнего срока. После его смерти его вдове с тремя детьми полагалась ничтожная сумма 64 рубля 30 копеек. В результате чего начальству пришлось назначить усиленную пенсию 300 р. в год[978], т.е. изначальную сумму увеличили более чем в 4 раза. При этом речь идет о достаточно привилегированной категории чиновничества: начальникам тюрем срок выслуги засчитывался как 35 лет за 25[979].

В Московской губернии выявлены случаи назначения пенсий женщинам. Например, М.В. Засуховская служила в статистическом отделении городской управы. Скорее всего, не пользовалась правами государственной службы, поэтому пенсия ей была присуждена из-за сложного материального положения и выплачивалась из пенсионно-вспомогательной кассы по Московскому городскому общественному управлению: она имела 5-месячную дочь, муж умер, из родственников остался только душевнобольной дядя. С 1887 была зачислена в штат, а в 1900 г. была вынуждена уволиться со службы с пенсией по состоянию здоровья. Медицинское освидетельствование выявило большое количество болезней (кровохаркание, катар желудка и кишок и др.). В результате была назначена пенсия в размере 161 р. 58 коп. с. 1 октября 1900 г.[980] Законом устанавливались должности, на которых пенсию могли получать женщины, например, в качестве домашней учительницы, телеграфистки или служащей по

[978] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 199. Д. 167.

[979] СЗРИ. Т. 3. С. 283.

[980] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 179. Оп. 50. Д. 775.

ведомству учреждений Императрицы Марии. Женщины-врачи, если они занимали должность, по которой полагается пенсия, тоже могли её получить. При этом такая пенсия не прекращалась замужеством[981].

Канцелярские служители, которым «не производилось на службе постоянного жалования»[982], имели только небольшую компенсацию, получая сумму 28 р. 59 к. в год, что, конечно, не являлось достаточным для нормальной жизни. В этих случаях оставалось только надеется на понимание со стороны начальства. Могли принять во внимание трудное материальное положение или плохое состояние здоровье, добросовестную службу и др., но могли и оставить просьбу нуждающегося чиновника без внимания. Канцелярскому чиновнику Московского коммерческого суда Николаю Музовскому в этом отношении повезло, ему была назначена усиленная пенсия вне правил 180 р. за 57 лет службы[983]. Такой случай является скорее исключением, так как вообще редкий чиновник мог прослужить в одной должности такой срок, что и заставило генерал-губернатора отойти от правил.

Другой социальной компенсацией было единовременное пособие. Она производилась чиновнику по размеру его жалования или содержания и аналогично выдавалась его вдове и детям в случае смерти[984], но семья получала полную сумму только, если чиновник прослужил более 10 лет. Чиновники, не имеющие постоянного оклада жалования, получали сумму в размере 85 р. 80 к[985]. В соответствие с данной нормой вдове околоточного надзирателя Марии Михайловне Некрасовой, муж которой прослужил в московской полиции 14 лет, было выдано пособие 550 р. согласно жалованию мужа, который умер на службе

---

[981] СЗРИ. Т. 3. С. 291.

[982] СЗРИ. Т. 3. С. 196.

[983] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г Ф. 16. Оп. 199 Д. 58. Л. 1-2.

[984] СЗРИ. Т. 3. С. 195.

[985] Там же.

от болезни. Еще при жизни он имел возможность получить пенсию по сокращенным срокам[986].

Пособия могли назначаться в случае каких-то неожиданных убытков, которые понес служащий. 7 августа 1901 г. у присяжного счетчика Московского уездного казначейства Максима Конюкова сгорел овин с хлебом, которой он владел совместно с братом. Свои убытки счетчик оценил в размере примерно 280 р. При этом в убытки включил пропавшую лошадь. Пособие было пожаловано императором в размере 40 р[987]. Присяжные счетчики не являлись чиновниками, но как люди, причастные к работе государственных учреждений, могут рассматриваться в качестве примера.

Родственники тоже пользовались правом на единовременное пособие. Оно назначалось в том случае, если муж или отец не успели выслужить право на пенсию, если умерший чиновник не успел заработать себе пенсию по независящим от него обстоятельствам, например, при упразднении учреждения, в котором состоял. Также пособие могли получить родственники служащих, которые по каким-то причинам потеряли право на получение пенсии, хотя и выслужили установленные сроки[988]. Как и в случае с пенсиями дети не могли претендовать на единовременные пособия при достижении ими совершеннолетия (мальчики – 17 лет, девочки – 21 год). Для поддержки вдов чиновников, оставшихся без средств к существованию, был учрежден Московский вдовий дом.

Пособие можно было получить на воспитание детей, как это сделал податной инспектор Н. Скуратов, которому был открыт кредит в размере 200 р.

---

[986] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 198. Д. 34.

[987] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 80. Д. 316.

[988] СЗРИ. Т. 3. С. 185-186.

на воспитание двух младших детей, другой податной инспектор Крачкевич получал деньги на сложную операцию для сына[989].

Обращает на себя внимание тот факт, что в ходе выдачи различных пособий постоянно совершались какие-то оплошности, могли выдать деньги по ошибке, а могли назначить пособие мертвому служащему, как это было с присяжным счетчиком Мусиновым, когда ошибка была установлена, потребовался месяц на улаживание бюрократических вопросов, чтобы выдать пособие жене счетчика[990].

Также пособие могло назначаться взамен другого вида материальной поддержки, например, аренды. В 1899 г. генерал-губернатор Сергей Александрович ходатайствовал перед императором о назначении аренды И.Ф. Тютчеву, который был прикомандирован к МВД и состоял при генерал-губернаторе в качестве чиновника для особых поручений, но при этом аренда не была назначена, взамен её предложено было ежегодное пособие в размере 1500 р. в течение 6 лет. Будучи человеком «многосемейным» и работая без содержания, И.Ф. Тютчев оказался «в некотором стесненном положении» вследствие сельскохозяйственного кризиса[991]. Указанная причина, скорее всего, является не более чем предлогом, так как срок аренды устанавливался на 6 лет, а с 1 января 1905 г. срок выплаты пособия был продлен еще на 4 года[992]. При этом характер этого «стеснительного положения» у действительного статского советника, скорее всего, сильно отличался от положения канцелярского служителя.

Для помощи неимущим чиновникам существовал комитет призрения заслуженных чиновников, призрением которого могли пользоваться все отставные гражданские чиновники. Они должны были предъявить документ о том, что, «служа с усердием, от трудов…подвергались тяжелым и неизлечимым

[989] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 5. Д. 262. Л. 21

[990] Там же. 7-11.

[991] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 197. Д. 604.

[992] СЗРИ. Т. 3. Л. 20.

болезням»[993]. Также на пособия могли рассчитывать вдовы чиновников, которые не получали пенсию за службу мужа и находились в тяжелом материальном положении[994]. Чтобы претендовать на пособие или пенсию от комитета, чиновник подавал прошение и документы о своей службе губернатору, тот передавал все это в комитет. При этом пенсия назначалась по классам должностей от IV класса – 2 000 р. И до 200 р. за XIV класс[995]. III и II классы получали пособия по решению царя. В случае смерти чиновника комитет также оказывал помощь сиротам и женам.

В годы революционных потрясений ценилась лояльность, поэтому её старались добиться и особыми вознаграждениями. Пострадавшим из-за противодействия забастовке или за отказ в участие в ней чиновник мог получить пособие в виде годового оклада. Также оплачивалось лечение полученных травм. Семьи чинов полиции, погибших в результате покушения на них, также могли рассчитывать на пособия. Также существовали особые средства казны «Пенсии и пособия в память Царя Освободителя и Мученика». Суммы из этих средств выплачивались семьям лиц, лишившихся жизни или чиновникам, которые получили серьезные травмы из-за преступных действий с политической целью. Эти правила распространялись не только на чиновников, но и на служащих общественного управления и по вольному найму, нижних чинов, сторожей, дворников и вообще всем лицам, пострадавшим от подобных преступлений. В таких ситуациях чиновник мог получить пенсию полного оклада за 15 лет службы. Единовременное пособие назначалось не более годового оклада содержания[996].

Таким образом, пенсия считалась исключительным преимуществом чиновников. Пенсия не являлась, чем-то обязательным, так как о назначении

---

[993] Там же. С. 303.

[994] Там же. С. 303.

[995] Там же. С. 305.

[996] Там же. С. 308-311.

содержания необходимо было еще ходатайствовать. Пенсионное обеспечение в Российской империи, хоть и имело прогрессивные гуманистические черты, но сам механизм работал плохо. Часто пенсия не была гарантирована и необходимо было вмешательство начальства, чтобы оно могло взять дело под «ручное управление». Все это еще больше ставило служащего в зависимость от своего непосредственного начальника, так как, создавалось больше рычагов влияния на финансовое положение чиновника. К тому же система разрядов вносила еще больше путаницы и неравенства в и без того запутанную систему чинов и классных должностей.

Заключение

В настоящей работе было проведено исследование социального состава чиновничества Московской губернии в начале XX в. Была рассмотрена структура высших губернских учреждений и должностных лиц, таких как губернатор и генерал-губернатор. Система управления в Российской империи страдала от излишней централизации, которая делала государственный аппарат медленным и неэффективным. Изменение законодательных норм не успевало за реальными потребностями государства, в результате чего в губерниях сохранялись архаичные учреждения, которые не могли решить поставленных перед ними задач. Разветвленная система губернского управления находилась в постоянном противоречии внутри себя, особенно ярко это проявлялось в Московской губернии на примере должностей губернатора и генерал-губернатора. В начале XX в. в Москве институт генерал-губернатора эволюционировал от надзорной должности с размытыми полномочиями, от промежуточной инстанции между местной властью и министерской до чрезвычайного поста с широкими полномочиями.

На рубеже XIX-XX вв. среди губернаторов и генерал-губернаторов установилась тенденция к снижению числа военных и увеличению количества чиновников-профессионалов с гражданским образованием. Однако бурные события начала XX в. в Московской губернии заставляли власть вновь вернуться к практике назначения военных или жандармских офицеров на высшие руководящие должности в губернии. Губернаторы-жандармы продемонстрировали нерешительность и неэффективность при подавлении революционных выступлений в Москве в отличие от профессиональных военных.

Среди губернаторов, генерал-губернаторов и вице-губернаторов сохранялось преобладание дворянства, но часто происхождение стало иметь второстепенное значение, а основное внимание уделялось личному опыту, лояльности и способности к решительным действиям. После подавления

революционных выступлений, должность генерал-губернатора оказалась ненужной, все полномочия распределили между собой губернатор и градоначальник, что стало положительным моментом, так как исчезла дополнительная бюрократическая преграда между местной властью и центром.

Система государственной службы в начале XX в. строилась на архаичных сословных принципах. Существование двух оснований, по которым можно было поступать на службу, существенно затрудняло подбор кадров. Основание по происхождению до 1906 г. стремилось оградить государственные должности от проникновения на них нежелательных с точки зрения власти элементов. Целые группы населения подвергались дискриминации по социальному, гендерному и национальному признакам. Цель такой системы – сохранить господство дворян в органах власти. При этом существование второго основания (по образованию) стремилось компенсировать недостаток квалифицированных кадров на должностях, которые дворяне не могли замещать в силу своей малочисленности. В ходе буржуазного развития государства это потребность ощущалась все более остро. При этом существовало огромное количество низовых должностей, на которые не поступали ни дворяне, ни люди с образованием. Учреждениям в Московской губернии постоянно приходилось обходить устаревшее законодательство, чтобы удовлетворить потребность в квалифицированных кадрах. В результате революции власть была вынуждена пойти на уступки и принять давно назревшие меры, которые выразились в указе 1906 г., снявшем ограничения на поступление в государственную службу с бывших податных сословий.

Система чинов к началу XX в. полностью себя исчерпала и препятствовала развитию нормального бюрократического аппарата, но власть не решалось пойти на преобразования. Чины должны были отражать опыт работы служащего, при повышении квалификации давать возможность занимать должности в соответствии с классом. На практике соотнести должности с чинами было очень сложно. Большая часть чиновников Московской губернии не занимала

должности по классу чина. Так как достижение определенного класса давало возможность получить дворянство, государство стремилось создать искусственные преграды карьерному росту чиновников неблагородного происхождения, зачисляя их в 3-ий разряд канцелярских служителей. Данные Московской губернии отражают неравномерность прохождения службы различными сословиями. Неравные условия замедляли формирование профессионального сословия чиновничества.

Закрытый слой чиновников не был един. Государство, наделив служащих определенными привилегиями, не превратило институт государственной службы в социальном отношении в опору для государства. Вместо этого власть продолжала опираться на дворянство. Это отражалось и в системе чинов, вершиной которой для человека неблагородного происхождения являлось обретение дворянского состояния. Объективные потребности заставляли власть снимать ограничения, но без переустройства всей системы эти меры хотя и открыли доступ всем сословиям к государственной службе, но их результатом стало снижение образовательного уровня служащих в Московской губернии.

Социальный состав служащих в различных учреждениях Московской губернии различался. Если в высших бюрократических губернских учреждениях все еще сильна была прослойка потомственного дворянства, то на низовом уровне дворян начинали теснить представители других сословий. Особенно преобладания дворянства правительство пыталось добиться в органах полиции, но в уездной полиции Московской губернии этого сделать не удалось. Хотя за дворянством и сохраняется большинство, но по своему составу эти чиновники не принадлежали к тому классу потомственных дворян-помещиков, на который рассчитывала опереться власть. Многие представители дворянства являлись выходцами из купцов, детей чиновников и священнослужителей, т.е. принадлежали к привилегированному сословию только в первом или втором поколении. При этом желание власти привлечь дворян в полицию имело под собой разумные основания, так как многие дворяне традиционно отдавали

предпочтение службе в армии, то они имели определенный набор профессиональных качеств, полезных для полицейского.

В ведомстве Министерства финансов Московской губернии доля дворян еще меньше, к 1913 г. их количество снизилась, в результате чего благородное сословие потеряло большинство в казенной палате и казначействах. Серьезные требования к квалификации служащих в этом министерстве приводят к тому, что формируется прослойка чиновников профессионалов. Представителями этих категорий являются управляющие палатой и податные инспекторы.

Среди врачей Московской губернии значительную долю составляли мещане. Анализ социального состава врачей дает понять, как выглядело бы чиновничество Московской губернии, если бы в нем не существовало способа поступления на государственную службу по происхождению.

Материальное благополучие большинства чиновников Московской губернии зависело от жалования. Большая часть служащих недворянского происхождения не имела собственности. Среди дворян крупных землевладельцев тоже встречалось немного. При этом большая часть нижних чинов (писцы, канцелярские служители) получали мизерное содержание. Такое положение вещей ставило чиновников в полную зависимость от начальства или толкало на противоправные действия.

Система наград в Российской империи повторяла судьбу системы чинов. На примере Московской губернии было показано, что чиновники получали ордена больше в порядке постепенности, чем за реальные заслуги. Чем ниже класс должности и чина у служащего, тем менее ценные награды он получал. С другой стороны, система орденов немного компенсировала существующие ограничения на прохождение службы и отсутствия достаточного количества классных должностей. На основе анализа медалей был опробован метод изучения возраста чиновников по памятным наградам. Данные о возрасте служащих полученные в ходе изучения формулярных списков совпадают с данными, полученными в

результате анализа наград: доля старшего поколения снижалась, а молодого наоборот росла.

Исследование семейного положения чиновничества Московской губернии показало, что многие чиновники вступали в браки с представительницами других сословий из близких социальных групп, чиновники дворяне сохраняли консерватизм и стремились жениться на дворянках. По вероисповеданию в среде Московского чиновничества сохранялось господство православия, с небольшим количеством представителей других религий.

В ходе исследования был проработан большой массив неопубликованных источников, которые вводятся в научной оборот впервые. Данные, полученные в результате работы, могут быть использованы в других исследованиях по социальной структуре Российской империи и Московской губернии в начале XX в.

Список источников и литературы

Неопубликованные источники:

Центральный государственный архив г. Москвы. Центр хранения документов до 1917 г.

1. Ф. 1. Московское врачебное управление Оп. 2. Д. 2482.

Оп. 3. Д. 70, 123, 210, 254.

Оп. 4. Д. 3, 8.

2. Ф. 16. Управление московского генерал-губернатора. Оп. 90. Д. 12.

Оп. 91. Д. 14.

Оп. 197. Д. 218, 604.

Оп. 198. Д. 5, 18, 34, 46, 51, 460, 478.

Оп. 199. Д. 7, 31, 58, 66, 77, 78, 87, 115, 116, 118, 128, 134, 146, 167, 173, 180, 182, 191, 232, 236, 273, 284, 289, 302, 335.

Оп. 200. Д. 11, 16, 17, 20, 21, 24, 25, 30, 41, 46, 55, 101, 104, 105, 322.

Оп. 201. Д. 5. Оп. 203. Д. 5.

Оп. 209. Д. 19.

Оп. 210. Д. 14.

Оп. 211. Д. 3, 6.

Оп. 225. Д. 1273, 1301.

3. Ф. 17. Канцелярия московского губернатора. Оп. 65. Д. 330, 333, 337, 351, 376, 378, 383, 385, 391, 393.

Оп. 74. Д. 188.

Оп. 76. Д. 455, 464, 670, 676.

Оп. 77. Д. 746, 765, 861, 881.

Оп. 80. Д. 199, 206, 231, 234, 235, 239, 243, 316.

Оп. 92. Д. 19, 26.

Оп. 93. Д. 126.

Оп. 97. Д. 658, 659, 660.

Оп. 101. Д. 254.

Оп. 102. Д. 161.

Оп. 104. Д. 21, 295.

4. Ф. 51. Московская казенная палата. Оп. 5. Д. 21, 131, 181, 184, 226, 262.

Оп. 13. Д. 40, 42, 45, 46, 47, 48, 49, 51, 54, 78, 107, 111, 112, 115, 130, 147, 148, 149, 150, 151, 154, 155, 165, 166, 167, 1101, 1241.

5. Ф. 54. Московское губернское правление. Оп. 178. Д. 92, 167.

Оп. 179. Д. 1052.

Оп. 187. Д. 552, 554.

6. Ф. 179. Московские городские дума и управа. Оп. 50. Д. 680, 683, 751, 752, 755, 765, 766, 777, 775, 905, 933, 6165.

7. Ф. 508. Московский почтамт ведомства главного управления почт и телеграфов Министерства внутренних дел. Оп. 13. Д. 901.

Опубликованные источники

1. Адрес-Календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1900 год. СПб.: Сенатская типография, 1900. 1062 с.

2. Адрес-Календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1903 год. СПб.: Сенатская типография, 1903. 1072 с.

3. Адрес-Календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1904 год. СПб.: Сенатская типография, 1904. 1066 с.

4. Астров Н.И. Воспоминания. Париж: YMCA Press, 1940. 360 с.

5. Великий Князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М.: Полигон, 2009. 382 с.

6. Витте. С.Ю. Из архива С.Ю. Витте. Т. 1-2. СПб.: Дм. Буланин, 2003.

7. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. – 24 апреля 1906 г. М.: "Греко-латинский кабинет" Ю. А. Шичалина, 1997. 334 с.

8. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1900 год. М.: Товарищество типо-литографии Владимир Чичерин, 1900. 589 с.

9. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1913 год. М.: Городская типография, 1913. 589 с.

10. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1914 год. М.: Городская типография, 1914. 1013 с.

11. Государственная канцелярия 1810-1910. СПб.: Государственная типография, 1910. 557 с.

12. Дислер О. Врач. Воспоминания об отце // Московский журнал. 1996. № 10. С. 47-54.

13. Дорошевич В.М. В.И. Ковалевский (воспоминание журналиста) // Собрание сочинений: литераторы и общественные деятели. Т. 4. М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1905. С. 171.

14. Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1-2. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1997.

15. Из деревни // Русская старина. Т. 128. № 11. 1906. С. 473-492.

16. Из записной книжки чиновника-Москвича // Русский архив. Кн. 1. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1905. С. 70-85.

17. Извольский А.П. Воспоминания. М.: Издательство «Петроград», 1924. 192 с.

18. Кононов А.А. «Захватчики, именующие себя «народ». Несколько документов из фонда П.П. Дурново. // Звезда. № 11. 1994. С. 156-168.

19. Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин: Петрополис, 1938. 224 с.

20. Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов: Воспоминания // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 512 с.

21. Памятная книжка Московской губернии на 1899 год. М.: Губернская типография, 1898. 769 с.

22. Памятная книжка Московской губернии на 1900 год. М.: Губернская типография, 1899. 70 с.

23. Памятная книжка Московской губернии на 1904 год. М.: Губернская типография, 1903. 64 с.

24. Памятная книжка Московской губернии на 1908 год. М.: Губернская типография, 1907. 618 с.

25. Памятная книжка Московской губернии на 1909 год. М.: Губернская типография, 1908. 156 с.

26. Памятная книжка Московской губернии на 1912 год. М.: Губернская типография, 1911. 454 с.

27. Памятная книжка Московской губернии на 1914 год. М.: Губернская типография, 1913. 246 с.

28. Письмо Дубасова // Красный архив. № 4-5. 1935. С. 153 - 154.

29. Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907-1916. Т. 1. М.: Высший военный редакционный совет., 1924. 240 с.

30. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 23, 36, 37, 41, 46, 47, 49, 51, 52, 54. СПб.: В Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1861, 1862, 1871, 1872, 1874, 1876, 1877, 1880, 1848; Собрание третье. Т. 1, 2, 3, 5, 9, 14, 16, 20, 23, 25, 26, 31, 33. СПб.: В Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1881, 1882, 1883, 1885, 1889, 1894, 1896, 1900, 1905, 1906, 1911, 1913.

31. Савелов Л.М. Воспоминания / Под ред. О.Н. Наумова. М.: Старая Басманная, 2015. 488 с.

32. Сборник кратких сведений о правительственных учреждениях. СПб.: В Типографии Департамента Уделов, 1889. 71 с.

33. Свод военных постановлений 1869 года. Кн. 15. СПб.: Государственная типография, 1907. 572 с.

34. Свод законов Российской империи. Т. 1, 2, 3, 11, 13, 15. СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912.

35. Список врачей служащих в учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения на 1906 г. СПб.: Типография Акционерного Общества «Слово», 1906. 586 с.

36. Список генералам по старшинству на 1913. СПб.: Военная типография, 1913. 1041 с.

37. Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел в губерниях, областях и градоначальствах. 1900 г. Ч. 2. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1900.

38. Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел в губерниях, областях и градоначальствах. 1901 г. Ч. 2. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1901.

39. Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел в губерниях, областях и градоначальствах. 1903 г. Ч. 2. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1903.

40. Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел. 1905 г. Ч. 2. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1905.

41. Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел. 1906 г. Ч. 2. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1906.

42. Список учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (кроме начальных) по городам и селениям 1908. СПб.: Департамент народного просвещения, 1908. 78 с.

43. Татищев А.А. Объезд сатрапа // Красный архив. № 69-70. 1935. С. 40-71

44. Урусов С.Д. Записки губернатора. Кишинев 1903-1904г. Т.1. М.: Издание В. М. Саблина, 1907. 377 с.

45. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. Т. 4. М.: Наука, 1976. 552 с.

Литература:

1. Алексеев. П. «Третий пункт» // Вестник права и нотариата. 1911. № 37. С. 1110-1143.
2. Бауман А.Л. Руководители Санкт-Петербурга. СПб.: Нева, 2003. 576 с.
3. Балязин В.Н. Императорские наместники первопрестольной. М.: Тверская,13, 2000. 494 с.
4. Балязин В.Н. Московские градоначальники. М.: ТЕРРА, 1997. 432 с.
5. Балязин В.Н., Дуров В.А., Казакевич А.Н. Самые знаменитые награды России. М.: Вече, 2001. 416 с.
6. Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1913. 290 с.
7. Берлин П. Русское взяточничество, как социально-историческое явление // Современный мир. № 8. 1910. С. 45-56.
8. Блинов И.А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб.: Типо-литография К. Л. Пентковского, 1905. 366 с.
9. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 1456 с.
10. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2003. - 704 с.
11. Боратынский М.А. Род дворян Боратынских. М.: Историко-родословн. общество, 1910. 18 с.
12. Бразоленко Б. Очерк развития бюрократии в Росси // Вестник знания. 1903. № 8.
13. Бурков В.Г. Фалеристика. М.: Российский Государственный Университет, 2000. 153 с.
14. Бутусова А.А. Провинциальное чиновничество России в 1861-1917 гг. (на примере Курской губернии): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Бутусова Анна Александровна. Курск, 2006. 183 с.
15. Гессен В.М. Губернаторы как орган надзора. СПб.: Литография Трофимова, 1907. 37 с.

16. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Т. 1 – 3. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1875 – 1883.

17. Дорская А.А. Российское законотворчество о свободе совести в 1905-1917 гг. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XX - XX веков. СПб.: Алетейя, 1999. С. 354-363.

18. Дубенцов Б.Б., Куликов С.В. Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в. (Итоги и перспективы изучения) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XX - XX веков. СПб.: Алетейя, 1999. С. 63-86.

19. Евреинов В.А. Гражданское чинопроизводство в России. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1888. 146 с.

20. Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства Просвещения РСФСР, 1960. 396 с.

21. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.

22. Иванов А. «Честно и грозно в духе исконно-русских начал». О московском генерал-губернаторе Сергее Константиновиче Гершельмане (1854−1910) // Московский журнал. История государства Российского. 2008. № 9. С. 12-17.

23. Иванов В.А. Губернское чиновничество 50-60 гг. XIX в. в России. Калуга: КГПИ, 1994. 229 с.

24. Иванов В.А. Источники для выяснения численности и состава служащих местных правительственных учреждений России в предреформенное время (1850-е годы) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сборник статей. М.: ИРИ РАН, 1998. С. 239-260.

25. Иванов В.А. Источники о штатах присутственных мест Московской губернии середины XIX в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сборник статей. М.: ИРИ РАН, 2009. С. 169-192.

26. Иванов В.А. Социальный облик местного чиновничества России в середине XIX в. // Федерализм: Теория. Практика. История. № 1. 2009. С. 79 – 92.

27. Иванов В.А. Местное чиновничество предреформенной России. // Преподавание истории в школе: Научно-теоретический и методический журнал. № 4. 2010. С. 15 – 19.

28. Иванов В.А. Кадровый состав государственного аппарата провинциальной России в середине XIX в. и его особенности (по материалам Калужской губернии). // История государства и права: Федеральный журнал: Научно-правовое издание. № 20. 2011. С. 33 – 35.

29. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.

30. Ивановский В.В. Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Русская мысль. 1903. № 8. С. 7-15.

31. Карнович Е. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1897. 292 с.

32. Киселев И.Н., Мироненко С.В. О чем рассказали формулярные списки // Число и мысль. Сб. статей. Вып. 9. М.: Знание, 1986. С. 6-31.

33. Климова Л.В. Проблемы взаимодействия местных органов власти в Москве во второй половине XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2015. № 3. С. 116-124.

34. Коваленко И.Д. Источниковедение истории СССР. М.: Высшая школа, 1981. 560 с.

35. Кононов В.И. Институт генерал-губернаторства в российской дореволюционной модели регионального управления (на примере Смоленской губернии, 1764-1856) // Историю пишут аспиранты. Вып. 4. Смоленск: Смоленский государственный педагогический университет, 2004. С. 39-50.

36. Коваленко Г.А. Врачи и общество. СПб.: Медицинский журнал, 1905. 79 с.

37. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1 - 2. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1909.

38. Куликов С.В. Социальный облик высшей бюрократии России накануне февральской революции // Из глубины времен. Вып. 5. 1995. С. 3-46.

39. Кутафин О.Е. Основы государства и права. М.: Юристъ, 2000. 416 с.

40. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. СПб.: Типография Акционерного Общества «Слово», 1908. 487 с.

41. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 2. СПб.: Типография Акционерного Общества «Слово», 1910. 282 с.

42. Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М.: Наука, 1976. 292 с.

43. Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII - начало XX века). М.: Прометей, 2001. 357 с.

44. Мерзлякова Л.В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (Опыт социально-политической характеристики): дис. ... канд. ист. Наук: 07.00.02 / Мерзялкова Любовь Владимировна. Ижевск, 1997. 228 с.

45. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 538 с.

46. Ольшевский С.Д. Бюрократия. М.: Издательство В.М. Сабанина, 1906. 80 с.

47. Оржеховский И.В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60-70-х годах XIX века. Горький: Издательство Горьковского университета им. Н.И. Лобачевского, 1974. 168 с.

48. Павлова Г.В. Воронежская губернская администрация (губернское правление и канцелярия губернатора) в 60-х гг. XIX - начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Павлова Галина Васильевна. Воронеж, 2004. 270 с.

49. Павлюк Ю.Б. Российское чиновничество в системе местного управления в первой половине XIX века : На материалах Московской и Тверской губерний: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Павлюк Юрий Борисович. М., 2001. 240 с.

50. Поскачей Т.А. Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII - первой половине XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Поскачей Татьяна Александровна. Рязань, 2006. 261 с.

51. Пушкарева И., Перегудова З. В.Ф. Джунковский и его воспоминания // В.Ф. Джунковский. Воспоминания. Т. 1. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1997. С. 4 – 27.

52. Раскин Д.И. Специализация высшей российской бюрократии XIX- начала XX в.: образование, профессиональный опыт, продвижение по службе // Из глубины времен. Вып. 3. 1994. С. 29-42.

53. Румянцева М. Ф. Массовые источники по истории чиновничества местных государственных учреждений России, 1762-1802 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 19 с.

54. Семин Г.А. Чиновники Московской казенной палаты в начале XXв.: социальный аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2014. № 5. С. 113-119.

55. Семин Г.А. Чиновники московской уездной полиции в начале XX века. Социальный аспект // Преподавание истории в школе. 2015. № 7. С. 23-27, 35.

56. Семин Г.А. Врачи как часть чиновного сообщества Московской губернии в начале XX в.: социальный аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2015. № 5. С. 148-155.

57. Семин Г.А. Социальный облик податных инспекторов Московской губернии в начале XX в. // Наше отечество. Страницы истории. М.: Московский государственный областной университет, 2016. С. 32 – 38.

58. Семин Г.А. Медали чиновников Московской губернии как источник по социальной истории начала XX в. // Гербоведение. Т. 5. М.: Старая Басманная, 2016. С. 197 - 205.

59. Семин Г.А. Чиновничество Московской губернии в начале XX в.: социальный аспект // Студенческая молодежь и общественные науки. Материалы IX регионаотной научной студенческой конференции. Коломна: МГОСГИ, 2015. С. 18 – 21.

60. Семкин А.Н. «Зачислить за ВЧК впредь до особого распоряжения». Дело В. Ф. Джунковского в московской Таганской тюрьме // Отечественные архивы. 2002. № 5.

61. Слотин Е.В. Провинциальное училищное чиновничество России в XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Слотин Владимир Евгеньевич. Киров, 2010. 243 с.

62. Смоленский Н.И. Теория и методология истории. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 272 с.

63. Соколов К. Очерк истории и современного значения генерал-губернатора // Вестник права. 1903. Кн. 7, 8. С. 110 – 179.

64. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1981. 258 с.

65. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907-1914 гг. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. 268 с.

66. Соловьев Я.В. Бюрократический аппарат Министерства финансов в пореформенную эпоху // Вопросы истории. 2006. № 7. С.9-25.

67. Соловьев Я.В. Министерство финансов Российской империи в 1858 - 1903 гг.: организация и функционирование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 393 с.

68. Страховский И.М. Губернское устройство // Журнал министерства юстиции. 1913 № 7, 8, 9.

69. Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства. М.: РОССПЭН, 2012. 407 с.

70. Трифонов А.Г., Межуев Б.Н. Генерал-губернаторство в российской системе территориального управления // Полис. 2000. № 5. С. 19 – 27.

71. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. 400 с.

72. Черкесов В.В. Институт генерал-губернаторства и наместничества в российской империи: В 2 т. Т. 1. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. 452 с.

73. Шепелев Л.Е. Отмененные историей чины, звания, титулы в Российской империи. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1977. 152 с.

74. Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. М.: Наука, 1991. 224 с.

75. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. XVIII - начало XX в. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. 520 с.

76. Шумейко И.Н. Городское самоуправление в Москве и роль князя В.М. Голицына в его радикальном преобразовании на рубеже XIX – XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2015. № 2. С. 132 - 139

77. Шумилов М.М. Губернаторские канцелярии и губернские правления в России 50-х – 80-х гг. XIX в. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XX - XX веков. СПб.: Алетейя, 1999. С. 187-199.

78. Эйхельман О.О. Обзор центральных и местных учреждений управления в России и устава о службе по определению от правительства. Киев: Типография Император Университета св. Владимира, 1890. 83 с.

79. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 22. СПб.: Семеновская Типо-Литография И. А. Ефрона, 1897. 480 с.

80. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 25. СПб.: Семеновская Типо-Литография И. А. Ефрона, 1898. 478 с.

81. Центральные архивы Москвы: Путеводитель по фондам. Выпуск 1. М.: Издательство ГБУ «ЦГА Москвы», 1999. 364 с.

Приложения

Таблица 1 Учебные заведения городов Московской губернии (кроме Москвы)[997]

Города Московской губернии	Учебное заведение
Богородск	Городское 4-кл. уч. Ж. гимназия
Бронницы	Городское 3-кл. уч.
Верея	Городское 3-кл. уч. Низш. ремесленная школа
Волоколамск	Городское 3-кл. уч.
Воскресенск	Городское 4-кл. уч.[998]
Дмитров	Городское 4-кл. уч. Ж. прогимназия
Звенигород	Городское 3-кл. уч.
Клин	Городское 3-кл. уч. Ж. прогимназия
Коломна	М. гимназия Ж. гимназия Городское 3-кл. уч. Низш. Ремесленная школа имени бр. Шаниных
Можайск	Городское 3-кл. уч. Ж. прогимназия
Павловский посад	Городское 4-кл. уч. Ж. прогимназия
Подольск	Городское 3-кл. уч. Ж. прогимназия Низшая ремесленная школа имени Я.И. Козлова
Раменское	Частная ж. прогимназия Гросет Е. А.[999]
Руза	Городское 4-кл. уч.
Сергиев посад	М. гимназия Ж. гимназия Городское 4-кл. уч.
Серпухов	М. Александровская гимназия Ж. Николаевская гимназия Частная Ж. гимназия с правами для учащихся Пшеничкиной Городское 4-кл. уч. Низш. Ремесл. Школа при фабриках Т-ва мануфактуры Н.Н, Коншина

[997] Составлено на основе списка учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения по городам и селениям. 1 января 1908 г.

[998] Открыто 1 сентября 1907

[999] Преобразовано 1 января 1908 в учебное заведение 2 разряда

Таблица 2 Уровень образования чиновников Московской губернии в 1900-1906 гг.[1000]

		Законч. образование				Неоконч. образование			
Чин	Должн.	В.	Д.	С.	Н.	Н.	С.	В.	Н/Д
	III	1	-	-	-	-	-	-	-
	IV	3	-	-	-	-	-	-	-
	V	13	-	-	-	-	-	1	1
	VI	48	3	11	-	-	1	2	1
	VII	17	6	10	12	-	6	2	-
	VIII	151	4	12	25	1	14	1	2
	IX	10	2	12	4	-	4	-	-
	X	12	10	13	42	1	14	2	3
	XII	7	15	15	35	2	14	-	-
	XIV	-	4	1	14	-	1	1	-
	Н/Д[1001]	5	2	2	8	-	-	-	-
	Всего	**267**	**46**	**76**	**140**	**4**	**54**	**9**	**7**
III		5	-	-	-	-	-	-	-
IV		18	3	1	-	-	-	1	1
V		17	-	3	-	-	-	-	1
VI		58	3	6	7	-	1	-	-
VII		34	3	5	8	-	6	-	1
VIII		39	4	13	7	-	5	2	-
IX		31	3	9	23	-	7	1	1
X		17	2	12	17	-	9	2	1
XII		8	1	7	14	1	10	2	1
XIV		-	2	9	19	-	3	1	-
0		40	25	11	45	3	13	-	1

[1000] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 1. Оп. 4. Д. 3, 8, 264, 654; Ф. 16. Оп. 198. Д. 5, 478. Оп. 199. Д. 77, 146, 182. Оп. 200. Д. 17, 322. Оп. 201. Д. 5. Оп. 203. Д. 5. Оп. 209. Д. 19. Оп. 240. Д. 14; Ф. 17. Оп. 65. Д. 330, 337, 378, 383, 393. Оп. 101. Д. 254. Оп. 104. Д. 295; Ф. 51. Оп. 13. Д. 46, 47, 48, 54, 78, 111; Ф. 54. Оп. 187. Д. 552; Ф. 179. Оп. 50. Д. 683, 777, 905, 948, 5995.

[1001] В эту группу включены должности, для которых не удалось найти штатного расписания.

Таблица 3 Образовательный уровень чиновников полиции московской губернии за 1900 г.[1002]

		Законч. образование				Неоконч. образование			
Чин	Должн.	В.	Д.	С.	Н.	Н.	С.	В.	Н/Д
	VI	1	-	-	-	-	1	-	-
	VII	2	3	3	3	-	-	-	-
	VIII	1	-	3	1	-	2	-	-
	IX	6	2	10	3	-	3	-	-
	X	5	4	3	15	-	5	-	1
	XII	1	4	4	13	1	3	-	-
	XIV	-	3	1	5	-	-	1	-
	0[1003]	-	1	-	1	-	-	-	-
		16	**17**	**24**	**41**	**1**	**14**	**1**	**1**
VI		1	2	-	2	-	-	-	-
VII		3	1	3	2	-	2	-	-
VIII		4	2	5	2	-	3	-	-
IX		7	2	6	8	-	1	-	-
X		1	2	6	9	-	3	-	1
XII		-	-	1	2	-	2	1	-
XIV		-	1	3	6	-	-	-	-
0		-	7		10	1	3	-	-

[1002] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 65. Д. 337, 393. Оп. 101. Д. 254. Оп. 104. Д. 295; Ф. 54. Оп. 187. Д. 552.

[1003] Канцелярский служитель Канцелярии губернатора, Секретарь Бронницкого уездного съезда,

Таблица 4 Образовательный уровень чиновников Управления Московского генерал-губернатора 1900-1906 гг.[1004]

		Законч. образование			Неоконч. образование		
Чин	Должн.	В.	Д.	С.	С.	В.	Н/Д
	0[1005]	1	-	-	-	-	-
	V	2	-	-	-	-	1
	VI	6	2	5	-	-	1
	VII	6	-	3	1	2	-
	VIII	-	-	-	-	-	1
	XII	1	-	1	-	-	-
		16	**2**	**9**	**1**	**2**	**3**
III		1	-	-	-	-	-
IV		3	2	-	-	-	1
V		-	-	2	-	-	1
VI		4	-	2	-	-	-
VII		1	-	1	-	-	1
VIII		1	-	1	-	1	-
IX		1	-	1	-	-	-
X		3	-	-	1	-	5
XII		2	-	1	-	1	-
XIV		-	-	1	-	-	-

[1004] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 198. Д. 5, 478. Оп. 199. Д. 77, 146, 182. Оп. 200. Д. 17, 322. Оп. 201. Д. 5. Оп. 203. Д. 5. Оп. 209. Д. 19. Оп. 240. Д. 14.

[1005] Не удалось выяснить класс должность чиновника, причисленного к МВД, и откомандированного в распоряжение Московского генерал-губернатора.

Таблица 5 Образовательный уровень чиновников Министерства финансов за 1900 г.[1006]

		Законч. образование				Неоконч. образование			
Чин	Должн.	В.	Д.	С.	Н.	Н.	С.	В.	Н/Д
	V	-	-	-	-	-	-	1	-
	VI	28	-	3	-	-	-	1	-
	VII	-	1	3	9	-	4	-	-
	VIII	13	4	7	23	1	11	1	1
	IX	2	-	1	1	-	1	-	-
	X	6	6	9	27	1	10	1	2
	XII	4	11	8	22	1	11	-	-
	XIV	-	1	-	9	-	1	-	-
	0	-	1	1	5	-	-	-	-
		53	**24**	**32**	**96**	**3**	**38**	**4**	**3**
IV		-	-	-	-	-	-	1	-
V		3	1	1	-	-	-	-	-
VI		5	-	2	5	-	1	-	-
VII		10	1	1	6	-	3	-	-
VIII		11	1	5	4	-	1	1	-
IX		8	1	2	15	-	6	1	1
X		10	-	5	8	-	6	1	
XII		2	1	3	12	1	8	-	1
XIV		-	1	5	11	-	3	-	-
0		4	18	8	35	2	10	-	1

[1006] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 46, 47, 48, 54, 78, 111.

Таблица 6 Образовательный уровень чиновников Министерства финансов за 1913 г.[1007]

		Законч. образование			Неоконч. образование				
Чин	Должн.	В.	Д.	С.	Н.	Н.	С.	В.	Н/Д
	V	1	-	-	-	-	-	-	-
	VI	20	-	2	1	-	1	-	-
	VII	2	3	1	15	-	2	-	2
	VIII	5	4	6	18	-	6	-	-
	IX	2	12	8	35	-	10	1	1
	X	2	7	5	41	2	6	-	-
	XII	-	6	2	10	1	3	-	2
	XIV	-	3	1	24	1	-	-	-
	0	1	1	6	14	-	-	1	1
		33	**36**	**31**	**158**	**4**	**28**	**2**	**6**
IV		1	-	-	-	-	-	-	-
V		8	-	2	-	-	-	-	-
VI		8	1	-	8	-	1	-	-
VII		8	3	4	4	-	5	-	2
VIII		3	1	3	13	-	6	-	1
IX		-	-	-	5	-	3	-	-
X		2	1	2	22	-	3	-	2
XII		1	4	4	39	-	2	-	-
XIV		-	14	6	22	4	3	-	-
0		2	12	10	45	-	5	2	1

[1007] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 46, 47, 48, 54, 112, 130, 131, 132, 133, 147, 148, 149, 150, 165, 166, 167, 192, 220.

Таблица 7 Сословный состав Канцелярии Московского генерал-губернатора 1899-1900 г.[1008]

Чин	Должн.	Из дворян	Об.-офиц.	Сын священ.	Сын чин.
III		1	-	-	-
IV		2	-	-	-
	V	1	-	1	-
V		1	2	1	-
	VI	9	2	-	1
VI		5	-	-	1
	VII	8	-	-	-
VII		1	-	1	-
	VIII	-	-	1	-
VIII		3	-	-	-
IX		2	-	-	-
X		2	-	-	-
	XII	-	-	-	1
XII		2	-	-	-
	Н/Д	1	-	-	-
XIV		-	-	-	1

[1008] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 198. Д. 5, 478. Оп. 199. Д. 77, 146, 182. Оп. 200. Д. 17, 322. Оп. 201. Д. 5. Оп. 203. Д. 5. Оп. 209. Д. 19. Оп. 240. Д. 14.

Таблица 8 Сословный состав канцелярии Московского генерал-губернатора на 1913 г.[1009]

Чин	Должн.	Из дворян	Об.-офиц.	Сын священ.	Сын купца	Н/Д
IV		1	1	-	-	-
	V	-	1	-	-	-
V		2	-	1	-	-
	VI	4	-	1	-	1
VI		1	-	-	-	2
	VII	2	-	-	1	1
VIII		1	-	-	1	-
X		1	-	-	-	-

[1009] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 198. Д. 5, 478. Оп. 199. Д. 77, 146, 182. Оп. 200. Д. 17, 322. Оп. 201. Д. 5. Оп. 203. Д. 5. Оп. 209. Д. 19. Оп. 240. Д. 14.

Таблица 9 Сословный состав чинов полиции Московской губернии 1900-1904 гг.[1010]

Чин	Должн.	Др.[1011]	Из дворян[1012]	Из крестьян	Из мещан	Из об.-офиц.	Из солдатских детей	Почетные граждане[1013]	Сын купца	Сын священнослужителя	Сын чиновника
V		-	2	-	-	-	-	-	-	-	-
VI		-	3	-	-	2	-	-	-	-	-
	VII[1014]	-	6	-	-	4	-	-	-	1	-
VII		-	8	1	-	1	-	-	-	1	-
	VIII[1015]	-	7	-	-	-	-	-	-	-	-
VIII		-	9	-	-	2	-	1	-	1	2
	IX[1016]	2	10	-	-	3	1	1	1	2	3
IX		1	8	-	-	5	1	1	-	6	-
	X[1017]		10	2	-	7	1	4	-	6	3
X		1	6	1	-	5	1	3	-	3	2
	XII[1018]	1	3	-	2	6	-	1	-	11	2
XII			1	-	1	1		1	1	-	1
	XIV[1019]	1	2	1	1		-	2	-	-	3

[1010] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 65. Д. 337, 393. Оп. 101. Д. 254. Оп. 104. Д. 295; Ф. 54. Оп. 187. Д. 552.

[1011] В данную категорию включены чиновники из цеховых, из приказнослужительских, из гоф-фурьерских детей, сын свободного [неразборчиво]

[1012] Чиновники, у которых указано «из потомственных дворян» или «из дворян», также включен один чиновник из личных дворян

[1013] Личные и потомственные почетные граждане

[1014] Исправники, полицмейстеры

[1015] Помощники исправников

[1016] Становые приставы

[1017] Надзиратели, их помощники и секретари

[1018] Столоначальники, регистраторы

[1019] Канцелярские чиновники и служители, околоточные надзиратели

Продолжение таблицы 9

XIV		2	1	-	-	3	-	-	-	3	1
	0	-		1	-	-	-	-	-	-	-
0		-	2	2	2	1	-	2	-	6	5
Всего (%)		**4 (3)**	**38 (33)**	**4 (3)**	**3 (2,6)**	**20 (17)**	**2(1, 7)**	**8 (7)**	**1 (0, 8)**	**20 (17)**	**11 (9)**

Таблица 10 Сословный состав чинов полиции Московской губернии 1913 г.[1020]

Чин	Должн.	Из дворян	Из крестьян	Из мещан	Из Об.-офиц.	Почетные граждане	Сын священнослужителя
VIII		-	-	-	1	-	-
IX		1	-	-	1	-	1
	X	1	4	1	-	-	1
X			2	-	-	-	-
	XII	1	6	2	1	1	-
XII		1	1	1	-	-	-
	XIV	-	4	1	1	-	-
XIV		-	1	-	-	1	-
	0	-	-	1	-	-	-
0		-	10	4	-	-	-
Всего (%)		**2(8)**	**14(56)**	**5(20)**	**2(8)**	**1(4)**	**1(4)**

[1020] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 65. Д. 337, 393. Оп. 101. Д. 254. Оп. 104. Д. 295; Ф. 54. Оп. 187. Д. 552.

Таблица 11 Сословный состав податных инспекторов и их помощников в Московской губернии на 1 января 1900 г.[1021]

Сословие	Количество	%
Из дворян[1022]	15	45,5%
Дети чиновников[1023]	9	27,3%
Дети священнослужителей	3	9,1%
Дети купцов	2	6,1%
Из мещан	1	3,0%
Из потомственных почетных граждан	1	3,0%
Из Обер-офицерских детей	1	3,0%
Из крестьян	1	3,0%

[1021] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 46, 47, 48, 54, 78, 111.

[1022] В данную графу включены как потомственные дворяне, так и дворяне, у который в формулярном списке сословие написано «Из дворян», что не позволяет определить было ли это потомственное дворянство или личное

[1023] Дети профессиональных чиновников отнесены в отдельную категорию, так как не представляется возможным установить их сословное происхождение.

Таблица 12 Сословный состав податных инспекторов и их помощников в Московской губернии на 1 января 1913 г[1024]

Сословие	Количество	%
Сын чиновника	6	40
Сын священнослужителя	4	26
Из дворян	3	15
Из крестьян	3	15
Из мещан	2	13
Сын военного	1	6

[1024] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 46, 47, 48, 54, 112, 130, 147, 148, 150, 165, 166, 167.

Таблица.13. Сословный состав Московской казенной палаты и казначейств в 1900г.[1025]

Класс чина	Класс должности	Из дворян[1026]	Из крестьян	Из мещан	Об.-офиц.	Из солдатских детей	Из цеховых	Почет. граждане[1027]	Сын военного[1028]	Сын купца	Сын священ.	Сын чиновника	Другие[1029]
IV		1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	V	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
V		3	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-
	VI	15	1	1	1	-	-	1	1	2	3	8	-
VI		5	-	-	2	-	-	-	-	-	5	1	-
	VII	6	-	-	5	-	1	-	-	-	5		-
VII		5		1	3	-	-	-	1	1	7	3	-
	VIII	21	1	6	4	1	-	2	-	1	15	9	-
VIII		11	1	-	3	-	-	-	-	-	4	4	-
	IX	-	-	1	1	-	-	-	-	-	3	-	-
IX		7	-	1	10	-	-	1	-	1	11	3	-
	X	12	3	6	10	-	-	2	3	-	17	9	-
X		9	1	1	4	-	1	1	1	1	7	4	-

[1025] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 46, 47, 48, 54, 78, 111.

[1026] В данной категории объединены как потомственные дворяне, так и лица с записью в списке «из дворян»

[1027] В данную категорию включены дети личных почетных граждан, личные и потомственные почетные граждане

[1028] Обобщенная категория лиц, у которых не удается установить происхождения, сюда включены сын штабс-капитана, сын фельдфебеля и сын инженер полковника

[1029] В «другие» отнесен сын артиста

Продолжение таблицы 13

XII	XII	12	-	-	5	-	-	1	-	-	23	15	1
		11	-	-	4	1	-	-	-	-	6	6	-
	XIV	1	-	-	5	-	-	-	-	-	2	3	-
XIV		2	-	-	-	-	-	-	-	-	8	10	-
	0[1030]	-	1	5	-	-	-	1	-	-	-	-	-
0[1031]		14	4	15	5	-	-	5	2	-	19	13	1
	Всего	68	6	19	31	1	1	7	4	3	68	44	1
	%	27	2	8	12	0,4	0,4	3	1,6	1,2	27	17	0,4

[1030] Цифрой 0 условно обозначены писцы, так как их должность не имела класса, также класса не имели должности сторожей, курьеров и присяжных счетчиков, но они не включаются в статистику.

[1031] Классных чинов не имели канцелярские служители и вольнонаемные писцы. Тогда как канцелярскими чиновниками называли канцеляристов, получивших чин.

Таблица 14. Сословный состав Московской казенной палаты и казначейств в 1913г.[1032]

1900 Класс чина	1900 Класс	Из дворян %	Из крестьян %	Из мещан %	Из Обер-офицерских детей %	Из солдатских детей %	Из цеховых %	Почетные граждане %	Сын военного %	Сын купца %	Сын священнослужителя %	Сын чиновника %	Другие[1033] %	Всего
IV		1 100%	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
	V	1 100%	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
V		2 20%	2 20%	1 10%	-	-	-	-	-	-	3 30%	2 20%	-	10
	VI	5 20%	4 16%	3 12%	-	-	-	-	1 4%	-	5 20%	6 28%	-	25
VI		3 17%	-	4 22%	-	-	1 6%		2 11%	-	3 17%	5 28%	-	18
	VII	5 20%	-	3 12%	1 4%	-	1 4%	1 4%	1 4%	-	6 24%	7 28%	-	25
VII		11 42%	1 4%		2 8%	-	-	1 4%		-	5 19%	6 23%	-	26
	VIII	5 13%	3 8%	9 24%	2 5%	-	1 3%	-	-	-	10 26%	8 18%	1 3%	38
VIII		5 19%		1 4%	5 19%	1 4%	-	-	-	-	8 30%	7 26%	-	27
	IX	8 12%	6 9%	19 28%	8 12%	1 1%		1 1%		1 1%	12 17%	11 16%	2 3%	69
IX		1 13%	-	-	-	-	-	-	-	-	5 63%	2 25%	-	8
	X	4 6%	6 10%	14 22%	4 6%	2 3%	1 2%	4 6%	1 2%	-	14 22%	13 21%	-	63

[1032] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 46, 47, 48, 54, 112, 130, 131, 132, 133, 147, 148, 149, 150, 165, 166, 167, 192, 220.

[1033] Сын помощника гардеробмейстера, Сын капельдинера и из однодворцев солдатской слободы

Продолжение таблицы 14

32	24	50	29	49	24	77	298
2 6%	- 	- 	- 	1 2%	- 	- 	3 1%
4 13%	4 17%	5 10%	2 7%	13 27%	1 4%	8 10	52 17,4%
10 31%	2 8%	2 4%	1 3%	4 8%	4 17%	14 18	54 18,1%
-	-	-	-	-	-	1 1%	1 0,3%
1 3%	-	-	-		-	-	3 1%
1 3%	- 	3 6%	1 3%	1 2%	3 13%	4 5%	10 3%
-	-	2 4%	-	-	-	-	3 1%
-	-	2 4%	-	-	-	-	3 1%
3 9%	- 	6 12%	3 10%	3 6%	1 4%	- 	19 6%
7 22%	10 42%	18 36%	11 38%	17 35%	9 38%	30 39	78 26%
2 6%	2 8%	9 18%	11 38%	7 14%	6 25%	17 22	38 13%
2 6%	6 25%	3 6%		3 6%	- 	3 4%	34 11%
X	**XII**	**XII**	**XIV**	**XIV**	**0**	**0**	**Всего**

Таблица 15 Сословный состав казначейств Московской губернии в 1900 г.[1034]

Казнач.	Из дворян(%)	Из крестьян(%)	Из мещан(%)	Из Об.-офицер. дет.(%)	Из солдатских дет.(%)	Почет. Граждане(%)	Сын военного(%)	Сын священ.(%)	Сын чиновника(%)	Всего
Богородск.	3 (38)						1(13)	2(25)	2(25)	**8**
Бронн.	3 (60)							1(20)	1(20)	**5**
Верейск.				3(43)					4(57)	**7**
Волоколамск.	1 (20)		1(20)					3(60)		**5**
Дмитровск.	1 (20)			3(60)				1(20)		**5**
Звенигородск.	1 (17)				1(17)		1(17)	2(33)	1(17)	**6**
Клинск.			1(20)	2(40)		1(20)			1(20)	**5**
Коломенск.	1 (11)	1(11)	1(11)	3(33)			1(11)	2(22)		**8**
Можайск.	1 (13)	1(13)	1(13)	1(13)				3(38)	1(13)	**8**
Подольск.		1(13)	2(25)	2(25)		1(13)		1(13)		**8**
Рузск.				6(86)		1(14)				**7**
Серпуховск.	1 (14)		1(14)	1(14)				4(57)		**7**
Итог	12	3	7	20	1	3	3	19	10	**79**
%	15	4	9	25	1	4	4	24	13	**100**

[1034] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 13. Д. 48.

Таблица 16 Социальный состав врачей Московской губернии за 1900-1913 гг.[1035]

Чин	Должность	Из дворян	Из л. дворян	Из крестьян	Из мещан	Сын купца	Из Об.-офицер. детей	Из поч. Гражд.	Из цеховых	Сын военного	Казаки	Сын священнослужителя	Сын врача[1036]	Сын чиновника	Другие[1037]	Н/Д
	V	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
	VI	-	-	-	1	2	-	-	-	-	-	3	-	1	-	-
	VII	2	-	-	4	1	1	-	-	-	-	-	-	2	-	-
	VIII	32	2	2	27	13	10	2	2	1	2	24	3	18	4	4
Всего		**34**	**2**	**2**	**32**	**16**	**11**	**2**	**2**	**1**	**2**	**27**	**3**	**21**	**4**	**6**
III		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
IV		-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1
V		5	-	-	2	-	3	-	-	1	-	2	1	2	-	-
VI		9	1	-	7	4	6	-	1	-	1	12	-	5	-	-
VII		3	-	2	6	-	-	1	-	-	-	4	1	1	1	-
VIII		1	-	-	6	4	1	1	-	-	1	4	1	-	2	-
IX		2	-	-	3	2	1	-	-	-	-	1	-	4	-	-
X		1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
XII		1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
0		12	1	-	7	3	-	-	1	-	-	4	-	8	1	4

[1035] Ф. 1. Оп. 4. Д. 3, 8, 264, 654; Ф. 179. Оп. 50. Д. 683, 777, 905, 948, 5995.

[1036] Сын аптекарского помощника также включен в эту категорию

[1037] Сын учителя(2), сын пробирщика, Бывший швейцарский гражданин, принявший русское подданство

Таблица № 17. Соответствие законодательства реальной практике награждения

По закону в порядке постепенности[1038]		Чиновники, которые имели данные ордена	
Класс должности и чина	Орден	Классы должностей	Классы чинов
любой	Св. Станислав 3 ст.	V-XIV	V-XII
Не ниже X	Св. Анна 3 ст.	V-X	IV-XII
Не ниже VIII	Св. Станислав 2 и Св. Анна 2 ст.	IV-IX IV-VIII	III-VIII III-VIII
Не ниже VII и Надворного советника	Св. Владимир 4 ст.[1039]	III-VI	III-IX
Не ниже V и ДСС	Св. Владимир 3 ст., Св. Станислав 1 ст.	IV-VI III-VI	III-X III-VIII
Не ниже IV и ДСС	Св. Анна 1 ст., Св. Владимира 2 ст.	III-IV III-IV	III-IV III
Не ниже IV и ТС	Белого орла		
Не ниже III и ТС	Александра Невского		

[1038] СЗРИ. Т. 1. С. 323.

[1039] Так как в Российской империи многие должности занимали лица, не имеющие соответствующих чинов или не пользующиеся правами государственной службы, то такие лица могли испрашивать ордена не ниже Владимира 4 ст СЗРИ Ст. 113 С. 323

Таблица 18 Ордена чиновников Московской губернии за 1900 г.[1040]

Чины	Должн.	Св. Станислав			Св. Анна				Св. Владимир				Иност.	Есть	Нет
Степени		3	2	1	4	3	2	1	4	3	2	1			
	III			1				1	1		1			1	
	IV		2	1			1	1	1	1	1		1	3	
	V	3	9	4	3	5	5	3	4	4			6	16	
	VI	27	20	4		18	15	2	9	6			8	50	23
	VII	31	12		2	22	8		7				5	34	14
	VIII	15	5		1	11	3		5					22	66
	IX	12	1		2	2								12	18
	X	3				2			2					6	95
	XII	1							1					1	95
	XIV														21
	Н/Д													1	34
Всего		**92**	**49**	**10**	**8**	**60**	**32**	**7**	**30**[1041]	**11**	**2**	**0**	**20**[1042]	**146**	**366**

[1040] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 1. Оп. 4. Д. 3, 8, 264, 654; Ф. 16. Оп. 198. Д. 5, 478. Оп. 199. Д. 77, 146, 182. Оп. 200. Д. 17, 322. Оп. 201. Д. 5. Оп. 203. Д. 5. Оп. 209. Д. 19. Оп. 240. Д. 14; Ф. 17. Оп. 65. Д. 330, 337, 378, 383, 393. Оп. 101. Д. 254. Оп. 104. Д. 295; Ф. 51. Оп. 13. Д. 46, 47, 48, 54, 78, 111; Ф. 54. Оп. 187. Д. 552; Ф. 179. Оп. 50. Д. 683, 777, 905, 948, 5995.

[1041] В формулярных списках двух чиновников возможна опечатка, указано, что получили Владимира 3 степени за 35 лет беспорочной службы, поэтому эти чиновники также отнесены к лицам, имеющим Владимир 4 степени

[1042] В данной графе указывается количество человек с наличием иностранных орденов, не зависимо от количества самих наград

Продолжение таблицы 18

			7	11	28	56	58	42	39	124
4	16	18	34	30	30	6	4	3		1
1	5	3	6	1	3	1				
2										
2	8	1								
1	3	5	13	4	1	2	1			
3	4				1					
3	6	6	11	4	2					
	2	5	20	13	13	4	2	1		
	1	1	4		2					
4	4	1			1					
6	4	10	16	7	6					
		8	19	22	28	9	3	2		1
III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XII	XIV	0

Таблица № 19. Лица, награжденные по случаю приезда императора в Москву в 1900 г.

Вид Награды	Класс чина	Награда
Ордена	III[1043]	1 – Владимир 2 степени
Придворные чины	IV[1044] IV[1045] V[1046] VII[1047] Предводители дворянства(2) Отставной ротмистр[1048]	Гофмейстер Гофмейстер Камергер Камер-Юнкеры Камер-Юнкеры и Камергер Камер-Юнкер
Высочайшее благоволение	III генерал-лет(III)[1049] генерал-майор(IV)[1050]	
Подарки из кабинета его величества	VII VIII[1051] Штабс-капитан(VIII)[1052]	

[1043] Управляющий канцелярией Московского генерал-губернатора гофмейстера двора Истомина

[1044] Князь Павел Голицын директор Архива МИД

[1045] Состоящий при московском генерал-губернатор действительный статский советник Тютчев

[1046] Управляющий канцелярией Московского обер-Полицмейстера Статский Советник Бельград

[1047] Чиновник особых поручений Московском генерал-губернатора Надворный советник Егоров

[1048] Струков Николай был позже определен на службу чиновником по особым поручениям при московском генерал-губернаторе 7 класса и переименован в звание титулярного советника (IX). 16.199.146

[1049] Гебрнатор Булыгин и начальник жандармского управления

[1050] Московский Обер-полицмейстер Трепов

[1051] Оба чиновника Жеребцов и Келеповский служили в канцелярии генерал-губернатора

[1052] Джунковский

Продолжение таблицы 19

Денежные вознаграждения	Нижние чины: Казацкая сотня, полицейские, корпус жандармов	По 1 рублю, всего было выделено 30 рублей, т.е. награжденных было не больше 30[1053].
Медаль	Крестьянин Филиппов, владеющий фабрикой в Москве пожаловал на школу 4500 р.	Серебряная медаль на Александровской ленте

[1053] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г Ф. 16. Оп. 199. Д. 52. т.2 Л. 19.

Таблица 20 Собственность чиновников Московской губернии 1900 - 1906[1054]

Чина	Должн.	Домовладельцы		Землевладельцы (дес.)						Фабрика	Нет	Н/Д
		без земли	с землей	1000-3000	Земля[1055]	3000-10000	500-1000	менее 500	более 10000			
	III											1
	IV			1								2
	V						1				3	11
	VI	3	3	1	1	3		3	2		40	12
	VII	3		1	1	1		1			34	10
	VIII	15	1	1	4		1	3		1	164	19
	IX							1			30	3
	X	13	1		1						80	1
	XII	4	3								76	3
	XIV	2									20	
	Н/Д	1									13	3
Всего		**41**	**8**	**4**	**7**	**4**	**2**	**8**	**2**	**1**	**460**	**66**
III				1							1	3
IV							1				8	10
V			1	1				3			15	6

[1054] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 1. Оп. 4. Д. 3, 8, 264, 654; Ф. 16. Оп. 198. Д. 5, 478. Оп. 199. Д. 77, 146, 182. Оп. 200. Д. 17, 322. Оп. 201. Д. 5. Оп. 203. Д. 5. Оп. 209. Д. 19. Оп. 240. Д. 14; Ф. 17. Оп. 65. Д. 330, 337, 378, 383, 393. Оп. 101. Д. 254. Оп. 104. Д. 295; Ф. 51. Оп. 13. Д. 46, 47, 48, 54, 78, 111; Ф. 54. Оп. 187. Д. 552; Ф. 179. Оп. 50. Д. 683, 777, 905, 948, 5995.

[1055] В данную графу занесены чиновники, у которых не установлено точное количество земли.

Продолжение таблицы 20

VI		7			1	1	1	1	2		49	13
VII		4	1		1	1		1			39	10
VIII		1		2	1	2		2		1	50	11
IX		7	2		3						60	3
X		3	4								51	5
XII		4	1								33	2
XIV		2	1					1			30	
0		9	2		1						123	2

Таблица № 21. Собственность чиновников Московской губернии по сословиям 1900-1906 гг.[1056]

Сословия	Домовладельцы		Землевладельцы (дес.)						Фабрика	Нет	Н/Д
	без земли	с землей	более 1000	Земля	более 3000	более 500	менее 500	более 10000			
Др.	1									9	
Двор.	12	3	3	5	4	2	4	2		123	10
Крест.	1									11	
Мещ.	2						1			42	4
Об.-офиц.	5	1					1			57	
Солд. Дет.	1									2	
Цех.										1	1
Поч. Гражд.	3								1	12	
Казак	1									1	
Сын воен.	2						1			2	

[1056] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 1. Оп. 4. Д. 3, 8, 264, 654; Ф. 16. Оп. 198. Д. 5, 478. Оп. 199. Д. 77, 146, 182. Оп. 200. Д. 17, 322. Оп. 201. Д. 5. Оп. 203. Д. 5. Оп. 209. Д. 19. Оп. 240. Д. 14; Ф. 17. Оп. 65. Д. 330, 337, 378, 383, 393. Оп. 101. Д. 254. Оп. 104. Д. 295; Ф. 51. Оп. 13. Д. 46, 47, 48, 54, 78, 111; Ф. 54. Оп. 187. Д. 552; Ф. 179. Оп. 50. Д. 683, 777, 905, 948, 5995.

Продолжение таблицы 21

Сын купца										17	1
Н/Д				1						6	6
Сын священ.	11									97	6
Сын чин.	2	4		1			1			68	1
	41	**8**	**3**	**7**	**4**	**2**	**8**	**2**	**1**	**448**	**29**

Таблица 22 Семейное положение чиновников Московской губернии 1900-1906 гг.[1057]

Класс чина	Женатые	Неженатые
III	5	0
IV	15	4
V	15	6
VI	58	8
VII	46	5
VIII	47	14
IX	54	14
X	38	20
XII	25	15
XIV	19	15
0	69	63
Всего	**391(70%)**	**164(30%)**

Таблица 23 Происхождение жен чиновников Московской губернии на 1900 г.[1058]

Дочери Священнослужителей	10
Крестьяне	1
Солдатские дети	1
Иностранки	3
Дворяне	11
Дочери чиновников	35
Дочери военных	11
Дочери купцов	13
Мещане	11
Разночинцы	5
Почетные граждане	7
Всего	**108**

[1057] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 1. Оп. 4. Д. 3, 8, 264, 654; Ф. 16. Оп. 198. Д. 5, 478. Оп. 199. Д. 77, 146, 182. Оп. 200. Д. 17, 322. Оп. 201. Д. 5. Оп. 203. Д. 5. Оп. 209. Д. 19. Оп. 240. Д. 14; Ф. 17. Оп. 65. Д. 330, 337, 378, 383, 393. Оп. 101. Д. 254. Оп. 104. Д. 295; Ф. 51. Оп. 13. Д. 46, 47, 48, 54, 78, 111; Ф. 54. Оп. 187. Д. 552; Ф. 179. Оп. 50. Д. 683, 777, 905, 948, 5995.

[1058] Там же.

Таблица 24 Возраст чиновников Московской губернии 1900-1906 г.[1059]

Чин	Должн.	До 20	21-25	26-30	31-35	36-40	41-45	46-50	51-55	56-60	Старше 61	Н/Д
	III	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
	IV	-	-	-	-	-	1	2	-	-	-	-
	V	-	-	-	1	1	1	0	3	-	1	8
	VI	-	1	5	7	21	12	8	2	6	2	7
	VII	-	-	5	3	11	2	11	4	8	1	6
	VIII	-	3	19	39	33	33	46	14	4	11	2
	IX	-	1	3	5	5	5	6	3	1	-	3
	X	-	4	22	23	16	10	10	5	2	3	2
	XII	1	16	21	14	14	2	10	1	-	3	3
	XIV	2	7	4	5	2	-	-	-	-	-	-
	Н/Д	1	5	3	1	2	-	-	2	-	-	3
Всего		**4**	**37**	**82**	**98**	**105**	**66**	**93**	**34**	**21**	**22**	**34**
III		-	-	-	-	-	-	1	1		1	2
IV		-	-	-	-	-	2	1	4	2	5	5
V		-	-	-	-	2	2	11	2	3	5	1
VI		-	1	1	1	7	15	24	10	9	3	4
VII		-	-	1	5	10	11	15	4	4	2	4
VIII		-	-	4	11	25	11	9	4	1	1	4
IX		-	-	7	13	21	9	13	4	1	3	4
X		-	1	12	16	14	6	6	1	1	2	1
XII		-	5	14	14	3	2	2	-	-	-	3
XIV		-	9	11	10	3	-	-	-	-	-	-
0		4	21	32	28	19	8	12	4	-	-	6

[1059] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 1. Оп. 4. Д. 3, 8, 264, 654; Ф. 16. Оп. 198. Д. 5, 478. Оп. 199. Д. 77, 146, 182. Оп. 200. Д. 17, 322. Оп. 201. Д. 5. Оп. 203. Д. 5. Оп. 209. Д. 19. Оп. 240. Д. 14; Ф. 17. Оп. 65. Д. 330, 337, 378, 383, 393. Оп. 101. Д. 254. Оп. 104. Д. 295; Ф. 51. Оп. 13. Д. 46, 47, 48, 54, 78, 111; Ф. 54. Оп. 187. Д. 552; Ф. 179. Оп. 50. Д. 683, 777, 905, 948, 5995.

Таблица 25 Возраст чиновников Московской губернии 1909-1913 г.[1060]

Чин	Должн.	До 20	21-25	26-30	31-35	36-40	41-45	46-50	51-55	56-60	Свыше 61	Н/Д
	III											
	IV											
	V						1	1		1		
	VI			2	1	1	11	8	3	5		
	VII				4	8	7	3	4	4		1
	VIII			2	9	13	17	7	2	2		
	IX		3	15	12	12	11	6	7	2	1	
	X		10	23	20	6	6	4	1	1		
	XII	1	17	6	4	2	4	1				
	XIV	7	11	6	4	4	2		1			
	0	12	6	3			1	1	3			
Всего		**20**	**47**	**57**	**54**	**46**	**60**	**31**	**21**	**15**	**1**	**1**
III												
IV							1	1	1	1		
V							2	5	1	5		
VI				3		2	5	5	5	4		
VII					2	4	15	6	3	1		
VIII					5	8	8	4	4	2		1
IX					1	4	4	1	2	2		
X			1	3	12	7	4	5	2		1	
XII			9	22	12	6	3		1			
XIV		1	19	13	8	8	2					
0		19	18	16	14	7	16	4	2			

[1060] ЦГАМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 1. Оп. 4. Д. 3, 8, 264, 654; Ф. 16. Оп. 198. Д. 5, 478. Оп. 199. Д. 77, 146, 182. Оп. 200. Д. 17, 322. Оп. 201. Д. 5. Оп. 203. Д. 5. Оп. 209. Д. 19. Оп. 240. Д. 14; Ф. 17. Оп. 65. Д. 330, 337, 378, 383, 393. Оп. 101. Д. 254. Оп. 104. Д. 295; Ф. 51. Оп. 13. Д. 46, 47, 48, 49, 54, 78, 111, 112, 130, 131, 132, 133, 147, 148, 149, 150, 165, 166, 167, 192, 220; Ф. 54. Оп. 187. Д. 552; Ф. 179. Оп. 50. Д. 683, 777, 905, 948, 5995.